

Елизавета Дворецкая

СВЕНЕЛЬД. ХАЗАРСКИЙ МЕЧ

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая
Свенельд. Хазарский меч

«Автор»

2022

Дворецкая Е. А.

Свенельд. Хазарский меч / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2022 — (Княгиня Ольга)

ISBN 978-5-04-175654-3

914 год. Битва на Итиле разрушила мир между хазарами и русами, взбаламутила народы и земли. Свенельд и его брат Годред собираются в поход на западный край хазарских владений: дочь Олава конунга, Ульвхильд, выйдет за Годреда, если он отомстит за ее погибшего от рук хазар мужа. Ярдар, молодой воевода хазарского сторожевого городка на Упе, жаждет обрести славу и могущество; Заранка, юная дочь ведуньи, обещает соткать ему пояс, который принесет удачу, если взамен он возьмет ее в жены. Но когда пояс будет готов, Ярдару придется сделать выбор, который определит всю его судьбу. Любовь спасает от смерти или обрекает на смерть, и в жестоких сражениях будет решено, за кем останется Путь Серебра...

ISBN 978-5-04-175654-3

© Дворецкая Е. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	64
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Елизавета Дворецкая

Свенельд. Хазарский меч

Часть первая

Глава 1

– Пойми ты – этого дела было миром не решить! – услышала Витислава, шагая через порог. – Если волк к овце приходит и говорит, «я тебя съем», будь она умна, хоть как сам Леон цесарь, а без драки не обойдется!

На скрип двери и Свенельд, и его гость – ладожский воевода Эйлав, – повернули головы. Витислава улыбнулась им – сегодня она уже с обоими виделась – и прошла к ларю, где лежало ее шитье.

– Так и здесь, – Свен опять обратился к Эйлаву. – Мы ли с ними не договаривались? Еще Боргар, покойник, за лето до похода ездил в Итиль, все с хакан-беком обсудил. Условия положили, клятвы принесли! Боргар от имени Олава на мече клялся, а тот, Аарон, это... «жив господь!» сказал, у них обычай такой. Уговор был честь по чести. И что с того? Обманул Аарон и нас, и бога своего. Они нашей добычи захотели, да мы не такие рохли, чтобы ее отдавать. Как тут можно было сговориться? Уж или мы их, или они нас.

– Но с чего они вздумали нападать на вас? – недоумевал Эйлав, теребя крупный «молот Тора» у себя на груди. – Чего им не хватало? Раз уж был уговор! Вы сами-то выполнили его?

– Да выполнили мы! Как прибыли к Итилю, на то же место, где по пути на море стояли, так стали ждать хакан-бека. Он своих людей прислал, чтобы половину всего добра отделить, и мы ни полшеляга не утаили. Хазары сами все лодьи осматривали, серебро взвешивали, всякую ветошку перещупали. Еще нас провести норовили: берут кафтан в пятьдесят дирхемов, а говорят – он двадцать стоит!

– Держава хазарская древняя, могучая, знатная! – не возражая прямо, Эйлав с недоверием покачал головой. – С чего им уговор нарушать? Может, вы чем обидели их?

Эйлав был довольно крупный мужчина обычной для варягов наружности: продолговатое лицо с высоким и широким лбом, крупный нос, ровные светлые брови, такие же светлые усы, борода и длинные волосы, спадавшие ниже плеч слегка вьющимися жирноватыми прядками. Лет ему было от тридцати до сорока, широкая грудь, мощные плечи, низко повязанный пояс придавали ему вид основательный, как у тяжелого вместительного ларя. Обитая почти на берегу Варяжского моря¹, он держал в крепости Альдейгьи-Ладоги сильную дружину, но своего места почти никогда не покидал, чтобы не оставлять начало великого пути из северных морей в южные без защиты от морских конунгов. Его не было на тех пирах у Олава, когда прибывшие из-за моря рассказывали о своих приключениях последних трех лет; но зимой, после «нового Йоля», он приехал из Альдейгьи в Хольмгард, желая сам разобраться в этих удивительных делах.

Витислава тем временем села на ларь и снова взялась за шитье. Отсюда ей было хорошо видно лицо мужа, и она то и дело на него поглядывала, стараясь наглядеться впрок перед новой скорой разлукой. И эту разлуку сделало необходимой именно то, о чем Свен сейчас беседовал с гостем.

---

¹ Финский залив, Нева и Ладожское озеро в древности считались продолжением Балтийского моря. (Здесь и далее примечания автора.)

– Ничем мы их не обидели! – с досадой ответил Свен. – Арсии кричали, дескать, отомстят нам за сарацин, что мы на море Хазарском побили-пограбили, они, мол, с ними одной веры. Но если так, зачем нас к ним пропустили? Ты сам понимать должен: ты в Альдейгье сидишь, чтобы никакой хрен отважный из Варяжского моря к Альдейгье и к нам не прошел, верно? И отец твой для того там сидел, и дед. Такого у вас нет в обычае, чтобы викингов в Гарды пропускать, а потом, как с добычей назад пойдут, мести искать!

– Пф-ф! – Эйлав фыркнул и засмеялся, а Свен переменялся в лице, изумленный собственным домыслом: если бы Эйлав вздумал так поступить, он бы считал его предателем и даже дважды предателем, желающим погреть руки на чужой крови, и покарал бы по мере сил.

– Хотели своих защитить, – продолжал он, – так и нападать надо было, пока мы туда шли, к Аль-бабу, а не обратно! А они напали, когда мы уже с добычей возвращались. Выходит, не мстить им нужна была, а добыча наша. Еще такое люди говорили: мол, хакан-бек думал, может, сарацины нас перебьют. Ему и то, и то хорошо: мы ли сарацин побьем, сарацины ли нас, хазарам все легче жить. А как мы вернулись, они увидели, что мы одолели да добычу взяли хорошую, так и решили нам веселье попортить. И добычу отнять, и людей перебить, чтобы больше уж не тревожиться, не придется ли им еще каких данников потерять.

– Со страху, что ли, напали на вас? – не поверил Эйлав.

– Может, и со страху. Наша сила им как кость в горле. Столько руси они никогда еще не видели. Раньше мы, люди Олава, были сами по себе, киевские – сами по себе, днепровские, бужанские... А теперь глядь – мы все вместе, да пять тысяч войска набрали! Они небось себе думали: в этот раз мы на сарацин пошли, а на другое лето куда? Радимичи были их данниками, а стали киевскими. И сын Хельги киевского там голову сложил, на том самом месте, – понизив голос, добавил Свен. – Я уж потом рассудил: может, это они так Хельги отомстили, что земли отнял? Идти походом, опять радимичей отбивать у них сил нет, вот так, по-подлому наброситься... И ведь говорили люди...

Его русые, выцветшие за три жарких лета брови сдвинулись над глазами цвета желудя. Он уже не раз вспоминал: давным-давно, зимой перед походом, когда они с братом Велерадом и Боргаром собирали дань с Мерямаа и звали с собой на сарацин тамошних мерен и русов, кто-то из умных людей предупреждал: не ловушку ли вам хазары приготовили? Обездолил хазар Хельги киевский, данников отнял, а они обиду затаили – ударят, когда не ждешь. В те дни они сочли это пустыми страхами: хазары сами враждуют с сарацинами, им выгодно своим врагам урон нанести чужими, русскими руками. И это ведь правда. Другое дело, что хазары и эти руки попытались укоротить, когда стали не нужны.

– Удивительно оно мне! – Эйлав опустил ладони на колени и вздохнул, будто сожалея, что никак не может уяснить себе произошедшее. – Держава древняя, мудрая, богатая, могучая, всеми уважаемая! И чтобы свое слово нарушить, клятву преступить... Своего же бога не боятся?

– До бога им, видать, далеко, а до нас близко. Была держава уважаемая, да как зубы растеряла, стала что медведь-шатун – где сумеет, там и урвет. Ну да мы ведь не овцы, – Свен сердито мотнул головой. – Пожалеет хакан-бек, что псов своих не удержал.

Витислава смотрела в лицо Свену: его взгляд на миг стал жестким, угрожающим, ноздри дрогнули, губы немного сжались. Он вернулся домой всего два месяца назад, перед этим пробыв в военном походе три лета и две зимы. А теперь снова готовился уйти. За эти два месяца она множество раз выслушала длинную сагу о походе на сарацин, и целиком, и частями. Более полугода прошло с тех пор, как сарацинская дружина хазарского хакан-бека напала на стан русского войска на берегу реки Итиль. Русы уже возвращались домой, уже расплатились с хазарами за разрешение пройти через их земли – отдав половину своей добычи! – и не ждали для себя ничего худого. При первом внезапном натиске хазарской конницы русы потеряли около тысячи человек убитыми и ранеными, и большинство потерь пришлось на северное вой-

ско, возглавляемое Свенельдом и его старшим братом, Годредом. При воспоминании о том дне на их лицах и сейчас проступала ярость – они не могли простить хазарам вероломства и кровопролития. А на другую ночь, когда русское войско покидало негостеприимный берег, сгинула прикрывавшая отход дружина киевских русов под началом молодого Грима конунга – он приходился сыном Хельги киевскому и зятем Олаву хольмгардскому. Ни один человек не смог потом рассказать, как он погиб: те, кто мог это видеть, пали вместе с ним. Никто не знал, кем, где, как Грим был похоронен – и похоронен ли? Это усиливало скорбь его близких и жажду мести – настолько, что даже ждать до следующего лета не было мочи. Бесчестье жгло, горе требовало расплаты. Первый поход возмездия должен был начаться уже через несколько дней. Только надежда на месть оживила Ульвхильд – юную вдову Грима, успевшую побыть его женой всего каких-то несколько месяцев.

Кроме потерь, столкновение на берегу Итиля повлекло за собой и другую трудность: для русов оказалась закрыта переволока с Итиля на Ванаквисль-Дон. Северному войску пришлось искать обратный путь через неведомые земли незнакомых или полужнакомых племен и не раз еще нести потери в сражениях с бургасами и чермису. Три месяца они пробирались по рекам через леса, пока наконец Волгыдо, западный приток Итиля, не привела их в Мерямаа, знакомые русам земли их давних уже данников-мерен. Так выяснилось, что от Меренской реки можно попасть на верхний Итиль, в страну болгар. Это немного утешило Олава в потере хазарских торгов, которая иначе стала бы сокрушительной: появилась надежда, что раздор с хаканбеком не лишит южную и северную русь серебряных шелягов и шелковых одежд. До использования вновь открытых дорог оставалось еще далеко: нужно было проложить безопасный путь до Булгара, отправить посольство к Алмас-кану, обсудить и утвердить договор. Это были дела на годы. Но чтобы уверенно приступить к ним и рассчитывать на уважение от старых и новых союзников, русам предстояло отомстить хазарам за вероломство и смерть Грима сына Хельги.

Даже самими русами эти новости принимались с трудом. Торговля с Хазарией была делом давним и привычным; в самом Итиле проживало сколько-то «хазарских русов», из которых иные даже приняли вслед за беками жидинскую веру. В Итиль стекались товары северных племен: разная пушнина, олений рог и рыбий зуб, точильный камень, кожи, бобровая струя, янтарь, березовая древесина, мед и воск, пленники, захваченные в набегах на чужие края. Там все это перепродавалось, итильские русы вместе с хазарскими купцами добирались до Багдада, где меняли меха на серебряные шеляги, шелковые одежды и стеклянные бусины. За много лет все привыкли к этому обмену, и самого Эйлава погнало в Хольмгард не столько любопытство, сколько беспокойство варяжских торговых людей, оставшихся на зиму в Альдейгье: как же теперь? Будет ли дальше серебро? Уже лет сто, а то и полтора, поток серебра лился с юга на север, достигая чуть ли не Ётунхейма. Там, где он перетекал от сарацин в северную половину мира, давно и прочно сидели хазары. Без их ведома и позволения ни один славянский князь или северный конунг не увидел бы ни кусочка шелка. И вот ворота на древнем Пути Серебра захлопнулись. За лето и зиму по землям разошлись слухи о кровавом раздоре между хазарами и русами, и в Свеаланде забеспокоились, стоит ли на следующее лето снаряжать корабли.

– Ты подумай, что теперь будет! – втолковывал Свену обеспокоенный Эйлав. – Весной придут ко мне корабли, а я что людям скажу? – Он имел в виду торговых гостей из Свеаланда и с острова Готланд, постоянно посещавших Ладогу и когда-то давших самых первых поселенцев этого места. – Некуда вам ехать, с хазарами торгового мира больше нет? Привезут они ножи, камень точильный, горшки каменные, железо привезут, рог олений, клык моржовый, а словене чем расплачиваться будут, если серебра нет?

– Бобрами да куницами, как всегда.

– А серебро где брать? Шелка, бусы? Без всех хазарских товаров мы останемся.

– Придется в Киев путь держать, к Хельги Хитрому. У него теперь с греками есть торговый мир. Наши товары и грекам сбывать можно, серебро и паволоки у них не хуже хазарских.

– Но у старого Бьёрна из Уппсалы нет торгового мира с Хельги!

– Это уж не наша забота! – Свен развел руками. – И не твоя. Пусть послов снаряжает, договаривается. А пока будут туда-сюда ездить, может, мы с булгарами столкнемся. А до Булгара и путь ближе, чем до Итиля, и легче гораздо – от Меренской реки все по воде, без волоков.

Эйлав вздохнул: он тоже понимал, что толк из этих замыслов выйдет через несколько лет, и то если все пойдет хорошо.

Дверь снова отворилась, просунулась голова смуглого мужчины с продолговатым лицом, высокими скулами и узкими, хотя не раскосыми глазами; на вид ему было хорошо за сорок, а то и за пятьдесят, но вид он имел оживленный и бойкий, каждая морщина из нажитых в дальних странствиях как будто улыбалась. Это был Мамалай – болгарский купец, бывший пленник, по доброй воле прибывший с дружиной в Хольмгард и уже ставший тиуном на новом Свенельдовом дворе. Его большой опыт, умение разбираться в товарах и припасах, умение считать и высчитывать очень пригодились такой юной хозяйке, какой была в свои четырнадцать лет Витислава.

– Господин, итле-ха²! – Мамалай поклонился Свену. – Приехали люди, сказали – Доброжа, их отец прислал припас. Прикажешь принять?

– Да, принимай! – Свен кивнул ему и встал, пояснив Эйлаву: – Расплатиться надо. Потом посмотрел на Витиславу: – Подружие моя, сходи добудь пять шелягов, принеси мне, добро сотвори³.

Витислава встала, выпрямилась и с величавой плавностью направилась в шомнушу, где, вплотную к хозяйской лежанке, стоял ларь с серебром. Ее распирало от гордости, что перед посторонним знатным человеком, ладожским воеводой, Свен показывает, что доверяет ей распоряжаться серебром, как самой настоящей хозяйке, как Олав доверяет Сванхейд, своей дроттнинг⁴. Бронзовый ключ с литой узорной ручкой хранился у Вито, подвешенный к одной из двух наплечных застежек (при хороших гостях она надевала варяжское платье как более богатое). Хозяйка в большом доме носит только такие ключи, от сокровищ, сами похожие на украшения. А уж тяжеленную гремющую связку больших железных ключей от клетей, погребов и всяких медуш таскает ключница (в сию должность, при условии сохранения воли, была произведена Милуша, вдова одного из погибших в походе хирдманов), чтобы пользоваться ими, когда госпожа прикажет что-нибудь убрать или достать. Свенельд и Витислава меньше месяца назад вселились на новый двор и зажили, как положено молодой семье; Вито каждый день втайне восхищалась тем, что она теперь настоящая хозяйка! Свенельд был старше нее на девять лет, но Вито казалось, что на все двадцать: он уже столько дальних стран повидал и столько опасностей пережил, что сорокалетнему хватило бы с избытком. Когда они впервые встретились, ему было уже двадцать и он был взрослым мужчиной, способным ходить за море, а она – девочкой, еще не облаченной в поневу. За три года, пока Свен воевал с сарацинами, Вито заметно подросла и уже годилась в жены, но для Свена, как ей казалось, прошло не три года, а все десять. Она уже была ростом с Радонегу, свою свекровь, но рядом со Свеном чувствовала себя девочкой, волей судениц посаженной на место, где требуется взрослая женщина.

Изо всех сил Вито старалась вести хозяйство как можно лучше, ничего не упускать. Но не давала покоя мысль – уже скоро она останется в новом богатом доме одна... Если бы у нее появился ребенок! Родив дитя, она по-настоящему станет женщиной и уже не будет опасаться, что Свен на нее саму смотрит как на дитя.

Неся шеляги в маленьком мешочке, Витислава вышла во двор. Свен стоял у возов, в наброшенном на плечи незапахнутом кожухе, наблюдая за разгрузкой. Распоряжался Мамалай,

² Итле-ха – «послушай-ка».

³ Добро сотвори – древнерусский аналог слова «пожалуйста», «сделай милость».

⁴ Дроттнинг – королева (др. – сканд.)

а дренги таскали бочонки с солониной и мешки с зерном от саней в клеть. Это были swei из тех, что остались в Хольмгарде на зиму; как люди, носящие оружие, они неохотно прислуживали по хозяйству, но вынуждены были сами о себе заботиться, как в походе. С Хазарского моря привезли только серебро и платье, челядь не брали, но в этот раз Свен собирался привести полон и скот. Вито и радовалась, что к лету у нее будет много слуг и служанок, свое собственное стадо, но и тревожилась – как она со всем этим управится? Станет ли челядь слушать такую юную госпожу?

Рядом со Свеном стоял молодец лет двадцати, в туго подпоясанном белом овчинном кожухе, по виду из словен – сын старейшины, приславшего припасы. Совершенно такой же, как сотни ему подобных: простое лицо с крупными чертами, яркие губы, широкий нос, легкая светлая борода, опушившая щеки. Светлые ровные брови выделялись на сильно загорелом лице, как и у самого Свена; отметив это, Витислава подумала, что и молодец, как видно, был в сарацинском походе.

Вот все перетаскали, Мамалай поклонился господину, Вито передала Свену мешочек. Он высыпал шеляги на ладонь и передал молодцу. Тот принял их, ссыпал в свой кошель на пояс, еще раз слегка поклонился Свену:

– Дозволь слово молвить.

– Слушаю, друже! – кивнул Свен.

Былемира, Нетешина сына, он и правда знал по недавнему походу: тот входил в дружину Сдеслава из Словенска, собравшего к себе словенских ратников с берегов Ильменя, и вместе с другими словенскими боярами бывшего под началом Свена и Годо.

– Возьми меня и двух моих братьев в дружину, как пойдешь на хазар.

Свен улыбнулся и удивленно присвистнул:

– И ты на хазар хочешь? Так скоро? Постой, ты ведь женился только что! – Он взглянул на пояс Былемира, который указывал на молодого женатого мужчину, еще не имеющего детей. – Правда же?

– Истинно, – с улыбкой подтвердила Вито, помнившая, как Былимова жена приходила к ней на новоселье среди других словенских молодых.

Вернувшихся отроков, привезших свою долю добычи, их отцы на радостях женили сразу после похода, благо начало зимы для этого самое подходящее время, а невест им подобрали годы назад. Иные из этих невест, увы, своих женихов не дождались и теперь осторожно приглядывались к молодым свеям – пожелай те остаться здесь и набери довольно добычи для обзаведения хозяйством, так были бы женихи не хуже других. Однако в нынешний поход Свен и Годо собирались только с наемниками-варягами, словенских ратников с собой не звали. И особенно странно было такое желание от молодца, едва успевшего жениться. Сам Свен никуда бы не пошел, если бы не обязанность поддержать брата: Годред взялся отомстить хазарам за смерть Грима, рассчитывая в награду получить его вдову, Ульвхильд, дочь Олава.

– И ты, господин, женился только что, – Былим слегка улыбнулся.

– Мой брат дал обет отомстить за Грима конунга.

– Ну так и нам есть за кого мстить. Вуй мой, Быслав, Себегостев сын, на Итиле сгинул.

Свен еще раз просвистел. Быслава он, конечно, помнил – тот и поднял тревогу, первым поняв, чем грозит русам пыльное облако со стороны степи. Но того первого натиска хазарской конницы Быслав не пережил.

– Коли ты идешь мести искать – и мы пойдем, – добавил Былим. – Мы чай не хуже людей. А мечь у нас и у вас общая.

В этих словах звучало сдержанное, но уверенное достоинство.

– Отец тебя отпустил... и братьев твоих?

Видно было, что Свен вовсе не прочь принять эту помощь, но не хочет ради этого ссориться со старейшинами. А тем едва ли понравится, если молодцы забросят дом и своих молодых да примутся ходить с одной войны на другую, словно безродные варяги.

– Отпустил. И меня, и Голчу со Станятой. Нам всем Быслав вuem приходился, и коли ты пойдешь мести искать, а мы дома останемся, нам всем бесчестье будет.

– Братья-то – отроки?

– Отроки еще. Шестнадцать и семнадцать им.

Значит, в пору сборов в первый поход были еще слишком юны.

– Так и что: я в тот поход собирался, не старше Станяты был, – добавил Былим.

Теперь это был мужчина; среднего роста, с крепкой шеей и спокойным, уверенным взглядом серых глаз, он имел вид человека надежного и толкового. За три года в походе он повидал больше, чем иные из его сидевших дома родичей за тридцать лет.

– Ин будь по-вашему, – кивнул Свен. – Ты братьев подучи, пока время есть. А то они ведь топором только с деревьями воевать привычные, да?

Былим еще раз поклонился и, не тратя лишних слов, повел сани прочь со двора.

Свен направился обратно в избу; судя по его лицу, он был доволен, хотя Вито не очень поняла – чем дружину так обогатит один молодец и два отрока?

Глава 2

До вечера Вито не успела забыть эту встречу и, увидев в девичьей избе Радонеги новое лицо, сразу о ней подумала. У Свенельда на дворе челядинок было пока только две, и по вечерам Вито ходила на супредки в привычное место – к своей свекрови. Тайком мечтала по пути с посада в город: Свен приведет полон, отроки-свеи возьмут жен, у нее под началом окажется десяток служанок, а может, и два – всем работа найдется. Тогда она велит выстроить особую девичью избу, как у Радонеги или Сванхейд, и там будут раздаваться женские голоса, детские крики, стук веретен. Но когда она войдет, все разом замолчат, встанут, поклонятся, а она будет обходить избу, смотреть, кто чем занимается, проверять, хорошо ли прядут, усердно ли шьют, раздавать новые уроки...

У Радонеги тоже встали и поклонились, когда она вошла: жена среднего из трех братьев была старшей из двух имеющих невесток, то есть второй после самой хозяйки-большухи. К вечеру Вито сняла варяжское платье с большими наплечными застежками и надела попроще, из тонкой серой шерсти, с узкими полосками красного шелка на рукавах и вороте. Сюда собирались женщины из других домов вокруг княжьего двора, и всякий вечер на скамьях бывало тесно. Радонега еще не появлялась, и пять-шесть служанок и гостей пока больше болтали, чем работали.

Вито прошла к столу, взяла кусочек хлеба и направилась к печи, сложенной из крупных камней.

– Макошь-матушка, благослови нас прясть, и ткать, и узоры брать! – Поклонившись, Вито положила кусочек в печь.

Прочие женщины вдоль скамей тоже поклонились, потом сели и взялись за работу уже с усердием. Вито уселась возле печи, напротив пустого места, оставленного для Радонеги. Бросила грустный взгляд на ткацкий стан, накрытый полотном: еще шли Велесовы дни, ткать сейчас нельзя, все пойдет вкривь и вкось. Ладно бы только полотно – вся судьба ткачихи и ее будущее потомство, а благополучие этого потомства было для Вито важнее всего на свете. Да и как иначе! Свен взял ее в жены, тогда еще слишком юную для настоящего супружества, не ради красоты ее – тогда она была как почка на ветке, да и не разглядел он ее толком, не до того было. И не ради приданого. И никакой помощи от ее отца – князя Драговита из Велиграда – он получить не мог и не рассчитывал. Для него важна была лишь ее княжеская кровь, самое ценное наследие общих детей, залог их достоинства и удачи. Какова бы ни была она сама, Витислава, Драговитова дочь, – ее сыновья, потомки богов, непременно станут выдающимися людьми и прославят род отца.

Свою родную семью Вито уже помнила плохо. Лица родителей, старшего брата Мстислава, бабки, сестер, невестки и прочих домочадцев застыли в памяти; она видела их ясно и четко, но эти лица сильно отделились, и она понимала, что сейчас, больше трех лет спустя, они уже другие. Она помнила лица из своего детства, но в нынешней жизни у нее был только Свен, его братья и родители. Вито понимала, как ей повезло, что они добрые люди и не обижают ее; только Годреда она побаивалась за его угрюмый вид и язвительные речи, но ему, конечно, и в голову не могло прийти взыбь враждовать с юной супругой родного брата. Раньше он, бывало, поддразнивал Свена, советуя ему поиграть с женой «в криночки», будто ей два года от роду; но после похода, когда она стала ростом со свекровь, шутить стало не над чем, а мысли самого Годо сосредоточились на Ульвхильд. Невестку он теперь мало замечал, и ей так было спокойнее.

Если бы у нее поскорее родился ребенок! В любом доме невестке нет настоящего уважения, пока нет детей. Но когда дитя наконец появится, когда она сделает то, чего от нее ждут,

ради чего Свен вез ее с Велетского моря, тогда она сможет с гордостью смотреть в глаза даже Годо.

Вито уже привычно прислушалась к себе – нет ли чего необычного? Первые признаки того, что жена «понесла», были ей известны, но ничего похожего она не ощущала. По-настоящему она замужем около месяца, и уже пора бы этому случиться! Иным удастся понести с первой ночи, и Вито, в обычное время обнаружив темное пятно на подоле сорочки, расстроилась до слез. А теперь еще Свен уезжает, его не будет дома до самого лета, и если на новой луне она опять запачкает сорочку, значит, еще месяца три будут потеряны напрасно! Вито испустила долгий горестный вздох – возможность исполнить главную обязанность знатной жены отодвигалась куда-то за небокрай, к острову Буяну... И ведь она уже не маленькая, в ее годы у иной есть готовое дитя. Ростом она даже Ульвхильд догнала, в ткачестве искусна и прилежна!

Видя, что молодая госпожа погрузилась в свои мысли, женщины опять принялись потихоньку болтать за работой.

– Это истинно так, – отвечала кому-то Благина, жена Альмундова тиуна Будяты. – Матушка моя – ей тогда уж шестой десяток был – однажды поутру проснулась и говорит: «Будет у нас в доме беда». Ее спрашивают: отчего? Она говорит: «Видела я во сне яблоню, такая красивая, цветущая вся, а корень черный, будто обгоревший». И правда: на третий день после того, сестрич мой пошел с отцом в ночь сети ставить, долбушка на корягу наскочила, перевернулась, он и утонул. А отрок был еще молодой, не женился даже. Старые люди ведают: коли видишь дерево во сне – то твой род. Какие у него ветки, листья, цветы, яблоки – то родичи твои. Видишь – одни ветки в цвету, на других яблоки, третьи вовсе увядшие – вот и думай, кто это из родни твоей. Может, кто в доме хворает, а ты видишь – ветка сухая. Будет она сохнуть или листья набирать – стало быть, или на поправку пойдет человек, или за Сварожичем потянется⁵...

– Верно ты, Благуша, говоришь! – закивала старушка соседка, Пожитова жена. Муж ее всякую зиму ездил с обозом полюдья торговать то с мерен, то с чюдью на север, и она привыкла проводить вечера у Альмундовой хозяйки. – Я еще в девках видела во сне: стоит яблоня такая хорошая, пышная, а на самой верхушке два яблока – с два кулака! И вот гляжу: падает одно. Затем гляжу – и второе падает! И еще та зима не прошла, как стрый мой, Путила, помер! А еще через месяц – и жена его! Вот и сбился сон мой.

– Почему же яблоня в цвету стояла, а родичи твои померли? – спросила другая соседка.

– Потому что семья-то наша большая, хорошая семья была, все здоровы, а стрюшка уж одряхлел, да и старуха его тоже, срок свой они отжили.

– Красивый сон, – вздохнула Солова, ключница.

Отворилась дверь, вошла какая-то молодуха-словенка, в поневе с вершником под овчинным кожухом. За спиной у нее был плетенный из бересты короб с шитьем. Поклонившись печи и собравшимся, гостя села так, чтобы видеть Витиславу; та тоже взглянула на нее и тут же узнала знакомое лицо. Показалось, что она видела эту молодуху совсем недавно, вот сегодня... нет, не видела, а думала о ней... Былемир! Это же молодуха того молодца, что нынче утром привез припас и получил от Свена шеляги... и попросился с ним в поход.

– А моя бабка говорила, – начала Веснюшка, челядинка, – что коли видишь во сне яблоко и оно с дерева падает – это дитя народится!

Витислава безотчетно вскинула голову – ее собственные мысли все вращались вокруг дитяти. Заметив это, все пристально глянули на нее; она смутилась и опустила глаза к шитью.

– Коли два яблока разом упадут – это двойню жди! – уверенно предрекла Веснюшка, а Вито подумала: вот бы принести сразу двойню!

⁵ Пойти за Сварожичем (огнем) – умереть (имеется в виду ритуал сожжения тела).

Женщины заспорили, хорошо ли, если двойня рождается; один-де непременно умрет, потому что один от живого отца, а другой в чрево подброшенный, ему все равно не жить... Глянув на Вито, Благуша велела прекратить эти бредни: как бы не сглазить хозяйскую невестку-молодуху, беды потом не оберешься...

Появилась наконец Радонег; все встали, кланяясь ей. Будучи родом ладожской словенкой, она привыкла одеваться сообразно случаю: на пиры к Олаву ходила в варяжском платье, а на супредки – в поневе и вершнике.

– А у нас в Ладоге, – начала она, узнав, о чем шла речь, – старые наши матери так толковали: дескать, если девка молодая видит яблоню в цвету – это ей скоро замуж выйти, а коли отрок – то жениться...

Женщины продолжали обсуждать сны и разные приметы, вспоминали, кому что снилось и к чему это привело. Слушая, Вито замечала, как Былемирова молодуха то и дело на нее посматривает и шитье у нее подвигается не споро. Чего ей тут делать – в Доброже своя большуха есть и свои супредки собираются...

Засиживаться Вито не стала. Свен, как обычно в эти дни, вечер проведет у Олава, но ей нравилось сидеть дома и ждать, что он придет – сама мысль, что он непременно придет, потому что здесь и его дом тоже, доставляла ей радость. Она была бы еще более рада, если бы он приходил пораньше и проводил с нею времени побольше, особенно сейчас, когда скоро им предстоит расстаться невесть на сколько... Но что ему делать с нею, со вздохом признавала Вито, сидеть смотреть, как она шьет? В гриднице у Олава ему с мужчинами веселее...

– Пора вам, бабоньки, по домам! – наконец объявила Радонег. – Темно уже, выужит, хорошо ли доберетесь?

Вито собрала свое шитье и позволила служанке надеть на нее шубу. Теперь она выходила со двора в дорогой куньей шубе – прошло то время, когда они с Ульвхильд катались с горок и валялись в снегу, для чего был хорош и беличий кожушок. В этой шубе, крытой тонкой брусничного цвета шерстью, можно лишь величаво выступать, зато всякому видно – вот идет молодая госпожа воеводского рода, богатого серебром и удачей!

За дверью сразу снегом бросило в лицо – замело к ночи не на шутку. Вито даже остановилась под навесом, не решаясь сразу выйти на открытое место и отдаться на волю ветра. Идти-то ей было не так далеко – несколько дворов, из ворот и еще через два двора к своему, новому над протокой, – но снеговые иголки жалили холодом лицо, и она прикрыла щеку рукавицей.

– Госпожа! – позвал вдруг чей-то голос над ухом. – Милости прошу!

– Ой! – от неожиданности Вито вздрогнула и ухватилась за Ляску, которая как раз закрыла за ней дверь. – Кто тут?

– Это я, Негоча, молодуха Былимова! Былима, Нетешина сына! Из Доброжи! Ты помнишь меня – я на новоселье приходила к тебе, господин Свенельд к нам приезжал молодух звать, мы с Ростияровой Деянкой к тебе приходили, курицу принесли и каши горшок...

– Я помню, помню! – Вито повернулась к ней, прислонившись к двери и закрывая лицо рукавицей от ветра. – Что ты мерзнешь-то здесь?

– Милости прошу! – повторила Негоча.

Ее лицо, к тому же замотанное в толстый платок по самые глаза, Вито видела плохо, но в голосе слышала страстную мольбу и волнение. По этому голосу скорее, чем по лицу – убрис молодухи всякое девичье лицо разом делает бабьим, – Вито вдруг сообразила, что Негоча немногим старше нее самой.

Чего она хочет? И к матери Вито, велиградской княгине, и к Радонеге, и к Сванхейд нередко приходили бедные женщины с просьбой – то помочь с мукой или полотном, чтобы дожить до урожая, то полечить хворое дитя – знатная женщина всегда бывает обучена свойствам целебных или чародейных трав и «сильным словам», или заступиться перед князем за мужей ради каких-то их провинностей. Да мало ли что! Вито приглядывалась, запоминала, как

нужно отвечать на эти просьбы, но не ждала, что кто-то придет с этим к ней! Что она может? И Былимов род не из бедных, сами шеляги сарацинские привезли.

– Я за мужа моего, Былимку! – продолжала Негоча, тоже прикрывая лицо вязаной рукавицей, чтобы ее слова не уносило выюжным ветром. – Он нынче был у господина Свенельда, просился с ним в поход на хазар. Господин Свенельд посулил его взять.

– Да, правда. Я слышала.

– Госпожа! – Негоча протянула руку, будто хотела ее коснуться, но не решилась. – Сделай милость, попроси господина, чтобы не брал Былимку!

– Почему?

Вито сначала удивилась. Если бы Свен отказал в просьбе, а жена Былима пришла ее повторить, ей было бы понятнее. Ее не удивило желание молодца пойти туда, откуда привозят славу и добычу. Почему же Негоча противится воле мужа?

– А ну как убьют его! – воскликнула Негоча, дескать, чего тут непонятного. – Это вам, варягам, война – дело привычное, да мы-то не варяги! Едва второй месяц, как свадьбу справили, пять лет как обручили нас, и что же – сызнова я одна оставайся! А вдруг и не дождусь? У нас трое в роду сгинули у тех сарацин, два мои брата вуйных⁶ да младший стрый, и у них, у Нетешичей, стрый сгинул...

– Я знаю, Быслав, – Вито хорошо помнила это имя, поскольку много-много раз слушала рассказ Свена и Годо о том жарком полуденном часе, когда конница арсиев нанесла первый удар по дремлющему русскому стану. – Вот Былим и хочет мстить за него. У Быслава же сынов не осталось?

– Вдовец он был, издавна, – Негоча покачала головой. – Бобылем жил.

– Ну а если не отомстить, то на весь род падет бесчестье. А где бесчестье, там счастья-доли не будет, – пояснила Вито.

Она вдруг ощутила, что должна разъяснить эти вещи: она, с детства привыкшая к разговорам о чести, веснянке, которая научена думать только своей доле.

– Да какая ж мне доля, коли без мужа останусь! – почти яростно воскликнула Негоча, и Вито попятилась. – Какая мне доля без него! Только замуж вышла – вдовой стану! Кто меня другой возьмет, с таким-то счастьем! Ростиска вон дома сидит, о хозяйстве радеет, и деточки пойдут, все у них ладно! Моему одному втемяшилось – сызнова голову в пасть Морене совать! За что мне недоля такая! Госпожа милостивая! – Она придвинулась к Вито и рукой в варежке взяла ее руку, тоже в варежке. – Умоли господина! Я бы сама к нему пошла, да поди меня не пустят, а он и слушать не станет! Ему чай вой нужны! А мне муж мой нужен! У господина воев много, сотни целые, а у меня Былимка один! Помоги мне, будь матерью родной!

Вито чуть не засмеялась, вообразив себя матерью молодухи одних лет с собой. Но сдержалась, понимая, что Негоче не до смеха.

– Я... – она запнулась, не зная, что ответить.

Обещать она ничего не могла, но и отказать было неловко – она понимала Негочу! От этого понимания ей стало еще более неловко, и она напрасно вдохнула раз-другой, не придумав никакого ответа.

На ее счастье, со скрипом отворилась дверь, под навес упал желтый отсвет огня, повеяло душноватым теплом избы. Вышла сперва Пожитова старушка, потом Радонега.

– Ты чего здесь? – изумилась свекровь, в свете из двери обнаружив рядом Вито. – Я думала, ты дома давно, у мужа под боком!

– Я иду! – поспешно ответила Вито. – Идем, Ляска.

Она направилась через двор к воротам, будто очень спешит, боясь, как бы Негоча не побежала за ней и не стала добиваться ответа. Но позади раздавался голос Пожитовой ста-

---

⁶ Вуйный брат – двоюродный брат через дядю по матери.

рушки, Негоча что-то ей отвечала. Ей бы теперь не разговаривать, а со всех ног домой бежать. До Доброжи версты три ли четыре, как бы не заплутала в метели, встревожилась Вито. Оставить бы ее ночевать – да нельзя жене без мужнего позволения проводить ночь вне дома. Авось дойдет – она эту дорогу хорошо знает, и в девицах на супредки сюда, бывало, бегала. Но и сама Вито ускоряла шаг, придерживая тяжелые полы длинной шубы; хорошо, никто не видит, как молодая госпожа воеводского дома бежит, точно утка, увязая в снегу. Воображая себя уткой, Вито развеселилась и даже засмеялась бы, если бы не боялась нахватать ртом снега.

Когда она наконец вломилась в собственную избу, здесь только Берянка, ее новая челядинка из той же Доброжи родом, прилежно пряла при свете одного светильника. Увидев госпожу, встала и подошла снять с нее шубу. Свен еще не возвращался; Вито и обрадовалась этому, и захотела, чтобы он поскорее пришел. Но у Олава мужчины сидят, бывает, и за полночь, к тому же сейчас здесь Эйлав, сетует на разрыв торгового мира с хазарами, а ему опять объясняют, что хакан-бек сам виноват и что если с тобой очень хотят поссориться, чтобы огрбить, то никакой мудрец не сохранит мира...

Избавившись от шубы, Вито подошла к печи, приложила озябшие руки к нагретым гладким камням. Ляска у двери отряхивала ее шубу от снега.

– Дай пить, – велела Вито Берянке: запыхалась, пока бежала, в горле пересохло.

С ковшиком на коленях села на ближний край лавки. Подол платья был мокрым от снега. Вито вздохнула. Негоча не шла у нее из ума.

– Негочу видела сейчас, Былемирову, из ваших, – сказала она Беряне. – Боюсь, не заплутала бы в метель.

Беряна скривила рот скобкой, дескать, ее дело. Былемиру она приходилась какой-то второй или третьей стрыйной сестрой, его жену знала только по девичьим супредкам и весенним игрищам былых лет – та была родом из Всевижи. Сама Беряна была года на два старше и Вито, и Негочи, но ее отец не мог набрать на приданое восьми дочерям и отправил ее зарабатывать на него самой, благо Свенельд давал полгривны серебра в год.

– Доберется, – Беряна подавила зевок. – Вольно ж ей на ночь глядя бегать, да в метель... Будто дома не с кем пряхсть. Видно, Былимка ей воли много дает.

Вито слегка покачала головой, обеими руками сжимая маленький резной ковшик с утиной головой на ручке. Выглаженные бока его казались шелковыми, и весь он так ловко лежал в ладонях, что не хотелось выпускать. Это Велерад его вырезал – младший брат Свена, большой умелец. Все самые лучшие вещи из дерева и кости во всех трех домах были его работы: рукояти ножей, ложки, миски, блюда, ковши. Игрушки Веляси, его старшей дочери. Вторая появилась совсем недавно, но скоро и ей понадобится деревянное кольцо, чтобы грызть, как начнут резаться зубки... Вито улыбнулась, закрыв глаза. Когда у нее наконец будет дитя, Велько и ему вырежет и кольцо, и игрушки – лошадок, птичек, лодочку. А потом, лет через шесть – деревянный меч, точно такой же, как Страж Валькирии у Свена, только маленький. У многих мальчишек, чьи отцы носили мечи, были такие. Велько будет рад... Вито уже прямо видела его за этой работой.

Что ее дитя будет мальчиком и воином, она не сомневалась. У Свена непременно должен быть сын, такой же, как он сам. Сильный, отважный, уверенный...

В мысли снова вошла Негоча – тревожные глаза среди складок платка, взволнованный, яростный голос, приглушенный ветром... Вито быстро открыла глаза, надеясь прогнать ее вон. «А вдруг как убьют его... сызнова я одна оставайся!»

Что она понимает, квашня чащобная! Вито нахмурилась. Не будет она Свену ничего говорить про Былима. Да он и слушать бы не стал. Это их, мужские дела, не женкам в них соваться.

Но этот голос не шел из головы. «А вдруг как убьют?» Во время первого похода Вито не особенно тревожилась: была еще слишком мала, чтобы осознавать величину опасности для

Свена. Она знала, что иные походы продолжаются по несколько лет, но не могла вообразить, с чем ему предстоит столкнуться. Зато теперь она это знала! За пару месяцев после возвращения участники похода успели рассказать обо всем: о долгих переходах, о сражениях, о болезнях. Теперь Вито знала, что смерть подкрадывалась к Свену много-много раз. Тянула к нему руки, цепляла когтистыми пальцами за одежду. Вонзила сарацинскую саблю ему в грудь – шрам на три пальца выше сердца был хорошо заметен. И если Свен вернулся живым и здоровым, то лишь потому, что сильна была его хамингья – родовая удача. И дух-защитник в виде черного медведя, которым Вито сама его снабдила, заклиная тот первый обережный пояс.

Если убьют! Могут и убить, подумала она, с суровостью, которая была не столько ее собственной, сколько позаимствованной у Свена. Но кого же из мужчин эта мысль остановит? Разве что труса. А Свен не трус. И Былим не трус – это видно по его спокойным серым глазам, по всей уверенности, с какой он вновь вступал на опасную дорогу. Потому что для таких людей лучше умереть с честью, чем показать себя трусом, готовым мириться с позором. И не надо их отговаривать. Ведь чего они будут стоять, если поддадутся на такие уговоры?

Наконец на крыльце застучали шаги, заскрипела дверь, повеяло холодом и запахом снега, раздалась мужские голоса. Вито вскочила; вошел Свен, за ним Годо. Закрыв за собой дверь, они не сразу прошли вперед, а сначала сняли кожаные сапоги и шапки, отряхнули их от снега и повесили на деревянные крюки в стене. Этих крюков там был с десяток, и у каждого голова какого-то иного зверя; тоже Велерад расстарался, чтобы повеселить Вито. Глядя на них, Вито подумала: это счастье, что сейчас они пришли, оба живые и здоровые, она будет думать об этом как о счастье – уже через несколько дней, когда их здесь не будет. И снова вспомнила Негочу.

Вито подошла к столу, готовая им услужить чем-нибудь, хотя знала, что ни есть, ни пить они, после гридницы Олава, не хотят. Свен подошел и поцеловал ее, коснувшись лица мокрой от снега бородой; Вито засмеялась, стирая со щеки холодную влагу.

– Все, спать! – Годо сел на лавку, где Беряна уже развернула ему постельник.

Не имея пока собственного дома, Годо ночевал где придется: то у Свена, то у родителей, то в дружинном доме, если засидится с хирдманами. Ему давным-давно следовало бы выбрать жену и хозяйничать у себя; и младший, и средний брат уже обзавелись достойными матерями для своих детей, но Годо лишь посмеивался над ними. Пока Ульвхильд была девушкой, ему не стоило на нее смотреть: дочь конунга ему бы не отдали. Но теперь, когда она овдовела, у него появилась надежда получить ее руку в обмен на месть и избавление от бесчестия. Если этот брак сладится, подумала Вито, то дом Годо должен быть лучше, чем у отца и даже брата: ведь тогда он войдет в семью самого Олава конунга. И, скорее всего, заберет к себе большую часть трех сотен свеев и данов, наемников, что пока живут на дворах у Свена и Олава.

Свен прошел в шомнушу, Вито отправилась за ним. Как всегда, ее наполняло облегчение от мысли, что день окончен, что он больше никуда не пойдет, а останется возле нее до утра – всю долгую зимнюю ночь. Свен, как мужчина, был жителем большого мира, и даже большего, чем у обычных весняков. Но теперь, когда за ними закрылась дверь шомнуши, весь большой мир остался там, снаружи, а Свен принадлежал одной только Вито.

– А я сегодня Былимову молодуху видела, – сказала Вито, глядя, как он разматывает обмотки.

Она не хотела и не собиралась ему рассказывать об этой встрече – решила же, что толку от этого не будет, – но как-то само вырвалось. То, что наполняло ее мысли, она не могла утаить от Свена.

– И что? – Свен глянул на нее без особого любопытства.

– Тревожится... что убьют его у хазар. Не хочет пускаться.

Вито стояла, прислонившись к резному столбу лежанки. И только выговорив эти слова, поняла, почему заговорила о Негоче. В ней занозой сидел страх, что убьют ее собственного мужа, но сказать об этом Свену язык бы не повернулся. И нельзя, никак нельзя! Знатная жена

для мужа – все равно что норна. Она создает ему судьбу – когда прядет пряжу, ткёт полотно, шьёт ему одежду, готовит и подает пищу. На переломах года гадает, вопрошая Дев Источника о его доле. И то, что она скажет о его будущем, может сбыться, даже против ее воли. Поэтому никогда нельзя предрекать мужу несчастье – это Вито запомнила с детства.

Хотела она сейчас совсем другого – чтобы Свен утешил ее, сказал, что ничего такого не будет, тревожиться нечего. Они ведь тоже не в дровах найдены, за себя постоят.

– Может, и убьют, – без волнения ответил Свен. – Идущий на войну уже мертв, это всякий должен знать. Если выходишь навстречу смерти, то смотри ей в глаза, а боишься – сиди дома.

Вито глубоко вдохнула. Свен не собирался ее успокаивать – ему это просто не приходило в голову. Да и она не дитя, чтобы тешиться. Вито молчала, с усилием свыкаясь с мыслью о тревоге, которая станет вечной спутницей ее супружества, и чувствуя, что по мере того как эта мысль устраивается в душе, сама она будто растет. Если ее муж готов взглянуть в глаза Морене, то и у нее нет другого пути. Ведь судьба у них единая навеки.

* * *

Проснулась Вито в глухой темноте, но с чувством, что утро близко, уже можно вставать и идти смотреть, как челядинки доят двух ее коров. А сон стоял перед глазами – видно, приснился только что. Она видела яблоню, точно такую, о какой вчера говорили женщины на супредках. Большая раскидистая яблоня, вся в цвету. На нижней ветке, вровень с лицом Вито, висели два яблока: одно было большое и красное, а другое – маленькое и зеленое. Она протянула руку, и тут маленькое яблочко сорвалось с ветки и упало наземь. А красное вдруг оказалось высоко-высоко, так что и не достать. Во сне Вито потянулась за ним, даже позвала: куда ты, вернись... И будто от звука собственного голоса проснулась.

Не шевелясь, Вито старалась получше запомнить сон, пока не спутался и не растаял. Яблоня – это твой род, как говорят женщины, это понятно. Ветки... сухих не было, вроде бы все зеленые. Но эти два яблока – они кто? Это могут быть какие-то родичи – но какие? Если старшие, как Благина рассказывала, то, выходит, Альмунд и Радонегга. Один из них умрет – это означает падение зеленого яблочка? Или старый человек не может быть зеленым? Тогда умрет кто-то из молодых? Из младших? Велерад? Кто-то из его детей – у него ведь две маленькие дочки?

Вито сама испугалась этих мыслей. Старшую, Велясю, она любила, а младшую, еще никак даже не названную, и видела только раз: еще не пришло время показывать людям мать и дитя. Неужели этой девочке назначено мало жить?

Да что это я, одернула сама себя Вито. С чего мне сны видеть о Велькиных детях? Пусть они Илетай снятся, она сама хитра, а мать у нее была знатная колдунья.

Но кто же тогда?

Яблоко упало – что это значит? Одни бабы вчера говорили, это к чьей-то смерти, а другие – что яблоко на дереве это к рождению. Хорошо бы, если так! Зеленое яблоко – это скорее кто-то юный, а красное – кто-то зрелый... Юный умрет, а зрелого доля вознесет высоко?

Ох! Трудное дело – сны толковать, особенно заранее. Легко, когда уже случится что-то, а ты вспомнишь, что вот был сон, предрекал. Но когда случится, от сна уже толку и нету...

«Когда сильно яблоня цветет – это к смерти», – прошамкала вчера какая-то незнакомая Вито старушка в углу. Ее было плохо видно в полутьме, и казалось, кикимора выползла из-за печи, чтобы предречь дому беду...

– Что ты вздыхаешь? – сонно пробурчал Свен, поворачиваясь к ней.

– Я... начала Вито и вдруг сообразила, чего ей хочется. – Знаешь, когда весна придет, я у нас на огороде яблоньку посажу!

Глава 3

*За полгода до того*⁷

Мирава чинила мужнину сорочку – выпарывала изодранные боковые части и рукава, чтобы вшить новые, – когда снаружи поднялся шум. В жаркий летний день дверь была открыта, лучи клонящегося к закату солнца вместе с душистым воздухом свободно проникали внутрь. А вместе с ним и звуки с площади в середине Тархан-городца. Не в пример соседним весям, где каждый большак сидел на своем отдельном дворе, в Тархан-городце, вмещавшем почти три сотни человек, внутренних тынов не имелось, и всякое происшествие делалось и видно, и слышно сразу всем.

Шум все усиливался, Мирава разбирала имена Хастена и Ярдара – люди звали воевод. Она уже хотела отложить шитье и выйти разузнать, как в дверь вскочила краснощекая Рдянка – ее домочадица из дальней родни. В это время ей полагалось полоть огород – почти все в Тархан-городце имели близ города полосы обработанной земли, где растили капусту, репу, лук и прочий овощ. Еще более обычного раскрасневшаяся, с блестящим от пота лицом, Рдянка жадно вдыхала – явно бежала бегом, – и тяжелая грудь ее колыхалась под серой холстиной рубахи с темными пятнами влаги.

– Красота на шов! – как положено, выдохнула она, видя, что хозяйка занята шитьем.

– Что там такое? – спросила удивленная Мирава, пока Рдянка переводила дух.

– Всполох! – наконец выговорила та; ее блекло-голубые глаза были выпучены, на светлых бровях виднелись капли пота. – Сарацины на нас идут в силе великой!

– Что-о? – от изумления Мирава встала, отложив шитье. – Ты сбесилась?

– Отроки приплыли... с Крутова Вершка... Любован послал... он сам видел!

Крутов Вершок было сельцо в полупереходе выше по Упе, и оттуда в Тархан-городец обычно приходили новости с подвосточной стороны. Но сарацины?

– Он так и сказал – сарацины? – повторила Мирава. – Когда ж такое видано, откуда им тут взяться?

– Так и сказал, земля-мать мне послух! – Рдянка слегка наклонилась, будто хотела коснуться земли для подкрепления клятвы, хотя в Тархан-городце полы в избах были не земляные, а из толстых досок, с подклетом внизу, высотой человеку по грудь.

Когда Мирава вышла из дома, народ уже собрался кучкой напротив – перед избой Ярдара. Никто не галдел, значит, кого-то слушали, и Мирава ускорила шаг. От пересказа толку будет мало – дичи нагородят.

За толпой, у двери своей избы, стоял Ярдар – «молодой воевода», как его называли, хотя уже лет пять прошло, как он сменил «старого воеводу» – своего отца. Мирава, женщина рослая, видела его нахмуренное лицо – он кого-то слушал. Когда она стала проталкиваться ближе, кое-кто, бегло оглянувшись, посторонился: Мираву уважали и за мужа, и за мать, от которой она многое переняла и теперь считалась, несмотря на молодость, одной из самых знающих женщин города.

– Да что ты меня морочишь! – услышала она голос Ярдара. – Какие здесь сарацины? Что за враки вредоумные! Любовану темя напекло, коли сарацины примерещились?

– Так не нам! – втолковывал вестник, отрок лет четырнадцати, Жаворонко, Замолотов сын. Мирава его хорошо знала, поскольку сама была родом из Крутова Вершка. – К Любовану от Хотена прислали, из Ржавца! А к ним – из Честова! А уж там люди своими глазами видели!

– И сколько их? Может, послы какие? – Ярдар все не мог взять в толк, что это известие может означать.

---

⁷ Лето 914 года, то же самое время, пока Свенельд и Годред с войском пробираются от Каспийского моря на северо-запад.

– В силах тяжких! – повторил отрок, более точных сведений не имевший. – Как звезд на небе! И не счесть!

Мирава мельком вспомнила: если она в детстве пыталась считать звезды в ясные ночи конца лета, когда их высыпает больше всего, главной трудностью было запомнить, которые она уже сочла. Так что дело и впрямь неисполнимое.

– Ты не врешь? – еще раз уточнил Ярдар.

– Мать-земля! – отрок живо согнулся пополам и коснулся рукой земли. – Перун меня забей, если вру!

Ярдар поднял глаза и оглядел толпу:

– Хастена видел кто?

– К лошадям ушел! – доложили сразу несколько голосов.

– Побежали за ним? Ну так сбегайте кто-нибудь, чего стоите, как просватанные?

Толпа дрогнула: несколько отроков стали проталкиваться на волю и наперегонки пустились через городец к воротам высокого вала, составлявшего защиту Тархан-городца со стороны поля.

С других сторон мыс в укреплениях не нуждался: там его прикрывали два глубоких оврага и река Упа. Так хорошо огражденный самими богами, этот мыс был населен издавна, с тех времен, как первые люди сменили племя волотов. Пращуры Миравы и прочих обитателей Тархан-городца пришли сюда из Северской земли не так уж давно – всего четыре-пять поколений назад. Тогда на мысовом городище было пусто, но уже высился заросший кустами вал, отрезавший его от поля, а перед ним протянулся такой же заросший, заплывший ров. Только высокий могучий дуб стоял на краю вала, как страж покинутого места и хранитель памяти былых времен. Свое вселение деда начали с того, что принесли дубу жертвы, и поныне он служил здешним жителям мольбищем и святилищем. У него даже было имя – дуб Держимир, и под этим именем его поминали в заговорах как опору света белого.

Вал очистили и подновили, но тына поверх не поставили: на Упе не с кем было враждовать, лишь кое-где доживали немногочисленные остатки голяди. Возвели только высокий плетень – от волков, – поставленный ниже гребня вала с внешней стороны, так что он не мешал смотреть по сторонам. Когда рыли подполы, в Тархан-городце часто находили то черепки, то разные кости и обломки не пойми чего. Еще до свадьбы, той зимой, когда Мирава с Ольбрадом стали встречаться на посиделках, он подарил ей подвесочку: четырехугольник из бронзы, где на верхнем углу была петелька, а на трех других что-то вроде цветочков с тремя лепестками. В серединке и на лепесточках сохранились остатки красной краски, гладкой и прочной, будто стекло. Она почти не потускнела, хоть и пролежала в земле невесть сколько лет. Ольрад сказал, что нашел еще отроком, когда строили их избу. В Веденецкой волости таких не делали, вещичка была наследком от сгинувшей голяди. Мирава и сейчас носила ее в ожерелье среди дорогих сердоликовых бусин, а Ольрад, бывало, касался красного сердечка подвески кончиками своих широких загрубелых пальцев и вздыхал, жалея, что тайна изготовления такой краски неведома ныне никому...

Неудивительно, что древняя голядь любила это место. Мирава жила здесь уже пять лет – с тех пор как вышла замуж, – но не уставала любоваться. Прямо от тархановских изб открывался широкий вид на Упу, луга, перелески; яркая зелень трав, более темная – кудрявых зарослей у воды, а на лугах виднеются белые, рыжие пятна пасущихся овец, коз, коров. К вечеру возвращался табун – более полусотни тархановских лошадей, гнедых, соловых и бело-рыжих. Была одна голубая кобылка – Ярдар, любитель лошадей, лето назад выменял ее в Светомле. Они входили в воду, позолоченную закатными лучами, пили, резвясь, гонялись друг за другом по берегу. Мирава, бывало, подолгу стояла, наблюдая за ними – прекрасными с их гладкими блестящими шкурами, будто ожившие цветы на длинных тонких ногах. В табуне было

несколько лошадей с песочной шкурой, светло-золотистой, и Мирав думала, глядя на них: наверное, солнце ездит на таких.

И каждый раз ее мысли приходили к одному: если бы она не одна здесь стояла, а с чадом, чтобы показывать лошадей ему... Неважно, мальчик был бы или девочка, лишь бы стоял рядом с нею потомок ее матери, бабки, прабабки... Если бы осталось живо то дитя, что родилось полтора года назад – сейчас она уже водила бы его за руку, но могла бы и поднять, чтобы лучше видеть, дитя бы следило за игрой лошадок и смеялось, и щечки у него были бы румяные, как ягодки... Но в том Мираве не было счастья: двое детей один за другим умерли маленькими, не успев сказав ни одного слова. Однако надежды ее не покидали. Она ведь еще не старуха. Ее мать, Огневита, была старше, когда родила сестру Заранку... то есть Заранку и вторую, умершую, когда близнятам было по три зимы...

Отгоняя тоскливые мысли, Мирав отвернулась от просторов лугов и неба за рекой. Вспомнила о муже: Ольрада она не видела с тех пор, как поднялся полох, а его она всегда замечала, если был поблизости. Наверное, в кузне: заработался и ничего не слышит.

Кузня стояла тут же, рядом с жилой избой. Дверь была отворена, но никакого шума изнутри не доносилось. Мирав осторожно заглянула – Ольрад сидел на лавке под оконцем и что-то чертил на восковой дощечке. На верстаке лежали куски железа, которые Мирав опознала как части несобранного шлема; с Ольрадом бывало, что он делал одно, потом отвлекался на другое, хотя все свои работы выполнял очень старательно.

– Серебро да золото! Вот ты где! – мягко сказала Мирав. – И не слышал ничего?

– А? – Ольрад поднял голову и посмотрел на нее. Взгляд его был, по обыкновению, приветливым: он был всегда рад видеть жену. Он никогда не сердился, но Мирав все равно боялась помешать ему работать. – Ужинать? Иду. Не услышал, прости. Сейчас буду. А что у нас?

– Горошница, – Мирав вспомнила старуху Елину, которая уже должна была сварить кашу в летней печи под навесом. – И пироги вчерашние.

Елина была вдова Ольрадова стрья, тоже Ольрада, умершего бездетным. Рдянка уже ей приходилась сестричадой и осталась сиротой еще совсем маленькой. Сейчас обе жили у Ольрада, как у самого близкого родича, и помогали по хозяйству.

При мысли о простых житейских делах переполох из-за нашествия сарацин показался Мираве еще более нелепым. Вид Ольрада всегда приносил ей облегчение от забот. Ее муж был будто тот бел-горюч-камень, на котором держится белый свет, залог надежности, прочности и покоя.

Род Ольрада был из «хазарских» – из тех, у кого в пращурах сто лет назад был хазарский всадник из дружины самого Хазар-Тархана. Но в жены тот всадник и его потомки брали славянок, и примесь чужой крови лишь немного сказывалась на внешности Ольрада, в больших продолговатых карих глазах под ровными черными бровями. Лицо у него было овальное, широкое, нос прямой и тоже широкий, а борода – темная, короткая, но густая и окладистая, из-за чего его с самой женитьбы шутливо прозвали Бородой. Когда он улыбался, белые зубы освещали лицо, и даже то, что один зуб слева сверху был обломан, добавляло этой улыбке задора. Морщинки возле глаз придавали ему такой располагающий вид, что даже теперь, через пять лет после свадьбы, у Миравы заходило сердце от радости, когда она смотрела в его улыбающиеся глаза. Нельзя сказать, чтобы он был красив, но Мирав не задумывалась об этом – с первой встречи она просто знала, что Ольрад Ратияров сын – самый лучший человек на свете.

– Бохмиты на нас идут в силах тяжких, – пояснила Мирав, но сама с трудом сдерживала улыбку, понимая, как глупо это звучит. – Я не выдумываю: гончика⁸ прислали... не то от Любована, не то от Велемера.

– Какие бохмиты? – Ольрад встал и в изумлении воззрился на нее. – Откуда здесь у нас?

---

⁸ Гончик (др. – русск.) – гонец.

О том, что есть такой народ, на Упе знали – от хазар, которые воевали с теми бохмитами не первый век. Здешние края были самой дальней северо-западной окраиной владений, признававших власть каганов. Через хазарских тарханов, заезжавших за данью, доходили кое-какие вести о войне, которую хаканы вели на других берегах дальнего Хазарского моря. Но чтобы бохмиты из-за моря добрались сюда – и не в Хазарию даже, а прямо на Упу? Да если бы те звезды, что Мираву считала в детстве, сошли бы с неба и явились к ней в избу, она удивилась бы не так сильно.

– Что люди говорят, то и я. Иди сам послушай, – Мираву кивнула на дверь.

Ольрад направился к двери. Выпустив его первым, Мираву вернулась к оконцу иглянула на вощеную дощечку. Ольрад начертил украшение – головную привеску вроде тех, что носили в этих краях и какие сам он часто отливал из серебра и бронзы. С нижней, внешней стороны кольца были грубо набросаны семь лучей: самый большой посередине, по три, постепенно уменьшающихся в размерах, по сторонам. С внутренней стороны кольца обычно помещались тоже зубчики, но поменьше, покрытые узором в виде немного выпуклых тесно сидящих мелких зернышек. Но сейчас Ольрад пытался нарисовать что-то другое: на внутренней поверхности кольца виднелись какие-то кружочки, побольше и поменьше, но рисунок был полустерт и неясен.

Положив дощечку на место, Мираву направилась следом за Ольрадом. Когда она вышла из кузни, он уже стоял перед Ярдаровой избой и слушал пересказ удивительных вестей. Они с Ярдаром были почти ровесниками – Ярдар чуть старше, – и почти одного роста – Ольрад чуть выше, – но в остальном были совсем разными. Ольрад был широк в груди и в плечах, так что верхняя половина его туловища казалась даже слишком тяжелой, а Ярдар был строен и гибок и горделивой прямой осанкой напоминал крепкое дерево в самом расцвете. У Ольрада в чертах смуглого лица отразились его хазарские предки, а Ярдар, потомок варяжского вождя, был по виду истинный варяг: продолговатое лицо с высоким лбом, небольшие светлые глаза, светло-русые волосы, падающие на плечи, и золотистая легкая борода. В левом ухе он носил не серебряную серьгу, как все тархановские, а золотую, с двумя черными камешками сверху и снизу. Этот обычай – носить хазарскую серьгу в знак принадлежности к воинам – оружники переняли у своих дедов, отроков Хазар-Тархана. Ярдар был весьма хорош собой и, как подзревала Мираву, втайне этим гордился; Ольраду же в голову не приходило задуматься, хорош он или нехорош, даже в те дни, когда он собирался свататься к Мираве. Улыбка у Ольрада была открытая и располагающая, а Ярдар улыбался почему-то только левой стороной рта, и это придавало его улыбке вид небрежно-вызывающий. Однако каждый из них как нельзя лучше соответствовал своему месту, и Мираву не сомневалась, что в тревожный час Ярдар сделает все, что требуется от смелого и разумного вождя.

– А может, и правда, – говорил, когда Мираву подошла, Безлет – один из старших оружников и Ярдаров тесть. Его дочь умерла третьими родами, однако он по-прежнему считался в числе ближайших родичей Ярдара. – Я от деда слыхал, а он от самих хазар: лет сто назад или больше приходили бохмиты на Итиль-реку. Сперва там, за морем, война была, да там разбили хазар, погнали их прочь и вдогон пустились. У бохмитов воевода был именем Мер... Мирован, что ли. И войско у него было в десять тысяч конных. Гонял он кагана тогдашнего по лесам и горам, гонял, тот уж не знал, где от него скрыться, в какую щель забиться. Забежал в одно место глухое, там укрылся с родом своим, оттуда начал послов слать к Мировану, чтобы помириться. Насилу уговорил. А выйти из того места уж не решился, стал там жить – это город Итиль ныне и есть. Вот так.

– Так где Итиль, а где мы! – усомнился Ольрад. Он стоял, упирая руки в бока, и почти нависал над собеседниками, будто туча.

– Где! Дорога-то известна.

– А ну как это бохмиты мстить идут! – воскликнул другой оружник, Боймир, иначе Бойча.

– За что?

Изумленные тархановцы разом повернулись к нему.

– Да за русский поход Олегов! – Бойча имел привычку оглашать вслух всякую мысль, едва она проклюнется в голове, и нередко бывал сам изумлен, когда она показывалась на свет целиком. – Позабыли, что ли? Два лета... или три тому проходили русы киевские, Олеговы, и русы волховские, Улава. На Хазарское море шли в силах тяжких. Точно как ты сказал! – Он оживленно повернулся к Безлету. – Видать, там, за морем, разбили бохмиты русов и по их следам идут, в погоню.

Толпа загудела. Теперь все припомнили то лето – нынче было третье после того, – когда с запада на восток, от Десны на Дон через Упу прошло огромное войско, собранное с южных и северных русских земель. Оружники Ярдара и Хастена – а население Тархан-городца составляли только оружники конной дружины с семьями, – смотрели на них не без зависти. В их обязанности входило охранять важный участок торгового пути при переходе с «Славянской реки» на «Хазарскую реку»⁹. Иногда случались стычки с ватагами, которые приходили сюда под видом купцов, а сами искали случая ограбить других купцов, побогаче. Но славы в этих стычках приобреталось не много, а добычи и вовсе почти никакой. Многие желали бы отправиться за море с отважным удачливым вождем, каким слыл юный Грим, сын Хельги киевского. Кто бы усомнился в его удаче, видя, что в восемнадцать лет он женился на красавице, дочери Олава конунга, и собрал под своим стягом не то пять, не то шесть тысяч человек! Среди желающих к нему присоединиться был и сам Ярдар, но Хастен и слышать ни о чем таком не хотел. Они не могли уйти с Упы и увести даже часть дружины, оставляя этот край без охраны. И хотя сообщения с Хазарским морем, по причине войны, не ожидалось, со Славянской реки по-прежнему ездили купцы к хазарам и болгарам, живущим выше по Итилю.

– А хазары что же? – вспомнил Ярдар. – И их разбили?

– Выходит, разбили! – согласился Бойча.

– Ой, и нас побью! – загомонили бабы. – Разорят! Уж коли через хазар прошли, нас-то кто оборонит...

– Да ну, бросьте! – Ольрад нахмурился. – Если было бы такое, то и хазары, и буртасы, и на Дону жители знали бы. У нас бы тут беженцев бы толкалось бессчетное множество.

– А если перебили всех? – возразила Дивея – старая воеводша, Ярдарова мать. Морщинистое лицо ее потемнело от летнего солнца, а начищенные подвески, по две с каждой стороны головы, сверкали светлым серебром с зеленого шелкового очелья на белом убрусе. – Так что и вести подать некому теперь?

– Мать, не пугай людей! – Ярдар нахмурился. – Может, вовсе ничего нет, а им в Честове сон привиделся!

– Вон Хастен идет, – заметил кто-то, и все обернулись в сторону ворот.

Мирава пробралась ближе к Ольраду и встала возле него, слегка касаясь его плеча. Он оглянулся и приобнял ее, будто говоря: не тревожься, я с тобой. Она глубоко вдохнула, настраиваясь на более спокойный лад.

С появлением Хастена споры прекратились: что бы там ни было, а надо своими глазами убедиться. Ярдар приказал собирать оружников и седлать коней. Выступить решили немедленно, чтобы, пока длится долгий летний вечер, успеть одолеть хотя бы верст десять.

В городце поднялась суета: мальчишки побежали на луг за конями, женщины стали собирать мужей в дорогу, мужчины – снаряжаться.

---

⁹ «Славянской рекой» назывался в целом речной путь от славянских земель на Восток; возможно, где-то на переволоках с Оки на Дон она переходила в «Хазарскую реку», то есть восточную часть этого маршрута.

Низкое солнце заливало золотисто-рыжими лучами луга над Упой, когда дружина под началом обоих воевод выступила в поход. Ольрад ушел со всеми, едва успев поесть горошницы. Вчерашние пироги с рыбой Миравы завернула в ветوشку и сунула в седельную сумку. Она стояла в толпе гомонящих женщин, пока дружина уходила по тропе вдоль берега. Продолжала улыбаться – а вдруг он обернется? Садящееся солнце светило в белые спины, над Упой несея свежий ветерок, и Миравы старалась дышать глубже, чтобы подавить тревогу.

Когда всадники скрылись за лесом, она ушла в избу. Шить было уже темно. Лечь бы спать, но когда Рдянка и Елина уже улеглись, она долго еще сидела на лавке, зная, что не заснет. Без Ольрада в доме было пусто. Никакие знаки не предвещали – и вот, будто ветром его унесло навстречу неведомой беде! Вновь и вновь Миравы повторяла себе, что не может здесь быть никаких бохмитов в силах тяжких, но тревога не отпускала. От давящей неизвестности, от чувства, что явилась беда, время тянулось еле-еле, и короткая ночь макушки лета казалась такой долгой и тягостной, что Миравы извертелась, а задремала только на рассвете.

* * *

Новое утро пришло скоро, а с ним и проснулись и тревоги. Встав раньше челядинок, Миравы пошла к летней печи варить кашу – зимой домашняя печь-каменка стояла в углу тихая, остывшая, будто спящая. Пожары в тесно застроенном Тархан-городе бывали сокрушительны: скученные избы выгорали все разом. Зевающая Рдянка выгнала в стадо корову и коз, Елина возилась в хлеву, кормила кур и свиней. В Тархан-городе жили небедно, какая-нибудь скотина была на каждом из полусотни дворов, и стадо широко расходилось по лугам. Потом домочадицы пошли полоть огород. Миравы взялась за брошенную вчера рубаху, но ее не покидало чувство, будто она пытается работать под пристальным взглядом замершего рядом волка – это ее тревога не отпускала, молчала, но не уходила. Даже позавидовала бабам из окрестных весей: там на пустые мысли времени нет. Шла самая страда – где заканчивали сенокос, где начинали жать, а где то и другое.

Тархан-городок совсем не походил на другие городцы и веси и жил другим обычаем. Жители Веденецкой волости лет сто назад переселились сюда из Северской земли по воле хазар, ее владык. В то время все чаще стали ходить торговые обозы с северных рек, пробираясь к южному морю в поисках серебряных шелягов, а на волоках между притоками Десны и Дона кто-то должен был указывать верный путь – где по реке, а где и по суше, чтобы спрямить петлю русла и сократить путь на день-другой. Нужны были люди перетаскивать лодьи и грузы, помогать с починкой и припасами, охранять. Переселяться пришлось тем, кто на старом месте задолжал сборщикам дани либо еще как-то провинился, но иные пошли и добровольно, привлеченные возможностью заработать серебра. В память о том вся волость получила название Веденецкой – от слова «веденцы», то есть переселенцы, те, кого привели. Новые места веденцам поначалу не слишком понравились: здесь было холоднее, земли хуже, урожаи меньше, вокруг сплошные леса вместо привычной лесостепи. Но постепенно освоились, научились строить жилье, не опущенное в яму, как «земляные избы» в старых местах, а наоборот, поднятое на подклеты.

Жизнь на берегу «реки серебра», текущей на север из далеких бохмитских стран, давала и свои преимущества. Здесь было не то, что в иной чащобе, где за всю жизнь и не увидишь ни одного чужого человека и ни одной вещи, сделанной не своими же руками. Всякий год мимо ходили гости из хазар, итильских болгар, бургасов, северян с Дона, русов с юга и севера, из черемис. Из хазарских городов на Дону и Итиле торговые люди пробирались через реку Шат на Упу, с нее на Оку, на Жиздру – ее западный приток, а оттуда тоже через волоки попадали на Болву и верховья Десны, прямой дорогой ведущей к Днепру. Купцы от киевских князей той же дорогой путешествовали в обратном направлении, с запада на восток. И тот, кто владел

землями между Жиздрой и Шатом, мог открыть или закрыть ворота между западной частью мира и восточной. «Хозяином дома» был хазарской каган (либо бек Аарон, как сейчас), но воеводы и жители Веденецкой волости служили ему привратниками и немало тем гордились.

Здесь легко было повидать или даже купить удивительные товары со всех концов света, научиться чему-то новому. На волоках таскали лодьи жители Секирина, Борятина и Изрога – это были большие села близ рек. Честов, Светомль и Брегамиров находились на старинных голядских городцах за валом и рвом, как и сам Тархан-городец, и в них стояли гостиные дворы для ночлега. Однако надобность в услугах для купцов возникала два-три раза в лето, а в остальное время жители пахали землю и растили хлеб, как их деды в Северной земле. В Изрог свозили излишки зерна: его хранили в житных ямах близ реки и торговали, снабжая проезжающие дружины.

Но Тархан-городец, сердце и глава Веденецкой волости, был не таков. Поначалу там сел со своим родом Хазар-Тархан – под этим именем он вошел в местные предания, – который и привел на Упу первые северянские роды. У него была дружина из двух десятков паттаров¹⁰, а здесь он набрал столько же славянских отроков и их обучил верховой езде. Сам Хазар-Тархан умер всего на третью зиму, но его отроки взяли себе жен у других веденцов, и Тархан-городец наполнился людьми.

При жизни третьего поколения на Упу пришли однажды люди из Полянской земли, варяги, что нанимались к тамошнему князю Аскольду для похода на греков. Поход сложился удачно, взяли хорошую добычу, но в придачу Аскольд, чтобы помириться с греками, позволил себя крестить вместе с дружиной. Ульфаст, один из вождей того войска, креститься отказался, да и после завершения похода стал не нужен. С десятком верных людей он отправился искать службы у кагана, но до Итиля не дошел и нанялся к Ентимеру, тогдашнему воеводе. Лет через десять, после смерти Ентимера, Ульфаст возглавил дружину и всю Веденецкую волость. Теперь двенадцать семей возводили свой род к тем варягам, в том числе Ярдар – внук Ульфаста, и Хастен. В воинских родах Тархан-городца, предпочитавших родниться между собой, смешалась хазарская, славянская и варяжская кровь, но разговаривали здесь по-славянски. Кто-то понимал по-хазарски, кто-то по-варяжски, но славянский уже был родным языком для всех. Так же перемешались и их имена: многие были названы в честь основателей рода, но Ольрад, сын «хазарской» семьи, был назван по русу – дедову побратиму.

Земельных угодий в Тархан-городе не держали, не пахали и не сеяли, а хлеб, лен и прочее покупали в волости. Расплачивались хазарским серебром. В каждой здешней избе можно было найти какую-нибудь заморскую утварь, особенно из посуды: желто-зеленые поливные чаши и блюда из далекого города Самарканда, расписанные виноградной лозой, козами, птицами, рыбами, женскими фигурками и лицами. Попадались черные кувшины с узором в виде белых непонятных значков, бронзовые светильники, а Озора особенно гордилась двумя оставшимися от отца чашами из синего стекла, с резным узором в виде звезд. На стол их ставили по самым важным случаям, и хозяйка не сводила с них бдительных глаз.

Зимой, когда заканчивались работы на полях и прекращались разъезды, воеводы объезжали свои владения: сперва полукольцом, двигаясь от Тархан-городца к Честову, оттуда к Борятину, Изрогу, Лютенцу, Ворожаеву и Секирину. К Лебедину и Брегамирову ездили на запад отдельно. За собранным являлся из Итиля тархан, часть оставлял на прокорм дружины. Это было самое дальнее в западном направлении место, откуда Итиль получал дань. В Тархан-городе многие занимались торговлей: брали товар у варяжских и хазарских купцов и развозили по округе. Близ Честова и Секирина имелись немалые выходы железной руды – там плавил железо и привозили его в Тархан-городец, а отсюда кузнецы рассылали свой товар на несколько дней пути во все стороны. Ольрад был из кузнечной семьи, но, хотя унаследовал от

¹⁰ Паттар – богатырь.

отца и деда тайны изготовления шлемов и кольчуг, а не только топоров и стрел, больше всего любил возиться со всяким узорочьем, вылитым из бронзы, меди, серебра.

Жители Тархан-городца, всадники, носящие оружие, свысока относились к оратаям из окрестных сел и в следующих поколениях, после первого, невест искали среди своих. У Ольрада сложилось не так: Мираву он увидел во время зимнего объезда. Останавливаться в Крутовом Вершке дружине не полагалось: он был всего в десяти верстах от Тархан-городца. Свою дань везли прямо туда, но внезапная метель загнала сюда дружину, вынудила проситься на ночлег.

В маленьком Крутовом Вершке все женихи и невесты были меж собой в родстве, и появление беседе молодых, неженатых отроков из самого Тархан-городца произвело немалое волнение. Мираве тогда шла пятнадцатая зима, и она, дочь знаменитой ворожеи, была среди своих сестер самой видной: высокая, с правильными чертами лица, крупными сильными руками. Она не отличалась разговорчивостью, но в молчании ее чудилась тайная мудрость, а большие темно-голубые глаза смущали всякого, кто слишком в них вглядывался. Мирава думала, что тому причиной слава ее матери, которую люди переносят и на старшую дочь. Иное дело Заранка: на пять лет моложе сестры, та скакала жеребенком.

В Ольрада Мирава влюбилась, едва он вошел, едва она встретила его дружелюбный взгляд, увидела, как дрогнули в улыбке губы, как блеснули белые зубы, и даже то, что один слева сверху был обломан, пронзило ее сердце, будто признак величайшей красоты. От растерянности она даже не поняла, с какими словами он к ней обращается, и весь вечер просидела молча, как дурочка. А уж что она в тот вечер напярала, от матери пришлось спрятать.

Наутро дружина тронулась дальше, и Мираве показалось, что она умирает. Они даже не поговорили, она едва сумела разобрать в общем гомоне, как зовут этого большеглазого парня с широкими плечами и руками, куда намертво въелась чернота железа, с хазарской серьюгой в виде длинной серебряной капли, блестящей под темными волосами. Но теперь, когда его уже не было в Крутовом Вершке, ее будто покинула сама жизнь. Все сделалось пустым – хлеб, вода, свет солнца и тепло огня, а в сердце вырос камень, от него было тяжело в груди. И ходила она, будто сама себя потеряла, так что мать, Огневида, через день-другой стала искать, нет ли на дочери порчи.

Но Мирава не повеселела, пока на возвратном пути дружина не появилась в Крутовом Вершке снова. Не останавливалась – проехала по льду реки, сопровождая сани с мешками и бочонками. Мирава, в толпе здешней молодежи, смотрела с берега; другие махали, кричали, смеялись, а он лишь искала глазами одно-единственное лицо. И когда нашла, когда встретила тот самый взгляд... будто рухнула в ледяную воду. Внутри все переворачивалось, ее трясло, сердце колотилось, дыхание сбивалось. Это была не радость, а скорее мучительное потрясение. Окажись он рядом – и опять она не смогла бы вымолвить ни слова. До самого вечера Мирава ходила сама не своя, не веря, что вновь видела его не в мечтах, а наяву.

Новых встреч она скоро не ждала: больше дружине в Крутовом Вершке делать нечего, если не случится чего; может, только на ярильских игрищах молодежь опять сойдется вместе. Тархановские отроки женятся на своих же тархановских девках, мы, чашебы веснянские, им не пара – так считалось среди ее сестер. Но уже через несколько дней Ольрад с двумя товарищами, такими же отроками, приехал к ним на посиделки. Потом приезжал еще не раз, пока посиделки не закончились вместе с зимой, а в последний раз подарил ей ту голядскую подвеску. Прошла ее шестнадцатая весна, мать начала перебирать подходящих женихов, но Мирава ничего не отвечала ей. А когда подошел Ярилин день, рассвет его застал ее уже в Тархан-городце. Ольрад привез ее на своем коне, будто Солнцеву Дочь. Коня его звали Веприк, Ольрад и сейчас на нем ездил, и Мирава любила этого коня, как родного, как свидетеля и помощника ее счастливой доли.

Отец Ольрада умер за год до того, он был сам себе хозяин. Через несколько дней они поехали в Крутов Вершок: Ольраду полагалось отвезти вено за похищенную невесту и попросить прощения у новой родни. Ничего недозволенного в такой женитьбе не было, и Огневида простила их. Только тогда Мираву рассказала ей, как давно все тянется. «Коли он судьба твоя, то ты, как его увидела, для бывшего умерла, – сказала ей мать, потом улыбнулась. – Оттого и молчала. А ныне настала новая твоя жизнь, вот и правда на свет вышла».

С тех пор прошло пять лет, но Мираву все не покидало ощущение новой, свежей жизни. Если бы только хоть один ребеночек у нее выжил...

Сидя за шитьем, она снова вспоминала те давние уже дни, но теперь воспоминания приносили ей не радость, а тревогу. Яснее всего ожило в памяти то давнее оцепенение души – молчание умершего бывшего. Не отпускало ощущение, что длившаяся пять лет «новая жизнь» в свой черед закончилась и отходит в минувшее. Но что дальше? Бохмиты... в силах тяжких? Сегодня эта весть казалась еще более невероятной, чем вчера. Вот сейчас, в обычный жаркий день, когда белые и рыжие пятна коров лениво перемещаются по зеленому лугу, солнце играет в воде Упы, а из кузницы старика Хельва доносится стук по железу? Гомонят перед избами маленькие дети, отроки возвращаются с реки с утренним уловом, ветер несет свежий запах нагретой солнцем речной воды, женщины хлопчут у летних печей и снуют друг к другу, из одной избы в другую...

На миг все это задрожало у Миравы перед глазами, стало прозрачным, как морок... Она зажмурилась, потрясла головой. Это от жары воздух дрожит, утешала она себя. Но что-то шептало: а что если и впрямь пришла беда, что если все наши погибли, что если вся жизнь Тархан-городца на этом и закончится... И опять на нее напала немота. Старый Хельв пришел к обеду, заметил, что на ней лица нет, но Мираву не могла вымолвить ни слова.

Маялась в ожидании не она одна: многие женщины, как она видела из своей двери, забывали о делах и собирались в кучки между избами. Одна-две заходили и к ней, смотрели так, будто она знает больше других – тоже не без мысли о ее матери. Но Мираву держалась невозмутимо, и замкнутое лицо ее говорило: я ничего не знаю.

На валу торчали дети и подростки, иные – увильнув от прополки и прочих дел, и все всматривались в даль, надеясь первыми увидеть... что? Того, кто принесет вести, хоть какие-нибудь.

Глава 4

Все разъяснилось на другой день к вечеру.

– Едут, едут! – завопили с вала, перебивая друг друга, мальчишеские голоса, и все, кто был дома – женщины, отроки, старики, – побросав дела, поспешили к воротам.

В избу к Мираве заглянула Риманта – взятая в Тархан-городец из дальнего голядского рода, жена Братилы. Обе будучи чужими здесь, они с Миравой дружили, хотя Риманта была лет на двенадцать старше и уже имела двух дочерей невест, Своёну и Вилту.

– Наши! Это наши! – воскликнула она. – Наши воротились! Пойдем скорее!

На валу собралось столько народа, что иных чуть не столкнули наружу.

– Да что ты меня пихаешь! – вопила невесть кому тетка Чернява и цеплялась за соседок.

Мирава и Риманта не полезли в толпу, а прошли между изб к краю площадки, откуда было видна часть дороги по берегу Упы. Вот они! С этого места они лиц различить не могла, но конная дружина шла спокойно, без боевого снаряжения, люди и кони выглядели невредимыми.

– Вроде целы все! – выдохнула Риманта. – Палдиес диевием!¹¹

У Миравы отлегло от сердца. Они вернулись! На вышедших из боя и спешащих оружники не походили, а значит, ничего страшного не случилось. Разглядеть Ольрада ей не удалось, но тревоги отступили и показались глупыми, невидимый волк попятился и исчез. В самом деле, откуда здесь бохмиты! Сейчас она узнает, кому там приснился такой нелепый сон...

За валом раздался звук рога – дружина возвещала о своем возвращении. Первым въехал Ярдар, за ним знаменосец Вихря со стягом на высоком древке. Длинное строение общей конюшни стояло в дальнем конце города, над ручьем. Мирава смотрела, как отроки спешиваются и заводят лошадей, и наконец увидела Ольрада. И он, и Веприк были целы. Терпеливо она ждала, пока он подойдет к ней, но еще до того услышала слово «русы». «Русы, русы!» – повторяли в толпе. Раздавались удивленные крики, даже смех. Но опасности нет – это уже было ясно.

– Возвратились те русы, что ходили на Хазарское море! – сказал Ольрад, когда наконец подошел к ней и обнял. – Те, Олеговы, из Киева.

– Это их приняли за бохмитов? – удивилась Мирава. – Как такое могло быть?

Русов здесь видели каждое лето и не путали с другими.

– А вот так и приняли! – Ольрад засмеялся. – Ты бы их увидела – тоже бы подумала... скоро увидишь!

– Где они?

– Идут за нами. Ярдар зазвал их князя погостить.

– А кто их князь? – За три года Мирава позабыла, кто возглавлял то войско. – Сын Олега киевского, да?

– Нет, – Ольрад слегка переменялся в лице. – Олегов сын погиб. Они сказали. Их теперь ведет князь Амунд из Плеснеца.

– Это где? – Такого города Миравы не знала.

– За Днепром где-то! – Ольрад махнул рукой в невообразимую даль. – Но там, сказывают, тоже русы сидят и свое княжение имеют, и вот это их князь и есть. Неужели не помнишь Амунда? Он ростом с избу.

Великана-князя Миравы помнила: он был такого роста, что плечи иных мужчин были ниже его пояса, а маковки у подмышки. Но увидеть его снова ей удалось не сразу. Уже к ночи, пока длился долгий светлый вечер, русская дружина прибыла к Тархан-городцу и раскинула стан на дальнем лугу. Из городца были видны лишь крайние вежи, дым костров и смутные фигурки, идущие из леса с охапками сушняка. Сам Ярдар не знал точно, сколько там людей –

---

¹¹ Спасибо богам!

более полутора тысяч, как сообщил ему князь Амунд. А значит, в пять-шесть раз больше, чем жило в Тархан-городце, считая жен, детей и стариков. Такая близость чужого войска не даст спокойно спать, даже если оно враждебных намерений не имеет. Амунд заверил в этом Ярдара, когда они встретились на реке за переход отсюда, и обещал Веденецкой волости безопасность, если здешние жители не тронут русов. Да и кто бы захотел их тронуть! Но более Ярдар и дружина пока ничего не знали, и всех томило любопытство. Ведь два лета назад на Дон прошло куда более крупное войско, и вождей высокого рода в нем было больше. Где же остальные? Неужели три четверти ушедших так и сгинули за морем?

– Да они не зря сходили-то, – делились оружники, видевшие волыньских русов вблизи. – Их с чего Велемер за бохмитов-то принял – они все в бохмитском платье, в багдадских кафтаных шелковых!

– Прямо уж все! – усомнился Хельв. – Полторы тыщи в багдадских кафтаных! Да их, поди, в самом Багдаде столько нет!

– Сходи, старинушка, погляди! – Небрега потыкал пальцем через плечо, в сторону бужанского стана. – А они еще загорели все, что твои караваи ржаные! На вид бохмиты и есть, а поговорить, расспросить, что за люди да откуда, в Честове не посмели, знать!

– Да и лодьи не пустые у них! – подхватывали другие.

– Я у одного сам серебряную чашу видел! Вот такая! – Братила показал руками.

– А запястья у всех! И гривны!

На другой же день Ярдар, посовещавшись с матерью и Хастеном, решил устроить пир для князя Амунда. С приглашением был отправлен Ольрад, как человек видный и красноречивый. Мираву достала ему хазарский праздничный кафтан из беленого льна, отделанный полосками красного шелка, с золочеными пуговками на левой стороне груди, крытую голубым шелком шапку. Может, эти русы и одеты все в гурганские кафтаны по пятьдесят шелягов, но пусть не думают, что здесь, в Тархан-городце, живет чащоба домотканная!

Мираву и радовалась, что именно Ольрад выбран послом к настоящему князю дальних земель, и немного тревожилась. Но гнала прочь эти мысли, видя, что Ольрад ничуть не встревожен, а напротив, весело улыбается, предвкушая любопытные встречи и знакомства.

С ним были посланы еще десять отроков помоложе и даже стяг Ярдара – в знак того, что посланец выполняет поручение воеводы. Все были хорошо одеты, тщательно причесаны, подпоясаны кожаными поясами с литыми хазарскими и варяжскими пряжками. Оружия никто с собой не брал. Вместе с другими Мираву вышла на вал посмотреть, как Ольрад отправляется в недолгий путь. Возглавлял шествие отрок Ждан с дудельным рогом, потом Ольрад, ради важности верхом на Веприке, за ним Лемтур, сын Риманты, нес стяг, остальные по трое в ряд шагали позади. Мираву поджала губы, чтобы не улыбаться: сейчас Ольрад никакому князю не уступил бы, как ей подумалось.

Звучком рога давая знать о появлении посольства, тархановцы вступили в русский стан. Большого впечатления их прибытие не произвело. Русы занимались своими делами: кто сидел у костров, где в котлах что-то варилось, кто плескался в реке, кто стирал одежду, а большинство просто спало под пологими шатров и шалашей или в тени кустов на опушке. Эти люди пришли из-за дальнего моря, они провели в дороге уже почти три лета, зачастую – сражаясь, и ни Веденецкая волость, ни ее жители им не казались любопытными. Сами тархановцы тоже привыкли видеть у своего порога самых разных людей, но эти были особенными. Даже сквозь ленивое безразличие чувствовалось, насколько опасны могут быть эти люди. В самих их лицах угадывалось нечто чуждое – чуждое мирному и размеренному домашнему укладу, постоянная готовность к столкновению, к защите или нападению. Все это были крепкие мужчины, жилистые, ловкие, отмеченные шрамами, более свежими или уже старыми. Больше всего Ольраду не нравились их глаза – спокойные, сосредоточенные и безжалостные. Улыбаясь им, он и сам не терял бдительности. Это было все равно что идти сквозь стаю сытых волков: вроде бы у

них нет причин на тебя наброситься, но хищник и есть хищник, при нем не зевай, а лучше – убирайся восвояси... Эти люди жили вне законов и правил, у них действовали одни законы – их собственные, только для себя. И все это делало их чужаками из чужаков – неподвластный дому становится обитателем Той Стороны, опасным, как живой мертвец.

Однако встретили посланцев мирно и проводили к огромному шатру, где отдыхал с дороги князь Амунд. Когда-то этот шатер, сшитый из плотной шерсти, был белым, но за годы похода приобрел серо-бурый цвет, на ткани виднелись заплаты из чего попало, грязные пятна и даже подпалины. От него веяло плесенью, и Ольрад мельком подумал, что постоять на жарком солнце ему пойдет на пользу не меньше, чем его хозяину.

Амунд лежал на груди сена, принесенной с луга и покрытой персидским ковром. При виде гостя он лишь приподнялся на локте и кивнул. Убранство шатра составляли разложенные по земле кошмы и ковры, у стен стояли большие деревянные лари, запертые на настоящий кованый замок. Бросив на них взгляд мельком, Ольрад оценил хорошую работу: надежные петли, ручки и сами замки. Подумал, что в них-то и хранится княжеская добыча. И тут же увидел ее: на кошмах стояли несколько серебряных узорных чаш и блюд, даже с позолотой, а среди них удивительный сосуд из светлого серебра – круглый, на подставке, похожей на перевернутую чашу, и с длинным узким носиком. На боках его, на позолоченном поле, вычеканены были изображения людей, всадников, хищных птиц. Отчаянно хотелось рассмотреть получше такую дивную работу – даже у Ярдара не было ничего столь роскошного. На кошмах раскинулись четверо здоровяков, видимо, телохранителей, и каждый, в самом деле, был в гурганском кафтане, распахнутом из-за жары. Сорочек под кафтанами не имелось, что придавало этой роскоши диковатый вид.

Но все это Ольрад оценил лишь мельком – сильнее всего взгляд притягивал хозяин шатра. Даже когда он лежал, было заметно, насколько он превосходит обычных людей – в нем было четыре локтя росту. Длинное лицо с резкими чертами и сломанным, искривленным носом, густые черные брови, резкие морщины на щеках, заросших русой бородой, придавали ему вид почти нечеловеческий. Так мог бы выглядеть Лесной Хозяин, прими он облик чего-то среднего между деревом и человеком. На нем тоже был кафтан из светлого шелка в мелкий бледный узор, не самого свежего вида и расстегнутый. Среди темных волос на обнаженной груди виднелась серебряная пластинка, покрытая руническими знаками. В этих знаках Ольрад не разбирался, но обратил внимание, что пластинка и плетеная цепь совсем почернели: это означало, что немало зла оберег принял в себя, чтобы не допустить к владельцу.

Требовалось крепкое сердце, чтобы не растеряться перед этим волотом, но Ольрад быстро взял себя в руки и почтительно поклонился.

– Будь цел, князь Амунд! – по-славянски начал он. Было сомнение, понимает ли этот язык князь западной руси, но его языком Ольрад владел слишком плохо. – От воевод наших, Ярдара и Хастена, прислан я с поклоном и речью к тебе, а зовут меня Ольрад, Ратияров сын.

– Ты сам из русов? – Амунд приподнял бровь, услышав это имя, и еще раз окинул взглядом смугловатое лицо Ольрада, его южные черты и хазарскую серьгу. – У меня телохранитель тоже Ольрад. – Он кивнул на одного из здоровяков, растянувшихся на кошмах, и тот ухмыльнулся.

По-славянски князь плеснецкий говорил свободно, только выговор его отличался от здешнего. Голос у князя плеснецкого оказался низкий, густой и звучный.

– Нет, господин, род мой от хазар идет, от удалого Илман-паттара, отрока Хазар-Тархана. А у деда моего, Гремибора, был побратим-рус, по нему и стрью моему, и мне имя нарекли.

– По тебе видно. Сядь, – Амунд кивнул ему на ковер перед собой, видимо, не желая, чтобы посланец над им нависал и загораживал свет снаружи. – С чем прибыл?

– Воеводы наши, Ярдар и Хастен, с дружиною своею, просят тебя к нам в городец на пир, к хлебу-соли. Пива и меда попить, добрую беседу повести. Хоть пора нынче и не самая изобильная, а чем честного гостя угостить, найдем.

Амунд ответил не сразу, а как будто призадумался, покусывая длинный высохший стебель травы. Ольрад почти смутился: неужели Тархан-городец ему нехорош, чтобы он и пива с нами выпить не желает?

– За приглашение благодарю, – ответил Амунд, помедлив. – Да не знаю, уместно ли мне с вами меды распивать...

– Хоть воеводы наши и не княжеского рода, – начал Ольрад, почувствовав себя оскорбленным на родной Тархан-городце, но не подавая вида, – однако дело свое делают честно и у добрых людей славу добрую имеют...

– Дело не в славе. Не в вашей славе, – добавил Амунд. Ольрад ждал продолжения, не понимая его. – Вы тут и не ведаете, поди...

– Что?

Амунд провел рукой по гладко зачесанным назад и заплетенным в косу длинным волосам.

– Кто господин воевод ваших? Кому дань даете, кому служите?

– Слуги мы хакан-бека Аарона. Он владыка волости нашей, ему дань даем, его мыто собираем и от него за службу награду свою имеем. С тех пор повелось, как по велению Езекии-бека привел пращуров наши из Северской земли Хазар-Тархан и здесь при волоках, посадил.

– Не доходили до вас вести, какое боище на Итиль-реке случилось?

– Боище? На Итиль-реке?

Ни о чем таком в Тархан-городце не слыхали, и у Ольрада будто комар заныл в душе – то было предчувствие неведомой беды.

– Как вышли мы с моря Хазарского и встали близ Итиль-реки, – неспешно начал Амунд, – послали к тому... Аарону-беку. Выдали ему половину добычи, как уговорено было. А через день напал на нас врасплох бек с конными своими, бохмитами. В один день тысячу человек без малого порубили. На другую ночь снова пришли – и конные, и пешие, сам я с ними бился с дружиною моею. А в ночь как нам отплывать, пришли они снова. Грим конунг, сын Хельги киевского, в ту ночь сгинул, и с ним две сотни дружины его, из киевской руси. Ушли я с моими людьми да северные русы, люди Олава. Однако и они сгинули, пока от того боища к переволоке на Ванаквисль пробирались. Видно, догнали их хазары и порубили тоже. Нас самих порубить хотели – на переволоке наслали на нас бургасов целую орду. Сам я с их бойщиком бился и едва одолел, а то и мне бы смерть там пришла, и дружина моя бы без добычи и без чести осталась, а то и саму жизнь бы изронила. А коли вы – хазарского бека слуги...

Ольрад невольно сглотнул, осознавая, что это значит. Непонятно почему, но эти русы – кровные враги бека. Стало быть, и тархановцев – его слуг. А он, о том не ведая, забрался в самую глубину их стана, в княжескую вежу, и четверо телохранителей, лежащих, будто псы, на полу, только и ждут знака от своего господина... При нем же всего десяток отроков, да и те безоружные...

Но тут же страх за себя смыло другой мыслью. Да и выберись он из стана невредимым – дальше что? Разве можно за валом Тархан-городца скрыться от целого войска! Ольрад едва не задрожал, кожей ощутив, как незащитна вся Веденецкая волость перед множеством враждебно настроенных русов. Что сможет их полусотня против полутора тысяч воинов, из которых каждый, пожалуй, благодаря свежем опыту стоит двоих здешних? Да они сметут и Тархан-городец, и всю волость, от больших и малых селений останутся дымящиеся обгорелые развалины...

Дождались гостей на свою голову...

– Ты ступай к твоим воеводам, – прервал его лихорадочные размышления Амунд, – передай им, что я сказал, и пусть решают: уместно ли нам меды распивать. Что ни решите – я вас не трону, коли будете умны. Мне у вас тут добычи и славы не искать.

– Благо тебе буди, – Ольрад поклонился, стараясь не выдать, как потрясен.

Из шатра он вышел с таким чувством, что на каждом шагу земля может под ним просесть и он рухнет в бездну. И ладно бы сам – а то всей волостью вместе. Ни слова не говоря отрокам, он уселся на Веприка и тронулся через луг обратно.

Проводив взглядом выходящего гостя, Амунд прикрыл глаза и снова вытянулся на ковре. Наконец-то, после двух месяцев пути вверх по Итилю и Дону, после утомительного перехода через переволоку они достигли края хазарских владений. Полторы тысячи человек из шести. Сколько-то пало за Хазарским морем, хотя тамошние потери были меньше тех, что войско понесло за три дня на Итиле, лишившись к тому же своего главного вождя и киян, победителей Миклагарда. Куда-то сгнули северные русы со своими молодыми и бойкими вождями, Годредом и Свенельдом. Только он, Амунд плеснецкий, сумел вывести из хазарских владений своих людей – бужанскую русь, а еще ратников полян, радимичей и той части северян, что платила дань Хельги Хитрому. Он мог гордиться силой своей удачи, спасшей от гибели его самого и всех этих людей. Но после всего пережитого, после поединка с тем толстяком, чье имя он давно забыл и про себя звал Хомячьей Мордой, Амунду не хотелось без большой нужды испытывать свою удачу. Даже добрым норнам надо дать отдохнуть.

Под полог шатра просунулась голова, а потом и туловище, когда-то весьма объемное, но после испытаний последних лет изрядно похудевшее, от чего казалось, что его тело и круглое лицо воеводы радимичей, Жизномира, взяты от разных людей. Амунд улыбнулся про себя: еще за Хазарским морем Жизномиру однажды прилетела стрела в самую задницу, и от нее остался длинный шрам; об этой ране говорили со смехом, хотя доблесть в сражениях Жизномир являл самую нешуточную.

– Как ты – не спишь? – Распрямившись, Жизномир утер пот рукавом. Синяя шелковая шапочка, довольно замызанная, сидела на самой маковке, темно-русые кудри, мокрые от пота, прилипли к низкому лбу. – Слыхал, у тебя гости были из местных? Что говорят?

– На пир звали, – ответил Амунд, вертя в пальцах серебряную пластинку с вырезанными рунами, которую носил на шее. Руны заклятья были запутаны так хитро, что разгадать их смысл не сумел бы никто, кроме Одина. – Присядь пока.

– Да я б сходил на пир, – Жизномир привычно уселся на ковер, скрестив ноги. – Хоть меда выпить настоящего, да каши поесть, чтобы обычная баба в печи протомила... Снится мне эта каша, и вот сделаешь сверху ямочку такую, и туда маслица коровьего...

Он вздохнул, а Амунд улыбнулся, прищурился, так что солнечный свет расплывался под ресницами. Ему нравился толстяк Жизномир, и не столько сам по себе, а больше потому, что наводил на мысли о его племяннице – дочери Хельги Хитрого. О Брюнхильд, золотистой, как этот солнечный свет. Амунд не сомневался, что она его помнит – он не из тех, кого легко забыть, однажды увидев. Но ждет ли новой встречи, как ждет ее он сам?

Глава 5

Отрокам Ольрад ничего не сказал, а за время короткого пути к Тархан-городцу немного опомнился. Это он только сейчас узнал, что бек Аарон и князь Амунд – кровные враги. Сам Амунд знает об этом уже месяца два. И если он не приказал перебить всю их дружину еще позавчера, при первой встрече, едва узнав, кто они такие, может, ему это и не надобно?

Или он этого не знал? Ольрад попытался вспомнить, что сказал Ярдар Амундовым русам при первой встрече, когда дружина выехала к их стану, но вроде бы тот про хакан-бека ничего не говорил, а только сказал, что они из Тархан-городца... Ярдар жаждал выяснить, кто они, пришельцы, а те мало любопытствовали насчет него – мало ли разных таких они встречали по пути? Столь малая, по сравнению с их войском, дружина, им не казалась опасной, и им не было до нее дела.

Уж не сам ли Ольрад сейчас сообщил Амунду, что они – люди его врага? От этой мысли пробило холодом. Однако Амунд не выразил ни удивления, ни гнева. Он держался не как человек, жаждущий гибели своих врагов. Говорил он совсем другое. «Я вас не трону», – это же он сказал? Коли будете умны... как-то так.

Жители толпились перед воротами вала, ожидая посланца; глядя в оживленные, по-летнему загорелые, любопытные лица женщин, Ольрад сразу понял: передавать им то, что стало ему известно, никак нельзя. Жутко подумать, какой крик и переполох поднимется, если они узнают, что Амунд и его дружина совсем недавно сражались с войском хакан-бека! Стараясь не слышать вопросов, он оставил отрокам Веприка и прошел в Ярдарову избу.

Здесь собралось немало народу: кроме молодого хозяина и Хастена, в ожидании вестей расположились на лавках еще человек пять-шесть старших оружников. В бабьем куту сидели две самые почитаемые женщины Тархан-городца: Дивея, Ярдарова мать, и Озора – его старшая сестра и жена Хастена. Дивея, как вдова, была в синей поневе, Озора – в красной, у обеих на шелковых очельях висело по три пары серебряных «лучистых» колец, на груди, поверх белых сорочек, блестели разноцветные стеклянные бусы с круглыми подвесками. Не зная, как скоро могут явиться важные гости, они уже принарядились, желая похвастаться своим богатством. Лицом они были очень похожи, всякий признал бы в них мать и дочь; лицо Дивеи покрывали морщины, но Озора была еще довольно хороша собой. Однако вызывающее выражение скрадывало красоту, несло тревогу вместо умиротворения, которое обычно вызывает красота. Ольрад покосился на них: что знает хотя бы одна из этих женщин, то знает весь Тархан-городец. Но если он попросит Ярдара их удалить, они до самой смерти не простят этого ни ему, ни Мираве.

При беглой мысли о Мираве он почувствовал облегчение: ее лицо дышало миром, который был плодом даже не желания жить со всеми в ладу – ему казалось, что Мираву мало волнует, что о ней думают, – но отражало ее внутренний покой. И Ольрад глубоко вдохнул, обретая тот же покой и силу.

– Видел я князя Амунда, – начал он в ответ на дружно устремившиеся к нему взгляды. – Дело непростое выходит. Даже малость опасное. На Итиле с хакан-беком они имели рать.

– Рать? – заговорили сразу все.

– Гроза те в бок! – Хастен хлопнул себя по колену.

Хастен, зять Ярдара, был старше него – на середине четвертого десятка; среднего роста, жилистый и ловкий, он осторожностью и недружелюбием напоминал волка и даже носил прозвище Волкиня. На дочери прежнего воеводы, Ёкуля, он женился не просто так, а с прицелом занять со временем его место, однако тот прожил достаточно долго, чтобы взять с Тархан-городца клятву верности его сыну. Хастен не уступал и постоянно оспаривал влияние Ярдара на дружину. Они жили в противоборстве, которое сдерживалось их родством и усилениями Дивеи и Озоров; противоречить этим женщинам не было охоты ни у того, ни у другого.

Переждав до тишины (Ярдар морщился и махал рукой, чтобы унялись), Ольрад пересказал свой разговор с Амундом.

– Он хочет нам мстить? – было первое, что спросил Ярдар, и все снова загудели.

– Сказал, будто нет, сказал, мол, будьте умны, вы меня не троньте, и я вас не трону, а добычи и славы мне у вас не искать.

Но это никого не успокоило.

– Врет! – бросил Хастен. – Погибели нашей ищет. Коли у него с хаканом раздор, то и нам несдобровать.

Мужчины переглядывались, изменившись в лице. Только что они жили в привычном покое, зная, что находятся за много-много переходов от тех мест, где может грозить какая-то опасность. На окраины волости изредка заходили ватаги «зимних волков» с Угры и верхних притоков Днепра, ищущие добычи, но это был враг привычный и более чем посильный – ни одна такая ватага не могла равняться по численности и вооружению с веденецкой дружиной. Но у русов с далекого запада случилась рать с хазарами, и хазары были далеко, а русы – вон они, под самым городом! Будто с неба упали и оказались прямо здесь!

– Да хотел бы нашей гибели – уж напал бы, – сказал Хельв. Он был слишком стар и слишком много повидал, чтобы легко впадать в испуг.

– Не посмеет он нас тронуть! – возмутился Ярдар. – За нами – Хазария сама! У хакана одних конных десять тысяч! А еще...

– С самим хаканом они биться посмели, а с нами не посмеют! – возразил Безлет. – Да только обрадуются...

– Пока те десять тысяч подойдут, русов уж след простынет, а у нас и пепел развеет, – добавил Воегость, зять самого Хастена.

– Что сидишь? – прикрикнул Хастен на озадаченного Ярдара. – Вели снаряжаться всем! Баб и скотину в город, ворота затворить, мужикам на вал! Луки всем взять, стрел побольше! Сулицы!

Он говорил так уверенно, что многие было встали.

– Придержи! – осадил его Хельв, и многие обернулись к нему: старого кузнеца в городце очень уважали. – Развоевался, чтоб тебе... здоровым быть. На полторы тыщи с полусотней налесть думаешь?

– Мы к ним не сунемся, а коли они к нам... – Хастен погрозил в оконце жилистым кулаком. – Узнают, каково с нами дело иметь!

Оружники дрогнули, желая бежать снаряжаться. Вооружиться и приготовиться – дальше этого вполне разумного перед лицом опасности порыва их мысль не шла.

– Стой! – крикнул Ярдар. Обычно он избегал прямо противоречить Хастену, но теперь пятиться было некуда. – Сейчас вой поднимется, крик! А ну как русы увидят, что мы изготвились, да и решат, что мы на них идем! Разобьют нас в мелкие черепки!

– Оружников постыдись, воевода! – рявкнул в ответ Хастен. – Еще на рать не вышел, а уж полные портки навалил!

– Ты не заговаривайся! – Ярдар тоже разозлился. – Ну куда нам на целое войско! Амунд же сказал, что нас не тронет! Если будем умны! Где твой ум-то, храбрище?

– А что нам, ждать, пока те навцы придут и нас всех перебьют, а баб и чад в челядь заберут?

– Амунд сказал, что добычи здесь не ищет!

– Ты ему верь больше! Хакан их разбил, все войско сгубил, он с нас свою обиду взыщет!

Оружники поддержали его тревожным гулом.

– Тихо! – Ярдар затряс головой. – Ни с места!

Был он молод, даже чуть моложе Ольрада, но привык считать, что порядок в Тархан-городце зависит от него. А переполох, который сейчас поднимется, ему виделся уж слиш-

ком ясно. Кричащие бабы, бегающие меж изб, волокущие коров и детей. Коровы мычат, козы блеют, свиньи визжат, дети орут, мужики бранятся, натываясь на них на всех...

– Не позволю! – укрепляясь духом, продолжал он. – Сказал же Амунд: вы на рожон не будете переть, и я вас не трону. Так что сидим тихо.

– Забоял... – начал было Хастен, презрительно сощурился.

– Сам к нему пойду! – оборвал его Ярдар. – Сам спрошу, чего хочет. Может, у него и мысли нет... А мы исполчимся – сами себя погубим.

– У них добыча и без нас хороша, – подал голос Ольрад. – У Амунда отроки в шелковых кафтанах, а воду пьют из серебряных чаш, я сам видел. Чего им с нас взять?

– А мечь? – хмуро напомнил Безлет.

Ольрад вспомнил лицо Амунда. Никто не назвал бы его красавцем, но ни злобы, ни мстительности, ни вызова на этом длинном лице с впалыми щеками не было. Скорее усталость... желание покоя...

– Да что ему нам-то мстить? – почти уверенно ответил Ольрад; его слушали, поскольку он совсем недавно сам говорил с Амундом. – Не соперники мы ему. Он с самим хаканом бился...

– Хакан с ним бился, а мы теперь в друзья ему набиваемся! – сердито подхватил Хастен. – Так, что ли? Если не рать, так дружба?

– Так что бы и не дружба? – так же раздраженно ответил Ярдар. – Биться нам не по силам с ними, поймите вы, Перунова полка сиротины!

– Да поведи ты леший! – Хастен в досаде хлопнул себя по колену. – Куда ты к нему пойдешь? Дружбу с ним водить? Меды распивать? Он хакану враг, а стало быть, и нам!

– Хакан далеко! – возразил Ярдар. – А эти – близко, вон они! Хакан не придет нас от них оборонять, надобно самим! Биться мы не можем. Пойду скажу, что мы на них зла не мыслим, дескать, вот вам дорога, ступайте восвояси...

– А как будешь потом Азар-тархану отвечать? – Хастен прищурился. – Придет он за данью, спросит: видали русов? А мы: видали, господин, меды с ними распивали...

Ярдар поджал губы, лихорадочно ища ответ. Ясно было, на что Хастен намекал: перед хазарским беком они будут выглядеть изменниками, переветчиками...

– Придет Азар, а здесь вместо города пусто, одни головешки? – негромко сказал Ольрад. Он был здесь моложе всех, кроме Ярдара, поэтому старался помалкивать, но видел, что Ярдар прав и ему нужно помочь. – Ни дани тебе, ни волоков, только грают вороны черные, воют волки серые, тела мертвые меж собою делючи. Это ли лучше? Сам Азар и не обрадуется.

– Его бы, Азара, спросить: коли те русы им враги, что же дали им уйти? – вдруг поддержал их еще один оружик, Завед, невысокий мужик лет сорока, с пышными волосами цвета грязноватой соломы и такой же бородой. – Им-то сподручнее было воевать, у них там и дружина бекова, и «дети тарханов», и ратники, и буртасы конные. А мы тут что против них?

– Он говорил о буртасах! – вспомнил Ольрад. – Амунд! Сказал, что на переволоке вышло на них буртасов целое войско, а он бился с их бойщиком и одолел, тогда они по уговору их пропустили к Дону!

Люди опять загудели.

– Буртасов одолели! – воодушевившись, воскликнул Ярдар. – А тех было целое войско, да конное! Куда нам-то против них, с нашими пятью десятками! Значит, удачлив князь Амунд! С ним враждовать – себе гибели искать.

– Да что буртасы! – добавил Хельв. – Сам хакан им дал уйти – коли была у них рать, а они здесь! Мог ли сам Аарон им помешать, был ли в силе? Он не смог – какой с нас-то теперь спрос!

– Такие речи переветчику к лицу! – бросил ему сердитый Хастен.

– А я никого не боюсь! Стар я – бояться.

– Ты, что ли, Волкиня, берешься все то войско одолеть? – Ярдар вышел из терпения. – Сильнее Аарон-бека быть? Или в бойщики к Амунду пойдешь? Поля будешь у него просить?

– Да на такую рать что одному идти, что полусотней, невелика разница! – хмыкнул Завед. Но идти на бой с Амундом Хастен не жаждал – он видел плеснецкого князя и знал, что тот мало уступает волотам из преданий, которые за десять верст перекидывали друг другу топор.

Еще немного оружники и воеводы поспорили, но все же сошлись, что если нет сил достойно сражаться, то и нет измены в попытке сражения избежать.

– Хлебом-солью нам его встречать незачем, но и на драку нарываться глупо! – твердил Ярдар, видя, что одолевает.

Если сам хакан со всеми его силами и буртасы с их конницей не сумели преградить путь войску западных русов, то едва ли они ждут этого от маленького Тархан-городца. Скорее Азар-тархан будет рад, если они сохраняют городец и волость от разорения, совершить которое Амунду будет совсем не трудно.

Однако звать его к себе на пир, как было задумало, сочли неосторожным: незачем давать хазарам повода заподозрить тархановцев в измене, в этом многие признавали правоту Хастена. Порешили, что Ярдар, Завед и Ольрад снова поедут к Амунду, разузнают у него как можно больше о том, что случилось на Итиле и переволоке – главное, из-за чего вышла рать, – и постараются добиться мира для Веденецкой волости.

* * *

Вернулся Ярдар со спутниками, еще сильнее убежденный, что искать ссоры с пришлыми русами совсем ни к чему. Убедил его даже не разговор с Амундом, а вид доспехов поединщика-буртаса, которые им показали в княжеской веже. Доспехи эти были столь огромны, что тархановцы, впервые их увидев, не удержались от возгласов. Панцирь из толстой грубой кожи с железными пластинками, наруч для правой руки, поножи, булава с бронзовым навершием – все это было сделано для человека намного больше обычной величины, для истинного волота. Однако хозяин всего этого был побежден и убит – о чем свидетельствовало то, что его доспех стал добычей Амунда, – а плеснецкий князь не получил ни одной раны. И, как тайком прикинул на глаз Ольрад, привыкший, как кузнец, оценивать такие вещи, тот неведомый буртасский паттар несколько уступал Амунду ростом.

В Тархан-городце не было никого, кто мог бы хоть отдаленно равняться с Амундом плеснецким родом и положением, мысль о такой стычке казалась нелепой. Он был князем, и никогда еще превосходство высокого рода не выражалось так ясно в телесном превосходстве; сам исполинский рост его выдавал признанного собеседника богов. Где сходятся в поединке волоты, простым людям лучше держаться в стороне.

– Что же за причина... толкнула вас... хакан-бека... на такое... недоброе дело? – в колебаниях между любопытством и осторожностью допытывался Ярдар.

Важнее всего было выяснить, касается ли причина вражды их здесь, в Тархан-городце.

– Его гриди-бохмиты желали отомстить нам за тех бохмитов, которые живут на Хазарском море, – пояснил Амунд, все так же полулежа на ковре в дальней части шатра. Гости сидели перед ним на другом ковре, а телохранители устроились по сторонам от господина, держа мечи на коленях и топоры под рукой. – Так нам рассказали пленные. Но мы не очень им поверили. Если бы они заботились о своих единоверцах, то им стоило бы напасть на нас, еще пока мы шли на полудень, к морю, три лета назад. Нападать, когда уже дело сделано, стоило только ради нашей добычи. Они ведь выждали, пока мы отдадим Аарону половину всего, как было уговорено. Убедились, что у нас есть добыча и она хороша. И тогда уж пришли, желая получить против всяких уговоров и вторую половину. Но им не так повезло, как они думали. Многие из них расстались там с жизнью и сами стали нашей добычей.

Ольрад уже заметил, что поверх гурганского кафтана Амунд подпоясан хазарским поясом с золочеными накладками в виде головы барса и другими, с изображением ростка. Такие

он не раз видел у знатных хазар, в чьей власти два или три крупных рода, а значит, несколько тысяч воинов. К Амунду такой пояс мог попасть только как военная добыча. Был ли он снят с тела того неведомого соперника в поединке или попал к Амунду после сражений на Итиле? Ольрад не посмел задавать вопросов.

Насчет намерений самого Амунда тревоги тархановцев вскоре улеглись. Спокойствие его отдавало пренебрежением: в них он не видел себе ни соперников, ни достойной добычи. Это не могло быть приятным Ярдару, который привык к почетному положению своего рода в этой волости, составлявшей для него весь обитаемый мир. Но Амунд пришел из Сумежя – того, что за краем, того, что не принадлежит к человеческому миру. Его огромный рост, черты лица, даже доспехи соперника – шкура побежденного чудовища – говорили о том же. Тархановцы взирали на него не без страха, и этот страх перед потусторонним не прошел даже тогда, когда они убедились, что разорять Тархан-городец он не собирается.

– А может вслед за вами вернуться еще кто-то из вашего войска? – спросил Завед. – тысяча пять же уходило, неужто прочие все полегли?

– Сомневаюсь, чтобы еще кто-то вернулся, – Амунд качнул головой. – Войско из Хольмгарда после битвы близ города Итиля насчитывало с две тысячи копий, да, Хавлот? – Он глянул на своего ближайшего сподвижника, мужчину с носом-клювом на продолговатом лице и вечно встревоженным выражением, и тот кивнул. – Их было даже больше, чем нас. Они шли по Итилю позади нас, все больше отставая. Мы думаем, – он опять глянул на Хавлота и Жизномира, с которыми часто обсуждал все эти возможности, – что войско хакан-бека могло настигнуть их... и разбить окончательно. Но в том сражении хазары могли сами потерять слишком много людей, или времени, или того и другого, и решили, что нас им уже не догнать и не одолеть. Поэтому нам удалось уйти – нам уже никто не мог преградить путь, кроме тех буртасов. Но не думаю, что люди Олава еще вернутся. Если кто-то из них уцелел в битве, то попал в плен.

Этому ответу тархановцы тайком порадовались, но и встревожились. Если те неведомые «люди Олава» – здесь слабо представляли, что это за Олав и где живет, – все же вырвутся из когтей смерти и придут, и если их будет хотя бы несколько сотен, уцелевших из двух тысяч... да хотя бы одна сотня! – они-то посчитают Тархан-городец и достойной, и посильной добычей. И тогда с ними едва ли удастся так мирно разойтись, как с Амундом.

– И как ты полагаешь, Амунд, может ли так быть, чтобы вы и хакан-бек dokonчили мир¹²? – уже под конец решился спросить Ярдар.

Осознав, что произошло, он начал соображать и насчет последствий, грозящих Веденецкой волости. И были они так значительны и неприятны, что не хотелось верить.

– Это не мое дело, – Амунд нахмурился, будто не желая рассуждать по пустому поводу. – У меня и не было торгового мира с хазарами, они от меня слишком далеко. Будет мир восстановлен, не будет – это забота Хельги киевского. Это у него, а не у меня, хазары вероломно убили сына-наследника... но потому-то я и сомневаюсь, что он скоро захочет мириться. У него готовилось dokonчание с греками, когда мы отправлялись в путь. Если с ними все улажено, то мир с хазарами ему и не нужен больше.

Амунд не хуже тархановцев понимал их нынешние затруднения. Подробно, хотя и без большой охоты отвечая на вопросы, он не просился в гости в город и не предлагал им выпить с ним или разделить еду. Но охотно принял в дар бочонки пива и меда, которые ему послали, когда Ярдар вернулся – это Озора додумалась, сообразив, чего сейчас не хватает русам и чем можно порадовать их, богатых цветным платьем и серебром. В ответ Амунд прислал с Ольрадом, доставившим дары, шелковую шапку для Ярдара и ожерелье из сердоликовых бусин «для госпожи». Поскольку Ярдар вдовел, ожерелье досталось Озоре. Хастен было хотел запре-

---

¹² Дokonчати мир (др. – русск.) – заключить мирный договор.

тить жене брать подарок от врага хазар... но подобного сражения ему было не выдержать и он потерпел позорное, хоть и тайное поражение.

Озора была пока единственным человеком в Тархан-городце, имевшим причины для радости. Остальные ходили встревоженные и с нетерпением ожидали, чтобы русы поскорее тронулись восвояси. Те и сами не хотели задерживаться: впереди у них еще был путь до Оки, потом волоки на Десну, потом путь вниз по Десне, потом от Киева по западным притокам Днепра до их собственной Бужанской земли... «Если успеем до снега, будет нам счастье», – сказал Хавлот.

Чтобы предотвратить испуг и смятение по всей волости, Ярдар решил отправить с бужанскими русами кое-кого из своих людей. Возглавлять отряд из десятка отроков опять досталось Ольраду.

– Сызнова тебе ехать? – Мирава, узнав об этом, с недовольством всплеснула руками. – Или у нас других людей нет? Или тебе нет дела другого?

– Ярдар сказал, я с ними поладил, мне и ехать, – Ольрад слегка развел руками, чему Мирава не удивилась. – Не Хастена же послать – тому в драку не терпится.

Мирава знала удивительный нрав своего мужа: упрямый, но покладистый. Никакая сила на свете не заставила бы Ольрада делать то, что он считал неправильным, но от дел, которые находил правильными, он никогда не отказывался, не беря в расчет усталость, недосуг и прочие доводы в пользу собственного благополучия.

– Да и далеко ли тут? Доведу их до Оки, дальше не наша печаль.

Мирава стала подавать на стол. В последний вечер она расстаралась: сварила рыбную похлебку из остатков овсяной крупы, кислой капусты и капустного рассола. Круп, хлеба и овоща оставалось совсем мало, репа и морковь совсем вышли. Теперь жили больше рыбой, дичью, лесными травами и ожиданием первых плодов нового урожая.

– Тут еще другая печаль, – не удержалась Мирава, пока Ольрад вытирал вымытые после кузни руки. – Волкиня все бурчит, что приедет осенью Азар-тархан, не похвалит, что дружбу с Амундовыми русами водили... А ты им выйдешь из всех самый лучший друг...

Ольрад нахмурил брови: осторожность боролась в нем с убеждением, что не найдется глупца, способного возвести на него такую напраслину.

– Пусть бы Хастен и ехал, – продолжала Мирава, – на него-то никто не подумает...

В это время вошел старый Хельв: он жил у себя, но кормился, оставшись в доме один, у Ольрада, еще ради дружбы с его отцом.

– Хлеб да соль! – Он поклонился, увидев на столе ложки и горшок с похлебкой рядом с небольшой ковригой, лежавшей, как положено, завернутой в полотенце.

– Где нам хлеб, там и вам хлеб! – пригласила его Мирава.

Пока мужчины садились, готовясь приступить к еде, она все же закончила начатый разговор:

– А когда Азар-тархан приедет...

Оба кузнеца выжидательно посмотрели на нее, и она договорила:

– Пусть бы Ярдар ему сказал, что никаких русов мы здесь и не видели, буртасы их всех перебили! И буртасам честь, и нам покой!

Хельв хрипло захохотал, даже закашлялся. Ольрад тоже усмехнулся, а сам подумал: да уж, лучше бы их и впрямь здесь в глаза не видеть!

Глава 6

Желая успеть до жары, Ярдар отправился в путь совсем рано, едва выгнали стадо. Роса только сошла, и когда тропа вдоль реки нырнула в лес, свежие запахи летней зелени накрыли волной. Стук копыт, бьющих по лесной земле, гулко разносился окрест. Если есть поблизости люди, сразу поймут: едет кто-то из Тархан-городца. Весняне пахали на лошадях, но ездили на них мало, и уж точно никто не пустится в разъезды сейчас, когда доканчивают сенокос. Тархановцы тоже занимались делом: кто возил сено со своих покосов, кто, в основном старики и подростки, трудились в огородах, и Ярдар надеялся, что его исчезновения никто не заметит.

Пришлые русы со своим исполинским князем вчера наконец пустились в дальнейший путь. Тархановцы уже растащили брошенный ими сушняк, но дружно ворчали: попортили-де луг, ям нарыли, кострища оставили, дряни всякой накидали... Ярдар испытывал облегчение, что отделался от врагов хакан-бека так дешево, но остерегался полностью в это верить, пока Амунд с его войском не покинул пределов Веденецкой волости. Да и когда покинет... Когда все в волости узнают то, что уже знают в Тархан-городце, когда подумают и поймут все то, что здесь уже поняли... Ведь эта битва русов с хазарами – только одна голова многоглавого змея, и даже если она не укусит, то другие жить не дадут.

Но более всего Ярдара занимало иное. Появление здесь Амунда с его людьми было отголоском далеко разразившейся сокрушительной бури. По его словам, из-за Хазарского моря в низовья Итиля вернулось почти пять тысяч человек. Тысячу или больше они потеряли в столкновениях с хазарами на обратном пути, в том числе пал и старший вождь всего войска, сын киевского князя Хельги. Сын и наследник! Киевского князя здесь никогда не видели, но слышали о нем немало. Как и все русы, он пришел откуда-то с севера, из-за Варяжского моря. Каким-то образом сумел вытеснить из Киева тех варяжских князей, что пришли туда на полвека раньше, подчинили полян и древлян и даже лет сорок назад сходили успешным походом на греков. О тех вождях и о том походе в Тархан-городце знали очень хорошо – благодаря собственным дедам, которые в нем участвовали. И хотя пути Ульфаста с его прежними вождями разошлись, дошедшая сюда весть, что в Киеве сел какой-то Хельги из заморья, вызвала возмущение. Хуже того – через несколько лет стало известно, что этот Хельги взял под руку земли радимичей на Десне, до того плативших дань хазарам. Несколько лет ждали, что вот-вот хакан-бек велит собрать войско и сметет наглецов, да еще и сам Киев вновь приберет к рукам. Ждали-ждали, однако не дождались. Каган, хакан-бек и их приближенные в Итиле служили одному богу, разнородное население Хазарии – другим, между ними не было ни мира, ни согласия, и хакан-бек не решился послать свих железных всадников на самую окраину известного мира, когда они нужны были гораздо ближе. Постепенно все поверили, что в Итиле смирились с потерей радимичей... а вот теперь стало ясно, что это не так!

– Хазары обид не прощают! – со злорадным удовлетворением говорил Хастен. – Хельг этот мнил себе, что Перуна за бороду схватил, что хакан-бекам он соперник, что может у Хазарии данников отнимать и жить припеваючи! Как бы не так! Не ему с хазарами тягаться! Им такие удалыцы на один зуб! Выбрали час, налетели – в пыль втоптали всех этих, киевских! Сына он лишился, без наследника остался! Вот как! Дорого ему дань от радимичей обошлась, распятнай его в бок!

Никто не спорил: месть за оскорбление и лишение данников выглядела достоверной.

– Зачем хазарам самим до Киева ходить? – посмеивался Безлет. – Они держава старая, мудрая, выждать умеют! Выждали, пока Хельги сам к ним пришел! Сына послал! А и пришел бы – нельзя и ему без хазар! Вот он теперь, в Киеве сидя, дождется добрых вестей!

Избавившись от тревоги за себя, в Тархан-городце обрадовались этой победе своих владык. Крепнущая мощь киевского князя внушала тревогу всем соседям. Иной раз даже погова-

ривали, как бы он, после радимичей, не пошел и на Оку с притоками, желая, мол, забрать в руки всю Славянскую реку. Случись это, Веденецкая волость оказалась бы первой на пути захватчиков. Теперь эта опасность исчезла – хазары разбили киевских русов, пал их старший вождь! День ото дня крепло ощущение большой победы Итиля над Киевом. Сам Хельги остался без наследника! Казалось, еще немного, и вся его власть рухнет, собранные земли рассеются, вернутся под власть хазар – не только радимичи и северяне, но и сами поляне.

– То когда еще будет! – ворчал старый Хельв за столом у Ольрада. – Да и будет ли? А вот мы горя хлебом полным ковшом, и прямо сейчас! Торгового мира нет – пусть Недозор с Докучаем кланяются своим гривнам за переволоки¹³! Не будет купцов, не будет и гривен! Вот мы с тобой кому будем свой товар сбывать? А не будет торговли – хазарам зачем мы все здесь? И мы тут, в Тархан-городце, ни белки от них не увидим!

– Глядишь, помирятся, – отвечал Ольрад, всегда склонный надеяться на лучшее. – Без торгового мира всем худо: хазары без куниц останутся, кияне без серебра... Понимать же должны.

– Ты, дренг, молод еще, вот и мнишь, будто люди головой думают! – Хельв постучал себя по морщинистому лбу. – А они думают... – он покосился на Мираву у стола, – тем местом, на коем сидят! Бывает, со злобы и упрямства дурного сами себе таких бед наделают, что ни один самый лютый враг не сумеет!

Ярдар тоже понимал, что прекращение торговли через Упу им ничего хорошего не обещает, но куда сильнее его мысли притягивало иное. Человек молодой, он всегда прикидывал, как то или иное событие может помочь его собственному прославлению. А сейчас, по мере того как мысль о случившемся на реке Итиль утверждалась в сознании, расцветала и другая – о нем самом. Киевский князь, которого на языке русов называли Хельги инн Витри – Хельги Хитрый, а у славян Олег Вещий, много лет славился как человек мудрый и очень удачливый. Он был одарен удачей – той божественной силой, что оборачивает все дела человека к его пользе, дарит славу и богатство, которые привлекают к нему самых отважных и могучих людей, а те в свой черед увеличивают его славу и богатство. Много лет все так и было. Но сейчас, мало что не на глазах, Олег киевский свою прославленную удачу утратил. Его люди были разбиты, он лишился лучшей части дружины и, главное, сына и наследника. В Тархан-городце пытались припомнить, есть ли у Ольга другие сыновья. Было известно, что двоих сыновей он потерял ранее, в борьбе за земли и в походе на греков, но остались ли еще? Об этом никто не знал, и общее мнение склонялось к тому, что Грим был его третьим и последним сыном. А уж если судьба отнимает у человека троих наследников и оставляет под старость бездетным, такого человека удачливым не назовешь!

С далекого севера предки руси принесли сказания о норнах – девах судьбы. Сходным образом их представляли и славяне, но Ярдар, думая об удаче, представлял себе птицу с широкими крыльями, пылающую, будто золото. Много лет она вилась над Хельги киевским, но пришел час – и она оставила его. Сам ли он совершил промашку, уронил честь, нарушил обет, божественная ли воля лишила его удачи – не узнать, да и какая разница. Пламенеющая птица-удача покинула прежнего любимца и свободно реет в высоких небесах. Кого она теперь избежит, к кому сядет на плечо? Сердце билось от этой мысли. А что если настал его час? Прима-нить бы эту птицу... и как знать, не станет ли имя Ярдара сына Ёкуля таким же славным, как сейчас имя Хельги киевского? Ведь если кто-то теряет власть, кто-то неизбежно ее подбирает, иначе не водится.

По сторонам тропы раскинулось целое поле пышной Перун-травы¹⁴. Вдруг зеленые упругие хвосты впереди сильно закачались, и Ярдар придержал коня. На тропу выбежал кабан –

---

¹³ Здесь «кланяются» в значении «прощаются».

¹⁴ Перун-трава – папоротник.

точнее, молодая лесная свинья – с гладкой темно-бурой тушей, мохнатыми торчащими ушами. В эту пору за свиньей обычно следует пяток, а то и десяток поросят с полосатыми гладкими боками, но эта была одна. Увидев человека, она не обратилась в бегство, а напротив, приблизилась к нему, тянула морду, двигая рылом, будто ожидала угощения. Сквозь верхушки берез на тропу проникал пятнами солнечный свет, и от них шкура свиньи слегка золотилась.

– Мышка! – воскликнул Ярдар, узнав ее. – Одна бродишь? – Он огляделся, но поросят не увидел. – Холостая зимой осталась, не нашелся тебе женишок?

– Нам и без женишков славно! – ответил ему женский голос, и Ярдар вздрогнул.

Другой бы подумал, что свинья заговорила по-человечески, но Ярдар лишь живо огляделся с коня.

– Где ты? – крикнул он, стараясь не показать беспокойства.

Однако морозом слегка продрало по спине. Свинья тыкалась рылом ему в башмак и дергала хвостиком, а голос отвечал ему из зарослей, будто вовсе не имел тела.

– Заранка, ты? Не шали, покажись! – строго потребовал Ярдар.

Жутко слышать в лесу голос ниоткуда, пусть даже знакомый. Таким доверять нельзя: кое-что ты про них, может, и знаешь, да все ли?

Наконец из-за ствола появилась женская фигура: девушка лет пятнадцати, одетая лишь в белую рубаху с красным пояском и темную повседневную поневу. В золотисто-рыжих волосах от висков были заплетены две тонкие косы, проходящие через затылок и уже там вливавшиеся в длинную косу. Очелье из тканой тесьмы, небольшие серебряные колечки, вплетенные в тонкие косы, только и давали знать, что эта дева – человеческого рода. Колечки с пятью лучами, отлитые из серебра, были работы Олрада, и хотя бы это привязывало лесную деву к чему-то понятному и знакомому.

Не приближаясь, девушка остановилась у березы. Пышные волны Перун-травы укрывали ее ноги, усиливая чувство, будто сама она – лишь морок, парящий над землей, сотканный из солнечных бликов на лесной зелени, из духа влажной лесной земли и нагретой хвои. От тени ветвей ее сорочка казалась зеленоватой.

Ярдар помедлил, ожидая, не поклонится ли она. Не он ли господин всей Веденецкой волости, которому даже старики из прочих весей и городцов кланяются первыми? Но девушка лишь чуть встrepенулась, и показалось, что сейчас она исчезнет так же быстро, как появилась. Желая удержать ее, Ярдар сдался и крикнул:

– Будь жива, девица.

– Будь жив, воевода, – отчасти неохотно откликнулась девушка, будто к этому приветствию ее вынудили.

Ярдар еще подождал, но она стояла, прижавшись к березе, и всем видом выражая, что так же неспособна кланяться, как дерево.

– Я к твоей матери, – несколько надменно сказал Ярдар. – С делом. Дома она?

Девушка покачала головой, даже слегка сжала губы, будто отказываясь отвечать.

– А где? Надолго ушла?

– Надолго.

– Заранка! – Ярдар начала терять терпение. – Говори толком! Где она?

– Хотен за ней прислал, – с той же неохотой разомкнув уста, ответствовала упрямая девица.

– На что она ему?

– Рожают у них. Младенца принимать, судениц к нему зазывать... Мужика в долбушке прислал. Раньше завтрашнего дня не ждем ее домой.

– Тьфу ты, задергай ты волк! – вполголоса выбранился Ярдар.

– А тебе что за дело до нее? – осведомилась девица, пытливо глядя на него. – Твоя судьба на веретене давно, а новых чад тебе не послано вроде... или как?

Она склонила набок голову, и в ее узких глазах отражалось насмешливое любопытство.
– Тебе почем знать? – с досадой отозвался Ярдар.

Он не знал, на что решиться. Развернуть коня и тронуться восвояси? А завтра или через день ехать снова? Глупо было проскакать почти десять верст и с последней версты возвращаться несолоно хлебавши. Да и Заранка... Казалось бы, девчонка,мышь лесная, перед ним, воеводой, ничто... Но при ней всякого переполняло чувство, будто где-то рядом – иные силы, выше человеческих.

Свинья по имени Мышка рылась в земле между ними. Заранка нашла ее позапрошлой весной, маленьким полосатым поросенком, и вырастила при доме, как собаку. Теперь свинья везде ходила за ней, как собака, и болтали, что когда Огневиды дома нет, Заранка пускает животину в избу и позволяет ей спать возле себя.

– Ты, что ли, видала то веретено? – продолжал Ярдар; она заговорила именно о том, о чем он сам думал, и ее небрежные речи пригасили его воодушевление.

– А и видела. Что тут мудреного?

– Врешь. Что ты можешь знать?

– Ты чего от матери-то хотел?

– Не твое дело.

Ярдар сам не знал, зачем он с нею разговаривает. Младшая дочь Огневиды уже пару лет считалась невестой, но никто из отроков к ней и близко не подходил. Всем известно, что «знающий человек» должен передать кому-то своих духов, а Огневида, ведунница, умела призвать самих матерей судьбы. У нее было в живых две дочери: Миравы и Заранка. Никто, кроме тех судениц, не знал, которую она выберет в наследницы. Глядя на Мираву, спокойную и целеустремленную, молчаливую, но с таким красноречивым взглядом глубоких темно-голубых глаз, всякий сказал бы: вот самая достойная женщина. Но при виде Заранки на этот счет возникали сомнения...

– Узнать хотел... – начал Ярдар, как всегда, невольно ощущая, что искомая им судьба неслышно бродит где-то рядом. – Вы тут и не слышали, что русы с Хазарское моря воротились и через Тархан-городец прошли?

– Мы видели их, – Заранка двинула плечом, дескать, эка безделица, будто многотысячные войска каждое лето здесь ходят.

– Где ж вы видели?

– На реке.

– Князь их, волот, сказал, что была у них рать с хазарами на Итиль-реке и что сын князя киевского, Олега, в битве погиб. Как бы не вышло нам всем... беды какой из этого, – Ярдар придумал, что сказать, чтобы его появление здесь выглядело оправданным. – Я и хотел твою мать просить, чтобы погадала... выпросила у судениц, чего нам ждать – мира или беды?

– Они ведь ушли? – Заранка приняла вид более задумчивый, чем насмешливый, и погладила ствол березы. – Русы?

– Русы ушли. Да как бы по их следам горя-злосчастье не налезло к нам.

– Это можно выпросить... – Не глядя на него, Заранка снова погладила белую кору в черных жестких глазках. – Если ты не боишься...

– Я боюсь? – Ярдар даже наклонился с седла в ее сторону.

Всегда было так: он понимал, что глупо ему перед ней объясняться или оправдываться, но никогда не мог удержаться, будто кто за язык тянул, и от этого злился уже не столько на нее, сколько на себя. Видно, все хорошее, что Огневида смогла выпросить у судениц, досталось ее старшей дочери, красивой женщине и завидной жене. Заранка же была как тот колобок из всего, что намели в овине и наскребли по сусекам, да еще смешали с толченой сосновой корой.

Заранка оторвалась от березы и медленно двинулась к нему.

Она шла тихо-тихо, лишь колебался раздвигаемый полог Перун-травы, и она будто плыла, по пояс укрытая этими пышными листьями. Но Ярдару потребовалось сделать над собой усилие, чтобы не шелохнуться и сдержать желание попятиться. Она остановилась в трех шагах, так что он мог видеть ее глаза – темно-голубые, только они, казалось, и роднили ее со старшей сестрой, но вместо покоя в них сверкала живая и горячая сила.

– Так не живых же о судьбе вопрошают, – тихо сказала она, и ее пониженный голос скользил в уши, как змея по мху. – Иных советчиков будем звать... *ее*, сестру мою.

Она говорила вовсе не о Мираве, и Ярдар это знал. Пятнадцать лет назад Огневида – тогда Датимир, ее муж, был жив, – родила разом двух младенцев-девочек. В этих края рождение близнецов встречали настороженно: одному отец – человек, а второму кто? Только один из них считался по-настоящему живым, но как знать – который? От второго же не ждали ничего доброго, и бывали случаи, когда семьям с близнецами приходилось удаляться с прежнего места, зная, что случить неурожай или мор, они окажутся виноваты. Смерть одного из близнецов встречали с облегчением – Темный Свет¹⁵ забрал своего. Неудивительно, что ведунница принесла дитя с того света, но ее начали сторониться. Хорошо еще, что Датимиров двор стоял в некотором отдалении, скрытый от других частью леса.

Когда однажды зимой умер Датимир, это приняли как неизбежное несчастье в доме, где живет кто-то с того света. Любожан, старейшина Крутова Вершка, на другой день после поминального стола сказал Огневиде: к весне отправляйся назад к родне, мы ждать не хотим, пока твой проклёнуш у нас всех людей повыведет. Но к весне у нее осталась только одна дочь: вторая умерла, немного не дотянув до трехлетия, и вот тогда в Крутовом Вершке вздохнули с облегчением. Три года – тот срок, какой дитя Темного Света способно протянуть на белом свете, и люди радовались, что оно успело утащить за собой только одного человека. Огневиде позволили остаться и даже помогали по-родственному, как всякой вдове.

Но когда Заранка подросла, когда в глазах ее затлели болотные огни, не раз и не два забредали в головы людям мысли: точно ли свое дитя забрал Темный Свет?

Ярдар невольно положил руку на грудь, на серебряную гривну, где висел варяжский оберег в виде молота.

– Ты сама, что ли, возьмешься... вопрошать?

Заранка смерила его, сидящего на коне, пристальным взглядом, будто не шутя прикидывала, годится ли он для дела.

– Отчего бы и не взяться? – медленно выговорила она, будто обращаясь вовсе и не к нему, а к кому-то, кого здесь не было, но кто, тем не менее, ее слышал. – Коли у тебя духу хватит.

– У меня-то хватит! – сердито ответил Ярдар: это был вызов, и он стал бы посмешищем в собственных глазах, если бы от него уклонился. – Да что пустым делом заниматься – мала ты еще с судьбой говорить! Ты, что ли, видела когда судениц?

– А и видела! – Заранка снова двинула плечом, дескать, ничего дивного. – Хочешь, расскажу, какие они?

– И какие? – отчасти небрежно спросил Ярдар.

– Они как пожелают, так человеку и покажутся, – заговорила Заранка, и голос ее приобрел напевность. – То две жены, одна молодая, другая старая, одна – Доля, вторая – Недоля. Являются они то в белом платье, а бывает в синем, а бывает – в красном. А иной раз бывает, что приходят они в облике птиц крылатых, в перья одетых. Как заговорят – из уст их пламя палючее вырывается. Огонь и в руках держат, а как пророчество свое изрекут – тот огонь сам собою погаснет...

Ярдар содрогнулся – слишком ясно он увидел все то, о чем говорила Заранка. Погасло пламя в руках белых женщин, не отвратить теперь приговора их...

---

¹⁵ Темный Свет – противоположность «белому свету» (миру людей) – потусторонний мир.

– Ну что, хочешь судьбу попытать? – Заранка склонила голову набок, и в глазах ее блеснула искра от огня судениц. – Или боишься того, что судилось тебе?

– Сама ты боишься! – Ярдар овладел собой и принял обычный гордый вид. – Кабы не было времени жаль... мать твою дожидаться...

– Обождать все равно придется. Среди бела дня таких дел не делают. Ты на закате приходи к реке, где от нашей тропы на Негостеву весь тропа отходит. К дубу. Знаешь, что привезти надо? Хлеба и меда суденицам на угощение. Если не прихватил, то к Любовану зайди. У него обожди. Будешь?

Она снова склонила голову, бросила на Ярдара искоса взгляд из-под ресниц, и у него забилося сердце. Теперь ее голос звучал мягко, почти ласково, и это «будешь?» она произнесла так, будто зазывала на весенние игрища любезного ей отрока. Вмиг из лесовицы она обернулась девой, способной волновать и привлекать. Ярдар был еще достаточно молод, чтобы думать о девках все время, какое у него оставалось от мыслей о деле, и сейчас он всем существом ощутил, что Заранка, при всех ее странностях, вполне зрелая и красивая девушка. Он мысленно увидел ее и себя парой; эта мысль повергала в дрожь и в то же время влекла. Вспыхнула внезапная радость, что Заранка сама ему попалась на пути и сама взялась за его дело... что их ждет еще одна скорая встреча... и хоть пора весенних любовных игрищ давно прошла, от мысли об этой встрече наедине у дуба его обдало жаром.

– Мышка, пошли! – окликнула Заранка свою свинью, еще раз глянула на Ярдара, будто подтверждая обещанное, и направилась в заросли, прочь от тропы.

Свинья побежала за ней, забавно потряхивая хвостиком. Ярдар провожал их взглядом, пока белое пятно Заранкиной рубахи не скрылось среди зелени, не растаяло в солнечных бликах на листве. И опять не мог понять: что она за человек такой? Стоит ли идти ей навстречу, или умнее будет держаться подальше?

* * *

Назначенное место Ярдар знал хорошо: а берегу Упы, там, где от тропы между Тархан-городцом и Крутовым Вершком отходила от берега тропа на маленькую, из трех дворов, Негостеву весь. Оно служило перекрестком трех направлений и разных стихий: воды и земли, верха и низа, а дуб на высоком берегу соединял все три мира – звался он дуб Троесил. Это место служило жителям Крутова Вершка помолищем¹⁶, и неподалеку от дуба чернело пятно обложенного камнями очага. Здесь Любованова чадь приносила жертвы в недавний Перунов день, но все следы пира уже были убраны, остатки жертвенных частей брошены в реку, очаг вычищен.

Ярдар приехал к дубу сильно загодя – еще светило солнце, и ушел в тень рощи переждать, а голубую свою кобылку пустил пастись поблизости. Перед очагом была расстелена половина воловьей шкуры – чистая, незапылившаяся. Значит, Заранка уже успела здесь побывать и сделала свои приготовления. Ярдар положил на край шкуры приношения – каравай хлеба и прошлогодний мед в берестене. Любован выгреб для воеводы последние капли – скоро уже будет Медоед, когда начинают выбирать мед из бортей, и пока приканчивали остатки. То же было и с хлебом – за каравай меньше своих ладоней Ярдар отдал белку, потому что к суденицам без приношения идти нельзя. Чего он хочет от судениц, Ярдар Любовану рассказал, и тот его поход горячо одобрил: всех беспокоили последствия ссоры между хаканом и князьями русов, каковы последствия, как ни кинь, хорошими быть не могли. Ярдар лишь умолчал о том, что избрал в посредницы Заранку, вместо того чтобы оставить свои дары до того часа, когда домой вернется Огневида. Потому и уехал скоро, лишь посидев немного для приличия и выпив квасу

---

¹⁶ Помолище – место молений.

с большаком – целый день толковать со стариком, перебирая догадки и опасения, охоты не было.

Лежа в тени орешника и приглядывая одним глазом за пасущейся кобылой – своей любимицей, – Ярдар и сам дивился, с чего вздумал довериться девке. Что она может знать? Но где-то в глубине души прочно сидела вера: эта может. Всякая девушка, еще не доказавшая своей способности дарить жизнь, незримо носит в себе дух Морены, а Заранка всем видом напоминала навок – тех дев, что умерли, так и не познав настоящей жизни. Сестру она будет просить... Ярдар очень ясно видел в мыслях Заранку, а рядом ее близняшку-навку: точно такую же, только... неживую. Уж наверное, они, три года пролежавшие в одной зыбке, качаясь меж землей и небом, как русалки качаются на ветвях над водой, не расстались и тогда, когда между ними встала прозрачная, но непреодолимая для прочих грань жизни-смерти. Они и сейчас близки, как человек и его отражение в светлой воде... Она, Заранка, везде и всюду водит ту, вторую, – ее имени никто не ведал, – за собой. Оттого она и такая, оттого при ней все время хочется оглянуться и по спине мурашки ползут...

Растревоженный этими мыслями, Ярдар ворочался на траве, то прикрывал лицо шапкой, то убирал со лба влажные от жары волосы, то поворачивался лицом вниз, уткнувшись в подложенные руки, но не мог ни задремать, ни успокоиться и подумать о чем-нибудь нужном. Уж скорее бы! Его беспокоила мысль о предстоящей встрече, и в то же время он жаждал, чтобы время поскорее прошло, чтобы явилась эта странная дева, принесла вести от прядущих судьбу.

Где-то кричали коростели, выводил свое «подь-полоть» перепел, цапли и чибисы ходили кругами высоко в небе. Самые длинные дни года уже миновали, однако летний вечер тянулся, солнце медленно опускалось к вершинам леса, нацелившись на свое невидимое с земли жилище. Глядя туда, Ярдар невольно воображал избушку в глухом лесу, куда приходит усталое Солнце – оно виделось ему молодцем в красном кафтане, в облачке тускнеющего сияния, – а за порогом его встречает старушка мать... или девица – Солнцева Сестра из старинных песен. На месте этой девы ему невольно виделась Заранка, только у той Заранки рыжая коса сияла ярким золотом, на лице розовел румянец, а от рук исходило свечение...

Осознав, что солнечные лучи на траве и вершинах погасли и уже настали сумерки – летом они подкрадываются, как призрачный волк, и не заметишь, пока не обнаружишь, что они уже здесь, – Ярдар поднялся, отряхнул одежду, собрал сушняка и развел на очаге перед дубом костерок. Воловья шкура лежала с западной стороны, а Ярдар уселся на землю напротив нее, с востока, со стороны живых. Потихоньку подкладывая сухие веточки, чтобы огонь не гас, он посматривал на лес, на небо с багровыми, постепенно темнеющими полосами – дорогу, по которой ушло в свою избушку солнце, оставив на облаках свои раскаленные, постепенно стынущие и тающие следы. Посматривал на лес – оттуда тянулась прохлада, ползли шелестящие тени. Раздались крики совы. Быстрая крылатая тень мелькнула сверху – будто ночь выслала первого своего дозорного. Над рекой собирался туман, и он беспокоил Ярдара сильнее всего прочего. Из тумана выходят навки, и хотя в эту пору, когда рожь отцвела, они уже не опасны, Ярдар невольно ежился. Страшновато было видеть следы навок, особенно ему, уже почти год как снова неженатому. Вспомнилась Безлетка – старшая дочь, она была названа по отцу, – ее внезапная смерть во время родов. Ярдар был не так чтобы сокрушен этой потерей, да и привык к ней, но сейчас ему стало так неудобно, что он даже встал и прошелся, разминаясь. Мерещилось, будто покойная жена сейчас появится со стороны реки – в белой сорочке, с незаплетенными волосами, знакомая и чужая. Соскучилась ведь по мужу где-то там, в холоде Темного Света...

Поскорее надо опять жениться! Ярдар потряс головой. Мать, Дивея, растившая внука Безбедку, твердила, что не позднее осени сыну надобно взять новую жену, и приглядела уже несколько невест, подросших в Тархан-городе за последние год-другой. Даже поговаривала, что, мол, в Брегамирове есть, по слухам, очень хорошая невеста, Самовитова дочь. Спорить

с матерью в этом деле Ярдар не собирался: потом пусть его не попрекает выбором, если не уживется с невесткой. Но уж какая ни будет – к женатому русалки близко не подойдут, хоть весной, хоть летом...

Повернувшись снова к костру, Ярдар увидел на краю леса белое пятно. Вздрыгнул от неожиданности, а потом, когда сообразил, что это, по спине опять пробежали мурашки.

На грани между днем и ночью от опушки леса к нему медленным шагом приближалась... Русалки, о которых он только что думал, наверное, выглядят именно так. Неподпоясанная белая рубаша, распущенные волосы без очелья... В одной руке русалка держала лучину, а во второй – платок, закрывая лицо. Накатила жуть – именно такова Навь, белая и безликая, ничем не привязанная к человеческому миру. «Девки простоволосы, распоясы» – так называют в заговорах лихорадок-трясовиц. Ярдар сглотнул, жалея, что затеял это дело... но отступить было поздно. Раз уж он вызвал Навь на это свидание, придется слушать ее речи до конца.

Она была все ближе, и Ярдар, будто притянутый, тоже двинулся к костру. Русалка оставилась на воловьей шкуре, наклонилась, чтобы зажечь от огня свою лучину. Пряди ее волос от этого движения будто пролились вниз, к земле; золотисто-рыжий цвет явственно напоминал о Заранке, но Ярдар не поручился бы, что это и впрямь она. Заранку он никогда не видел с незаплетенной косой, и теперь сходство со знакомой девушкой в этой гостье из тьмы казалось самым незначительным.

Русалка выпрямилась, уже с горящей лучиной в руках. «Огонь в руках держат, а как пророчество свое изрекут, тот огонь погаснет...» – вспомнилось, что говорила ему Заранка.

– Кто ты? – почти невольно спросил Ярдар; не было сил ждать в этой гнетущей тишине, оттеняемой шумом ветра в вершинах и криками сов. – Зарана... это ты?

– Я – не Зарана, я – Звездана, та, что прежде нее родилась, под звездочками частыми, под светлым месяцем, – глухо из-под платка ответила дева, метнув не него беглый взгляд.

Ее глаза показались совсем темными, и Ярдара пробило холодом: это не она! Не та, которую он знает! Это имя посланницы той стороны, темного мира! Ярдар опять сглотнул, остро жалея, что не сидит сейчас у себя дома в Тархан-городце.

Дева тем временем начала вращаться вокруг себя, очерчивая круг лучиной, так что горящий ее кончик рисовал в темнеющем воздухе сплошное огненное кольцо, а дымок стлался пологом. При этом она бормотала что-то.

– Вокруг круга ходите, а к нам не заходите... – отгоняла она нежеланных гостей. – На голове у меня солнце, на груди месяц, под ногами волк...

Закончив, русалка села на шкуру, сделав Ярдару знак тоже сесть напротив нее. Он уселся по-хазарски, подвернув ноги: такая поза считалась строгой и приличной, так веденецкие старшие оружники сидели в шатре Азар-тархана, когда хаканов данщик навещал эти места.

Костерок почти погас, но Ярдар не подкладывал больше сушняка – она лучше знает, нужен ли огонь.

– Поясними, – велела она.

Сдерживая дрожь в руках, Ярдар расстегнул хазарскую литую пряжку кожаного пояса – эта пряжка и хвостовик, давние подарки Азар-тархана, были знаками его власти над Веденецкой волостью. Он бы лучше умер, чем снял его по воле кого угодно из живущих – но теперь перед ним была иная сила, и если он не выполнит ее желание, не откроет ей путь к своей душе, то вся эта встреча окажется напрасной.

– Что ты знать желаешь? – спросила она, по-прежнему прикрывая лицо платком и не глядя на Ярдара прямо.

И хорошо – встречаться взглядом со Звезданой, девой ночных звезд, Ярдар совсем не хотел. Пусть даже перед ним было тело Заранки – сейчас в него вселился, призванный ворожбой, дух ее умершей сестры, и в глазах ее тлела сила Темного Света.

– Хочу знать... – сипло от волнения начал Ярдар, сглотнул и начал снова. – Какова судьба моя... Будет ли мне удача... От Олега Вещего удача улетела – к кому она полетит в руки, не ко мне ли? Научи, как ее приманить, поймать... Вознагражу, как... как сумею.

Он хотел сказать «как пожелаешь», но вовремя прикусил язык: мало ли чего она пожелает? О таких желаниях и опрометчиво данных обещаниях длинные сказания складываются...

Звездана метнула на него быстрый уклончивый взгляд.

– По удаче твоей будет награда моя, – глухо из-под платка сказала она. – Что ж, давай попытаем твою судьбу.

Она положила лучину на камень очага – та уже едва тлела, – откинула край шкуры, на которой сидела, и достала три маленьких плоских дощечки. Сделанные из слоистой рябиновой древесины, они естественным образом с одной стороны были светлыми, чуть золотистыми, а с другой – темными, будто опаленными. Рябина – дерево волшебное и тоже двойственное: принося плоды, оно может считаться добрым, но плоды эти – горьки, ибо несут силу Темного Света. Потому древесину рябиновую и берут для жребиев, когда пытаются судьбу, ищут тонкую тропку между долей и недолей. На светлой стороне дощечек был вырезан цветущий росток, а с темной – два переплетенных змея.

– Слуги мои верные, собирайтесь воровать, судьбу пытаться Ярдара, Ёкулева сына, – забормотала дева звезд, раскладывая дощечки перед собой. – Светлый месяц Владимир¹⁷, зеленый дуб Троесил, и ты, святая земля-мать, скажите – истинно ли Олег киевский удачу лишился?

Она подняла разом все три дощечки и подбросила над шкурой. Они упали, Ярдар невольно вытянул шею. Белая сторона... черная... белая!

Ярдар ободрился: две белых дощечки на одну черную означали «да» – удача покинула того, о ком задан вопрос. Парит в невидимой вышине огненная птица-удача, ищет нового избранника.

– Светлый месяц Владимир, зеленый дуб Троесил, и ты, святая мать-земля, скажите – придет ли удача к Ярдару, Ёкулеву сыну?

Она опять подбросила дощечки, и Ярдар подался вперед.

Черная щепка... белая!.. черная...

Он опять сглотнул, охваченный дрожью, будто облитый внезапно холодной водой. Только одна белая дощечка! Далеко от него удача, легко не дастся в руки...

– Светлый месяц Владимир, зеленый дуб Троесил, и ты, святая мать-земля, скажите – ждать ли добра веденцам от раздора хазарского?

Белая сторона... черная... черная.

Ярдар взялся за горло, будто его душило что-то. В ушах звенело. Взгляд упал на лучину – тусклый огонек угас, дымок больше не вился.

Приговор произнесен.

Тонкая белая рука взяла погасшую лучину. Звездана встала на шкуре и стала вращаться в обратную сторону, приговаривая:

– Слуги мои верные, разбегайтесь, расходитесь, где вам место, там и сидите, добрым людям не вредите. На голове у меня солнце, на груди месяц, под ногами волк...

Повернувшись так трижды, она бросила лучину на кострище и сошла со шкуры. Ярдар все сидел, глядя перед собой и пытаясь сообразить, что же он услышал. Жребии выпали четыре раза белой стороной и пять раз черной. Плохо, но не совсем плохо. Они ведь могли выпасть черной стороной и все девять раз. Сейчас неудача лишь немного пересиливает удачу. Так может, еще не все пропало и можно развеселить хмурых судениц?

---

¹⁷ В заговорах встречается именование месяца Владимиром – вероятно, в прямом смысле его власти над миром.

Ярдар поднял глаза и снова вздрогнул. Звездана исчезла, рядом с воловьей шкурой стояла Заранка и деловито заплетала косу. Дух сестры покинул ее, а платок, которым раньше закрывала лицо, она повязала вместо пояса, преграждая невидимым гостям доступ к себе.

– Что, хороши ли вести? – спросила она, словно не сама бросала черно-белые дощечки.

– Будто сама не знаешь? – Ярдар переменил позу на более вольную, вытянув одну ногу и опершись локтем на поднятое колено другой. – Видела же.

– Ничего я не видела. Не было меня здесь.

Ярдар хмыкнул, но возражать не стал. Может, она и правда не знает, что здесь нагадала... та, что приходила в ее облинии.

Но где же тогда была в это время сама Заранка?

Там, где обычно пребывает ее сестра?

– Четыре белых жребия выпало, черных пять. Не слишком добрые вести, как по-твоему?

Ярдар говорил почти небрежно – отважные витязи из древних северных сказаний пренебрегают дурными знаменами. Но в душе надеялся, что Заранка опровергнет его слова, даст ему надежду...

– Да уж бывает получше, – охотно согласилась девушка. – Близо летает твоя удача, а в руки не дается.

Она доплела косу и уперла руку в бок, будто она сама и есть та непокорная удача.

– Чем же ее приманить? – Ярдар смотрел на нее, подняв голову. – Знаешь?

Не отвечая, Заранка перевела взгляд на закатное небо – багряные полосы солнечных следов истончились, почти растворились в море прозрачной темно-синей тьмы. Сумерки сгустились, Ярдар уже плохо видел лицо Заранки и оттого вдруг усомнился: а что если это опять та, другая?

– Может, и знаю... – задумчиво ответила она, будто ожидая подсказки от далекого солнца.

Ярдар опять увидел мысленно ту избушку, только теперь уже Заранка подходила к двери, стучала, что-то говорила, поклонившись, той старушке, что вышла на стук...

– Ну а знаешь, так помоги, – он встал, чтобы быть к ней ближе и лучше видеть ее лицо. – Или не сумеешь?

Теперь он говорил без насмешки: дело такое, что и взрослая ведуница не всякая сумеет.

– Или мать попроси... как воротится, передай ей, что здесь было. Может, она знает средство? Я за ценой не постою...

Заранка повернулась к нему и внимательно осмотрела, будто прикидывая, сколько кун за него взять. Под этим оценивающим взглядом Ярдару стало неудобно, но вместе с тем он осознал, что находится на пустом берегу наедине с молодой девой. Эта мысль его и взволновала, и приободрила. Не так уж мало он может предложить даже лучшим невестам Веденецкой волости, а тем более какой-то мышши лесной!

– Да знаешь ли ты, в какую даль мне за твоей удачей сходить придется? – мягко, отстраненно ответила Заранка, будто мыслями была уже в той дороге.

– Не дойдешь, – больше по привычке усомнился Ярдар, надеясь, что не прав.

Этим вечером он начал верить, что Заранка, за чьим плечом таится ее невидимая сестра, способна зайти очень далеко.

– Я-то, может, и дойду. – В густеющей тьме Заранка смотрела на него с отдаления в пару шагов, он не видел ее взгляда, но чувствовал его, будто что-то теплое касается кожи. – А вот цены моей тебе не одолеть.

– Это мы посмотрим, – по привычке человека, которому не к лицу признавать свое бессилие, ответил Ярдар.

– Сам подумай: стану ль я для чужого человека утруждаться, Темный Свет тревожить?

– Ну так чего ты хочешь? – Уставший от всех загадок этого дня Ярдар терял терпение.

– Коли поймаю для тебя добрую долю... хочу, чтобы она и моей долей была.

– Это как? Пополам, что ли, поделим?

– Нет. Доля добрая у нас будет общей... или никакой!

Ярдар опешил. Он слышал, что она сказала, и понимал, что это значит, но не мог поверить.

– Ты о чем?

– Коли хочешь, сотку я тебе пояс и добрую долю к тебе привяжу. Ты тем поясом меня в дом введешь, а я свой на печь заброшу¹⁸. Угодна ли такая цена?

«Блуд на тебя напал», – хотел сказать Ярдар обезумевшей в лесу среди кудов девке, но прикусил язык. Не то место и не то время, чтобы говорить вестнице судениц, что она сошла с ума и рубит дерево не по себе.

– Сестра моя живет у вас в доброй славе, – напомнила Заранка, – так и я не хуже буду.

– Так сестра... – Ярдар хотел напомнить ей, что Ольрад, хоть и хорошего рода человек, ему, воеводе, не в версту.

– Ты – вдовец, да и годами не отрок. Не всякая хорошая невеста за тебя пойдет. Приведешь новую жену – прежняя ей жизни не даст, взревнует, с белого света утянет. Другая какая сгинет, а я ей не по зубам. Управлюсь. И добрую долю крепко-накрепко к тебе привяжу. Подумаешь. Как будет пояс готов, принесу. Сговоримся – отдам тебе твою долю. А нет – твоя воля.

Ярдар открыл рот, но не нашел ответа. Голос Заранки звучал так повелительно, что он усомнился: она ли с ним говорит? Или та, которой лучше не перечить?

Он еще раз взгляделся в ее лицо, будто искал в нем подсказку: можно ли ответить ей «да»? Другая дева с таким лицом считалась бы красавицей: правильные милые черты, голубые глаза, розовые губы – будто соткана она из цветов и ягод. Но от глаз, от губ, от всей внешности ее словно веет той лаской, что манит в смерть. Лаской тьмы, обещающей глубокий отдых вечного сна после всех страданий и трудов. Отроки на игрищах сторонились Заранки – к этим милым чертам не шло никогда их не покидавшее выражение несокрушимой самоуверенности, будто уводившей ее за тридевять земель от всякого, кто стоял с нею бок о бок.

– Доля и недоля твои сейчас почти в равной силе, – заговорила она, и снова Ярдар ощутил, как она далека. – Самую малость недоля одолевает. Сам гляди под ноги как следует: ступишь верно – выиграешь долю, ошибешься – пропадешь. А пока прощай, – закончила Заранка. – Мне домой, да и тебе пора. К полуночи только и доберешься.

Она попятилась, не дожидаясь ответа, и отступила к опушке рощи.

Ярдар тронулся туда, где был привязана его лошадь. Она права: до Тархан-городца он доедет только к полуночи, в глухой тьме, и хорошо, что кобыла хорошо знает эту дорогу и не собьется.

Он обернулся – Заранка в ее белой рубахе уже затерялась среди белых березовых стволов. Вон тот вроде шевелится – это она?

– Да берегись! – долетело до него издали.

– Уж поберегусь, гроза те в бок! – выругался Ярдар вполголоса, зная, что его никто не услышит.

Выводя коня на тропу и садясь в седло, он поневоле оглядывался. В лесу кричали совы.

---

¹⁸ Действия с поясом как части свадебной обрядности.

Глава 7

Миновало четырнадцать дней с тех пор, как Ольрад с отроками уехал провожать Амунда с его войском, и Миравы не находила себе места от беспокойства. Пути до впадения Упы в Оку, где кончалась Веденецкая волость, было около пяти дней, и он уже должен был вернуться. Целыми днями она, кроме самого жаркого полуденного часа, возилась в огороде, пропалывая гряды репы и моркови, лишь бы не смотреть все время на тропу вдоль реки и не воображать себе всякие беды и раздоры. Хоть князь Амунд показал себя настроенным мирно, а Ольрад человек благоразумный и не вздорный, все же поездку в обществе кровных врагов хакан-бека нельзя назвать безопасной.

Под вечер, возясь у летней печи с горшком, Миравы услышала позади себя легкий, приятный для слуха перезвон.

Ой ты дед Лебедин,
У тебя есть дочка, а у меня сын,
Посвата́емся, побрата́емся,
На сонливцы поменяемся,
Я тебе крикливца,
А ты мне сонливца,

– напевал приятный женский голос.

Догадываясь, что все это возвещает, Миравы обернулась и слегка поклонилась Озоре. Та даже в обычные дни носила по три узорных, лучистых кольца на очелье с каждой стороны, и они звенели на ходу. Как она что-то слышит, когда над ушами все время звенит?

На руках Озора держала одно из своих многочисленных чад – их у нее было шесть или семь, – еще двое или трое, постарше, гонялись друг за другом посреди площадки. У чада резались зубы, и, видно, вопли утомили хозяина, вот Озора и вышла покачать его снаружи.

– Жарок да медок, да полный горшок! – приветствовала она Мираву, потом улыбнулась: – Что, все нет твоего кузнеца? С чего бы ему так задержаться, а?

– Мне неизвестно, – спокойно ответила Миравы. – Он никуда больше заворачивать не думал. Может, в Брегамирове дело какое нашлось.

Ольрад, как общительный человек и делатель хитрый¹⁹, был желанным гостем во всяком городце и веси. Однако Миравы не сомневалась, что в такое беспокойное время он не станет рассиживаться в гостях.

– А то, может, – Озора опять усмехнулась, прищутив светлые голубые глаза на загорелом лице, – он Амунду полюбился, тот его и сманил с собой в Киев... или откуда он там?

– Он из Плеснеца, это еще дальше от Киева на запад, – пояснила Миравы, зная об этом от Ольрада, но нахмурилась: эта шутка ее не развеселила. – Что ты безлепицу выдумываешь? Будто у них там своих кузнецов нет.

– Таких умелых, может, и нет, – Озора покачала головой, опять зазвенели шесть колец Ольрадовой искусной работы. – Откуда им быть, в такой дали?

Она имела в виду, вдали от Хазарии, которая в глазах веденцов была чудесной страной, полных сокровищ и хитрых умений.

– Да они всякого узорочья от бохмитов навезли, – Миравы вспомнила восторженные описания серебряных, позолоченных чаш и блюд с чеканкой, которые Ольрад видел в шатре

---

¹⁹ Делатель хитрый – умелый мастер.

Амунда, небрежно брошенные на овчину на земле. – У них нынче настоящей зерни полны короба, к чему им наша, литая²⁰?

Озора лишь усмехнулась. Дитя вновь завопило, и она, укачивая на ходу, понесла его прочь, к дубу на валу.

Разговор этот, при его краткости, так растревожил Мираву, что она не хотела есть и ночью заснула с трудом. А утром встала до зари и, едва отперли ворота, чтобы выпустить на луг стадо, вышла из городца и направилась по широкой тропе вдоль берега. После ночи было еще прохладно, и Мирава закуталась в большой платок из толстой бурой шерсти. Двигаясь быстрым шагом, к тому часу как высохла роса, Мирава уже добралась до Крутова Вершка, проскочила мимо дворов, где пахло дымом из летних печей и хозяйки неспешно носили воду от реки, и, миновав перелесок, вышла к тыну родного своего дома.

Огневида уже подоила корову и вышла из хлева с ведром молока. У леса бродили, привязанные к колышкам, пять-шесть белых и бурых коз. Всю эту живность – кур, козлят, поросят, телку, – Огневиде давали в уплату за роды, погребения, лечение и прочие дела, требующие особых умений. Благодаря им она и без мужа жила хорошо и даже брала одного-двух отроков из Крутова Вершка косить сено или запастись дрова. Братанич покойного Датимира, Тетерка, рубил корягу у колоды и приветливо помахал Мираве.

– Море под коровой! – приветствовала мать Миравы.

Огневида поставила ведро и подождала, пока дочь подойдет поклониться и обнять ее. Огневида очень любила Мираву и гордилась, какой умницей и красавицей та выросла, лишь сожалела, что никак Макошь не даст ей детей.

– Нынче десятый день, как Ольрад с теми русами уехал, – рассказывала Миравы, когда мать провела ее в дом и усадила. – С князем Амундом. Уж дня три-четыре как должен был вернуться, а ни его нет, ни вести нет. Не знаю, что и думать. Озора уж смеется, не увез ли его Амунд с собой. Волею-то он не уедет от меня, ни слова не сказавши, да как бы... неволей не увезли, – с трудом выговорила она, сама не веря, что такое несчастье может с ней случиться. – Где ж его искать потом...

Сидя друг против друга у стола, они с Огневидой сами были как две суденицы, молодая и старая – почти одно лицо, только одно постаревшее, а другое свежее, румяное. Огневида родила старшую дочь еще совсем молодой, но за двадцать с лишним лет она обрела тот безвозрастный облик, в котором женщины живут многие десятилетия, до самой смерти. А в ясных чертах Миравы еще виднелась та юная девушка, которой она была не так давно. Глаза Огневиды, такие же большие и глубокие, как у дочери, теперь таились в сети морщин и были полуприкрыты – ее взгляд напоминал меч, который не следует без нужды извлекать из ножен. Даже самые простые ее движения источали силу: она была из тех «знающих», кому ведомы связи всемирья; казалось, ее загорелые руки когда угодно могут потянуть за невидимую нить, чтобы вызвать в мире любое желательное ей действие.

В оконце с отодвинутой заслонкой вдруг с шумом ворвался крупный черный ворон – Миравы вздрогнула от неожиданности, – слетел на стол и бросил что-то между сидящими женщинами. Вытаращив глаза, Миравы увидела тонкий медный браслет с узором «в зубчик». Браслет прокатился по столу и упал прямо перед нею, а ворон, сидя посреди стола, вертел головой, горделиво поглядывая умным черным глазом то на одну, то на другую.

Огневида расхохоталась:

– Вот тебе и подарочек!

Миравы, придя в себя от этого неожиданного явления, тоже усмехнулась.

---

²⁰ Зернь – способ украшения ювелирных изделий, когда из напаянных крошечных шариков составляются узоры. Технология шла из Византии через Моравию. Восточные славяне не сразу научились делать настоящую зернь и имитировали зерненные изделия, делая оттиски с готовых и отливая внешне подобные им.

– Встрешник! Что ты опять затеял! Откуда принес?

Она протянула руку, и ворон потерся об нее головой. Встрешник уже много лет жил у Огневиды, и в округе верили, что именно он приносит хозяйке вести с того света. В нем видели могущественный дух, а он и правда отличался от обычных птиц. Нередко утаскивал у людей мелкие вещи – украшения, ножи, иногда куски пищи, – и приносил своей хозяйке. Огневида охотно отдавала бы их назад, но мало кто являлся за пропажей: люди верили, что через Встрешника Темный Свет берет выкуп, откупая человека от болезни или иного несчастья.

– Чье же это?

– И не знаю, – Огневида протянула руку к браслету, повертела. Был он давно не чищен и потускнел. – У нас вроде ни у кого нет такого. Видно, далеко летал. Хочешь, возьми, – она подтолкнула браслет к Мираве.

– Да на что мне, – та отодвинула браслет. – Пусть Заранке в приданое будет. Мне только бы узнать, что с Ольрадом. Я для чего пришла... У нас толки идут между бабами – воевода наш молодой, Ярдар, ездил к тебе вроде гадать, а что узнал – не говорит никому.

– Ко мне? – Огневида широко раскрыла глаза.

– Ну да. Утром уехал, а воротился глухой ночью, уж и ждать перестали, ворота затворили. А что проведаль – молчит. Озора не знает. Дивея, если спрашивают, только губы вот так поджимает, а не говорит ничего. Мне мнится, он и ей не сказал. У нас все тревожатся: видно, такие худые вести, что сказать страшно. Годом на днях к полуночи видела, будто меж двор шаталась белая свинья без головы и мычала...

– Мычала? – Огневида подняла брови и фыркнула от смеха. – Свинья у нее мычала?

– Вот так. Будто, значит, к беде. Все толкуют: не будет ли нам от тех русов, что прошли, какой беды? Что ты нагадала-то? – Мираве наклонилась через стол, заглядывая в лицо матери. – Хоть мне скажи. Если нельзя, я никому не передам. Но у меня еще и муж пропал... ни днем, ни ночью мне покоя нет, извелась уже.

– Я нагадала? – Огневида засмеялась. Смех у нее был звонкий, и, когда она широко раскрывала глаза, лицо ее делалось совсем молодым, и даже тонкие морщины казались не признаком старости, а чем-то вроде лучей. – Сказал он, стало быть, что ко мне ездил?

– Ну а к кому же? Где у нас тут другая ведуница, чтоб тебе в версту?

– А вон там, – Огневида опять засмеялась и показала в стену избы. – Крапиву рубит для кур.

Мираве прислушалась: через оконце долетал стук сечки по дну корыта. Так близко она знала только одну «ведуницу».

– Заранка, что ли?

– Допряма так²¹! Меня дома не случилось, он на Заранку и наскочил. Сама она ему щепки бросала.

У Миравы округлились глаза. Она знала, что сестра уже года три-четыре возглавляет девичьи гадания на Карачун и на Ярилин день: кому замуж идти, кому еще посидеть, кому помереть. Но чтобы она взялась гадать мужчине, воеводе, да еще о судьбе всей Веденецкой волости! Это было почти так же нелепо, как если бы она нанялась в оружники.

– Блуд ее взял, что ли... – растерянно пробормотала Мираве. – И чего она нагадала?

– Да ничего хорошего, – Огневида подперла щеку рукой и снова стала похожа на старуху в ее платке, закрывавшем лоб. – Хотел он о доле своей знать, а доля все больше черных перьев накидала ему.

У Миравы вытянулось лицо: ей на ум опять пришел Ольрад и его долгая поездка.

– Да и то еще не беда, – продолжала Огневида. – Заранка-то взялась ему долю выправить, новую напирать, поровнее.

---

²¹ Допряма – точно, верно.

Мирава широко раскрыла глаза, будто спрашивая: как? Но Огневида не успела ничего сказать: за дверью послышался шум, топоток, отворилась дверь, проснулась Заранка, потом, увидев внутри двух женщин, обернулась и вытолкала прочь нечто округлое, бурое и щетинистое.

– Поди прочь! – бормотала она в досаде, отталкивая упрямую свинью, которая непременно хотела пройти за нею следом. – На дворе погуляй. Там обожди! Да иди же!

Встрешник прошелся по столу, важно покачиваясь, и издал короткий хриплый смешок: дескать, а мне можно! Мирава закрыла рот рукой: еще не хватало, если бы Заранкина Мышка забралась на стол! У нее самой в девичестве был только пес, Ежик, и его она забрала с собой, когда вышла замуж; сейчас он был уже немолод и больше дремал в тени возле избы, однако каждый вечер сам отправлялся на пастбище, сам находил в стаде хозяйскую корову и пригонял домой.

Наконец Заранка отпихнула упрямую свинью, затворила дверь и подошла к Мираве, на ходу вытирая руки о серый передник из гребенины. Огневида сидя смотрела, как они обнимаются: если бы она не знала точно, что родила их обеих, то и не догадалась бы, что они сестры. Совершенно разное выражение скрадывало сходство черт.

– Что у вас тут за чудеса? – спросила Мирава, снова усевшись. – Ты сама гадала Ярдару? А он сказал, к матери ездил.

– Он и ездил к матери, – Заранка взглянула на Огневиду. – Да она в Ржавец уехала.

С самыми близкими она не могла вести себя так же, как с чужими, и держалась более спокойно и открыто, но и сейчас в ее лице, в голосе, в темно-голубых глазах угадывалась никогда ее не покидавшая самоуверенность.

– Как же у тебя смелости хватило ему гадать?

– Мудреное ли дело? – Заранка двинула плечом. – У меня есть кого о подмоге попросить.

– И что у вас вышло?

Заранка не ответила сразу, а вопросительно взглянула на мать.

– Расскажи, расскажи, – Огневида кивнула, дескать, дело сделано, что теперь таить?

– Я... – Заранка широко раскрыла глаза и вдохнула. – Я, Миравушка, сдается, с вами скоро буду жить. В Тархан-городце.

– Как это? – Мирава тоже посмотрела на мать.

Ей подумалось, что Огневида почему-то больше не хочет держать у себя Заранку и та пойдет жить к сестре и зятю.

– Я ему пообещала добрую долю приманить и привязать. Но только если он меня в жены возьмет.

– Ярдар? – Мирава знала, что ни о каком другом мужчине они не говорили, но все же не верила, что речь идет о нем. – В жены – тебя?

– Ну да. Он ведь вдовец с той жатвы. После этого лета будет и неприлично без жены жить.

– Ты что же – сама себя посватала? – Мирава засмеялась, будто ей рассказывали что-то совсем несообразное. Как будто воевода вздумал свататься к свинье Мышке.

– Ты тоже сама себя сосватала! – уверенно напомнила ей Заранка. – И к тебе Ольрадовы родичи с полотенцем не приезжали, ты сама себе и жениха сыскала, и свадьбу у дуба зеленого сыграла!

– Так то на Ярилках было. – Половина народу обретала пару на ярильских игрищах, и тут было нечего стыдиться. – Да и Ольрад мне в версту был отрок, не воеводского рода. Мы заранее сговорились... как водится.

– Я осени подожду – глядишь, он и пришлет ко мне сватов, будет у нас, как у добрых людей, – Заранка говорила так уверенно, будто знала средство заставить самого веденецкого воеводу поступить по ее воле.

– Матушка... – уже понимая, что это не шутка, Мирава потрясенно воззрилась на Огневиду. – И ты... что же ты скажешь? Так прямо Ярдар ее, нашу мышь рыжую, и послушается! Сором один выйдет!

Огневида вздохнула:

– Всякая девка упряма, им так богами велено. К иным с того света женихи приезжают, они и за теми идут, прямо на жальник. А этой если уж втемяшилось воеводшей стать, так ее воловьей упряжкой не собьешь.

Мирава не находила, что сказать, только смотрела в изумлении то на мать, то на сестру. Мысленно поставить рядом Заранку и Ярдара не получалось. Она знала, как и все в Тархан-городе, каких невест ему присмотрела Дивея: из самых лучших старших родов, дородных, с богатым приданым и покладистого нрава. А тут Заранка... сирота из Крутова Вершка... Как свояченица Ольрада, с которым всякий был бы рад породниться, она и могла бы надеяться на хорошего жениха из тархановских отроков, но не самого же Ярдара!

– Да тебя там Дивея с Озорой живьем съедят, – промолвила Мирава. – Не глупи. Коли в девках надоело, пришла охота замуж, давай мы тебе поищем жениха. Ольрад сговорится с нашими, у кого есть сыновья-отроки. Вон, у Завета в доме два жениха, Вербина – женщина добрая, к такой свекрови я и сама бы охотно пошла.

– Еще кто кого съест, – надменно ответила Заранка. – У тех старух на меня зубов не хватит.

– И ты, матушка... позволишь ей...

Мирава живо представила, как изумлены и разгневаны будут Дивея и Озора, если их сын и брат приведет, без совета с ними, такую жену; сколько поднимется разговоров, раздоров, и ее, Заранкину сестру, это не обойдет стороной. Ее же будут винить.

– Ну коли ей охота того витязя сгубить...

Огневида не договорила. Обе дочери посмотрели на нее, догадываясь, что это значит.

– Две у меня были дочери-девицы, – продолжала Огневида, будто сказку сказывала. – Одна с приданым замуж пойдет, другая без приданого. И которая приданое получит, та в замужних бабах недолго задержится. У судениц мужей не бывает. И та, которая им угодна, мужа своего со смертушкой безвременной обручит. Коли не жаль тебе воеводу молодого – поди за него, – она взглянула на Заранку, и в глазах ее появилась строгость. – Не мой то приговор. То от бабок моих ведется. Одной из дочерей и внучек приданое наше родовое достается. Мне досталось – и я в молодых еще годах без мужа осталась, с тремя дочерьми малыми.

– Но почему это буду я? – горячо воскликнула Заранка и даже встала на ноги. – Может, это она!

– Я из себя суденицу не строю! – так же горячо ответила Мирава и тоже встала. Мысль о том, что из-за женитьбы на ней Ольрад может умереть молодым, вызвала у нее такое возмущение, на какое она редко бывала способна. – Это ты о доле гадать берешься, да еще судениц пряжу по-своему перепрядывать! И чего теперь хочешь – кого полюбила, того и погубила?

– Я не погублю! Мне не нужно других поддатней²², кроме *нее*! А она моего мужа не тронет! Она никогда мне зла не сделает! Уж я его от злой доли обороню!

– А коли не оборонишь? – тише, с тоской ответила ей Мирава. – Он ведь не просто... в поле обсевок. Он наш воевода. Если он сгинет... не все ли мы сгинем за ним следом?

– Он не сгинет! – твердо ответила Заранка. – Я свою долю поймаю, так уже не выпущу!

– Кар-р-р! – Встрешник вдруг вскочил, расправил крылья и прыгнул к ней; от неожиданности все три женщины вскрикнули и отшатнулись.

– Даже птице и то слушать тебя невмочь! – Мирава встала. – Пойду я восвоюси... пока умом не рехнулась с тобой заодно!

---

²² Поддатни – помощники.

Торопливо обняв мать, она устремилась к двери. Встрешник прыгал по столу, Заранка отмахивалась и кричала на него.

Полдороги Миравы бежала бегом, будто за нею гнались. Она надеялась, что разговор с матерью ее успокоит, но вместо этого растревожилась еще сильнее. Только через несколько верст, запыхавшись, она попила воды из ключа и пошла медленнее, расстегнула ворот сорочки, чтобы охладить шею.

Так вот куда Заранка нацелилась! Миравы хоть и знала, что Заранка уже две зимы носила поневу, а значит, числится невестой, по привычке видела в ней девочку и считала ее замужество делом далекого будущего. Пока мать найдет младшую дочь готовой, пока соберет приданое и с кем-то сговорится о сватовстве... Что Заранка сама возьмется за дело, Миравы не ждала: та не была игривой и на отроков глядела равнодушно. А оказалось, не любовные помыслы ее заботили, а честолюбие. Воеводшей хочет стать!

Если подумать, говорила себе Миравы по пути, тут дивиться нечему. Тархан-городец с самого начала, с тех пор как сел там Хазар-Тархан со своими конниками, жил хорошо, лучше и богаче всей округи. Избы просторные, на подклетах, скотина есть, землю пахать и гнуть спину на жатве бабам не приходится. Зато товары разные туда стекаются, хазарская служба приносит немало серебра, всякая тархановская девка или баба носит и серебряные перстни, и кольца на шелковом очелье, и обручья, и бусы из медово-огненного сердолика, прозрачного искристого хрусталя, из разноцветного стекла таких ярких цветов, каких в земном мире и не бывает. Есть там и тонкие хазарские кувшины, и расписные чаши, и узорные блестящие шелка. На гуляньях, на посиделках тархановских девок всегда отличишь по богатству наряда, по горделивому виду, по серебряным серьгам в ушах – переняли у своих мужчин, дескать, мы тоже воинского рода! А тамошние отроки для окрестных невест – небесные витязи, это она по себе помнила, по той зиме, когда увидела Ольрада. Только тархановские отцы предпочитают родниться со своими же.

Теплый платок у матери забыла! Вспомнив об этом, Миравы встала столбом посреди тропы, подумала, не вернуться ли. Но все же пошла дальше. Платок никуда не денется, а снова видеть свою безумную сестру ей не хотелось.

Но чтобы желать не какого-то отрока, а самого воеводу! Заново изумленная этой мыслью, Миравы опять остановилась посреди тропы. Заранка моложе Ярдары лет на десять – когда он ходил в женихах, та была мелкой девчонкой, едва научившейся прясть и посещавшей «младшие» супрядки, куда парням ходу нет. Миравы постаралась припомнить: а она-то в ту пору видела Ярдару? Вроде и видела – на весенних гуляньях, на зимних игрищах, да и на супрядки он раз или два к ним заезжал. Но хотя тогда она сама, будучи на несколько лет его моложе, уже была невестой, взглянуть на красавца Ёкулева сына как на жениха ей на ум не пришло. Она-то знала, что дочь вдовы-ведуницы с дальней окраины Крутова Вершка в жены будущему воеводе не годится. Да и не влекло ее к нему, его красивое лицо ей казалось слишком горделивым и холодным. Не зря его прозвали месяцем ясным. А Заранка...

Ну да, Ярдар хорош собой и сейчас опять жених. Заранка могла его видеть – на весенних гуляньях, где вся округа собирается вместе, во время зимних объездов... Да и в самом Тархан-городе, у сестры и зятя, Заранка бывает не так уж редко. Наглядеться были случаи...

Однако, добравшись до Тархан-городца, Миравы так и не успела решить, как со всем этим быть. Перед воротами она привела себя в порядок и постаралась принять обычный спокойный вид. Вошла, пересекла площадь... и возле своей избы увидела Ольрада – он стоял, уперев руки в бока, и смотрел, как она идет.словно говорил: вот, я здесь, а жена куда запропастилась?

Огромный камень упал с души. Миравы шумно вздохнула и устремилась к мужу. Ольрад протянул руки и обнял ее; с налету обхватив его, Миравы прижалась к нему, жадно вдыхая знакомый запах и чувствуя прикосновение бороды ко лбу. Недавние тревоги показались глупыми, от сердца отлегло. Ольрад вернулся, живой и невредимый. Ничего страшного не случилось.

Наверное, и все те беды, что ей мерещились только что, вот так же растают без следа. Ведь в мире есть боги, они следят за тем, чтобы все шло по-налаженному. Для того жарятся поросята на Карачун, завиваются Ярилины березки, горят высокие костры, заплетаются Велесовы бороны из спелых колосьев. Глупо думать, что мир, что стоит уже невесть сколько поколений, может вдруг рухнуть из-за чего-то, что случилось за много-много переходов отсюда.

Глава 8

Выяснилось, что Озора была не так уж неправа в своих догадках, встревоживших Мираву.

– Да это Амунд, все никак отпустить меня не хотел, – рассказывал Ольрад в ответ на расспросы жены, почему так долго не возвращался. – На Оку меня уговорил с ним ехать. Я ему: там не наша волость, у них своих князья! А он, мол, ты лучше с ними сговориться сумеешь. Так и ехали: я с отроками впереди, а он с войском за мной, показывался, когда уж люди про них знали. Едва отделался от него, сказал, жена тревожиться будет. И он мне на прощание вот что передал: для жены, сказал.

Из сумочки на поясе Ольрад вынул что-то маленькое, завернутое в лоскут, и подал Мираве. Она развернула и ахнула: это были две серьги из серебра, искусной греческой работы. К тонкой дужке крепилось нечто вроде широкого полумесяца рожками вверх, а внутри него виднелся тонкий прорезной узор в виде двух птиц, обращенных друг к другу клювами.

– О-о-о! – в изумлении протянула Мирава, разглядывая серебряных птичек.

Амунд плеснецкий щедро заплатил ей за беспокойство и долгое ожидание.

– Знаешь, – она подняла глаза, заблестевшие от слез, – я что подумала?

– Что? – Ольрад улыбнулся, видя, что князь Амунд угодил ей с подарком.

– Эти птицы – как мы с тобой.

Она глубоко вдохнула, не зная, как выразить свои чувства, и немного смущаясь. С тех пор как у них с Ольрадом появилось общее гнездо, она и не мыслила себя без него, не видела никакой иной жизни, кроме как вместе. Кольнуло воспоминание о разговоре с матерью и сестрой: «У судениц мужей не бывает». «Пусть мы всегда будем вместе! – мысленно обратилась она к богам, будто предлагая договор. – Чтобы сидеть в одном гнезде, сколько отпущено веку, а потом вместе уйдем. Не надо мне никаких даров, если одной в гнезде остаться придется». Серьги с двумя небесными птицами показались залогом от судьбы: так и будет.

Ольрад потрепал ее по плечу и вышел – его ждали дела.

В ближайшие несколько дней Ольрада каждый день звали к Ярдару – там собирались старшие оружники, и все хотели послушать про его поездку с Амундом. Мирава тайком гордилась: эта поездка сделала ее мужу много чести и поставила его в один ряд с самыми уважаемыми людьми Тархан-городца, пусть даже он был их вдвое моложе. Это заметили и другие женщины.

– Вот как Ольрад прославился! – как-то сказала ей Озора, когда они столкнулись утром на площадке. – Стал большим человеком: теперь всякий его знает как лучшего друга Амунда и русов из-за Днепра!

Она усмехалась, но Мираве чудилось тайное злорадство в ее веселых светло-голубых глазах.

– Не знаю только, принесет ли ему пользу эта слава... если до хазар дойдет.

– Он не сам русов в друзья выбрал! – напомнила Мирава. – Так пожелали твой брат и твой муж.

– Мой муж ничего такого не желал! Он в этой дружбе добра не видел, и все об этом знают.

– Не наше дело – выбирать, с кем дружить. Ярдар приказал Ольраду ехать, и пусть хазары с него и спрашивают.

Озора на это только дернула бровью, но Мирава понимала: та опять права. Пока Амунд с его войском был здесь, на лугу, Ярдар и даже Хастен признавали необходимость дружить с ним. Но когда зимой приедут за данью хазары, пойдет другой разговор. До зимы далеко, утешала себя Мирава. До тех пор все это отодвинется далеко в прошлое, забудется...

Ольрад не так чтобы подружился с Амундом – они друг другу не ровня, – но князь довольно часто с ним беседовал, расспрашивал об этих местах и рассказывал о походе. Однако самое любопытное Ольраду поведал не сам Амунд, а его телохранители, и эту повесть Ольраду потом пришлось пересказать не один раз. Оказывается, Амунд изначально хотел сам возглавить поход объединенного войска руси на сарацин. Грим сын Хельги был тогда еще совсем молод – восемнадцати лет, и до того ни в каких походах не бывал. Амунд, лет на десять его старше, уже опытный воин, к тому же обладатель отцовского стола в Плеснецке, имел больше прав на главенство и не желал ходить в воле вчерашнего отрока. Был назначен жребий, чтобы узнать, кто из двух вождей более угоден богам – Амунд или Грим. Но князь киевский Хельги прибегнул к хитрости: подослал к Амунду свою дочь, Брюнхильд, которая с ласковыми речами опоила его чем-то, из-за чего он захворал и не явился в назначенный час к жребию. «Князь наш тогда сказал: несправедливо, мол, если поход возглавит младший и неопытный, когда рядом есть человек старше и во всех отношениях более достойный, – рассказывал Ольраду не то Лундварь, не то Ельрек (он путал имена этих шестерых здоровяков, отличал только Ольрада, своего тезку). – И что несправедливость ведет к беде, а в долгом походе у судьбы будет время каждому раздать по заслугам. Так оно и случилось. Хельги Хитрый послал с сыном удачу свою, и на три лета ее хватило, а потом вышла она вся. Грим конунг был отважный человек, тут возразить нечего. Он с киянами прикрывал отход, а нам и людям Олава велел отплывать. Тут его хазары и накрыли. А был бы наш князь старшим – прикрывали бы мы, и мы бы все полегли на том клятом берегу, а Грим сын Хельги теперь бы рассказывал тебе все это».

– Видно, князь Амунд – человек очень удачливый, – говорил Ольрад, возвратившись в Тарханов. – Если даже наведенная хворь обратилась ему на пользу, а давний обман и поражение нынешней весной спасли жизнь ему и дружине.

Все кивали, соглашаясь, а Ярдар, слушая это, вновь вспоминал свои мысли об удаче. Попытка достичь успеха путем обмана ударила по самому Хельги. Он дал сыну высшую власть и честь, но заплатить за них пришлось жизнью. Олег киевский утратил удачу, Ярдар все сильнее убеждался в этом. И все с большим нетерпением думал о Заранке и ее обещании. Мысль жениться на ней казалась ему смешной. Но если она и правда сможет приманить к нему удачу, тогда он одолеет все, даже женитьба на неровне не сможет ему повредить. Лишь бы у нее хватило сил исполнить обещанное!

Возможно ли это? Заранка ему казалась то причудливой девчонкой, то юной провидицей, из чьих глаз взирают боги, и он не знал, какому ее облику верить. Волнуясь, он не раз думал поговорить с Миравой – должна ведь старшая сестра знать, на что способна младшая. Но не решался, не хватало духу. А Миравы и сама порой посматривала на него пристально, широко раскрыв свои глубокие, как море, темно-голубые глаза. Она что-то знает. Возможно, ей известно об их уговоре. Но если она молчит, начинать самому не стоит, думал Ярдар, с невозмутимым видом слушая Ольрада. Время придет, истина сама скажется.

Однако всего дней через пять после возвращения Ольрада случилось нечто, отчего мысли о Заранке будто ветром выдуло у Ярдара из головы. Отроки из Честова привезли весть: едут хазары!

Ярдар пришел в изумление – хазары бывали здесь только зимой, когда приходила пора собирать дань, – но сразу поверил: их в Веденецкой волости знали достаточно хорошо, чтобы ни с кем не спутать.

– Много их? – спросил он, не зная, на что подумать.

Мелькнула мысль: это войско хакана, высланное вдогонку за Амундом. Пробил холодный пот: далекое боище, вчера бывшее страшноватым сказанием из-за края света, превращалось в ужасную быль.

– Сам Азар-тархан, – сообщил юный гонец, – и полусотня его.

– Так дани же нету еще, – пробормотал Ярдар, несколько успокоенный: с полусотней Азар-тархан приезжал за данью.

– А я тебе что говорил? – не преминул напомнить Хастен, едва гонца отпустили. – Тебе бы только с теми русами меды распивать! Вот и поглядим, какую чашу нам теперь Азарушка поднесет!

– Не распивал я с ними ничего! – огрызнулся Ярдар, но в сердце кольнула тревога: если Азар-тархан так же посмотрит на это дело, оправдаться будет непросто. – Ты не радуйся! – бросил он Хастену. – Все мы в одном котле, вместе... его встречали.

– Это ты ему в друзья набивался! – Хастен торжествовал, видя, что близится час его славы. – А я предостерегал! Все мужи слышали!

– Если б мы тебя послушали, здесь бы одни головешки остались!

Хастен только хмыкнул: от того, что его не послушали, он ничего не потерял, зато сказанные тогда и всеми слышанные слова обещали в будущем приобретения.

Ждать оставалось недолго, но вечер тянулся для Ярдара мучительно. В глазах людей он замечал опасение. Собственная сестра смотрела на него, поджимая губы, будто мысленно прощалась с неудалым братом. Что она-то потеряет, со злостью подумал Ярдар, снимут с меня голову – Хастен воеводой станет.

Только раз, когда ему попала Мирава, с новыми греческими серьгами и замкнутым, как обычно, лицом, он мельком вспомнил о Заранке. Если бы она взыбиль могла приманить к нему удачу... Да разве Заранка с ее ручной свиньей – соперница Азар-тархану с его полусотней?

– Господин! – Мирава вежливо поклонилась. – Зайди к нам ненадолго. Ольрад хочет тебе слово сказать.

Ярдар пошел за нею; он и сам собирался сказать Ольраду, что тому лучше не показываться Азар-тархану на глаза, особенно пока неясно, как тот посмотрит на гостевание здесь Амунда.

Вид Ольрада сразу его упокоил: большой, широкий, тот держался по-обыкновенному спокойно и бодро и тем распространял вокруг поле спокойствия и уверенности. Ярдар, неведомо для себя, был чувствителен к чужому настроению и сейчас приободрился. Ничего страшного еще не случилось, перед хазарами он ни в чем не провинился. Может, Азар-тархан всего лишь хочет узнать, цела ли Веденецкая волость или Амунд, покидая владения каганов, напоследок ее разорил!

– Я вот что подумал, – начал Ольрад, усадив воеводу. – Что здесь русы были – того нам не скрыть, их вся волость видела и весь белый свет – от самого Итиля. Но подумай: если бы сам Амунд нам не сказал, что у них с хазарами раздор вышел, мы бы того и не ведали?

«Скажите хазарам, что русов здесь не было!» – не так давно полушутя предложила Мирава. Эта хитрость не удалась бы, но, полусерьезно раздумывая над ее словами, Ольрад додумался до кое-чего получше.

– Не ведали, – подумав согласился Ярдар. – Откуда нам? Нам хакан-бек гонцов не шлет.

– Ну а если мы не ведали, то и вины нашей нет. Переночевал он здесь да и ушел. Туда, к морю Гурганскому, русы шли с согласия хакан-бека, мы знали, они в dokonчании были. А что dokonчание порушилось, откуда нам было знать? И какой с нас спрос?

– Если б можно было всех молчать заставить, – с досадой ответил Ярдар, и впрямь найдя эту мысль неплохой. – Но ведь выдадут.

– О том раздоре ты же болтать не велел, о нем знает всего ничего. Вы с Хастеном, Безлет, Завед, Хельв, Верхуша, Стоян... Воегость да Овчан. Да я. – «Да Мирава», – мысленно прибавил Ольрад, но в сдержанности жены был уверен: она не из тех, кого распирает жажда поделиться всякой новостью. – Вот и все. Верно ты тогда надумал не говорить никому, чтобы лишнего переполоху не сотворить. Если все наши смолчат, Азар ничего и не проведает.

– Хастен... – Ярдар не мог говорить дурно о собственном зяте, но в нем-то видел худшего своего врага. – Не доверяю я ему в этом деле...

– За Хастена руку не дам²³, а остальные у нас отроки и мужи верные – скажешь молчать, будут молчать.

Ярдар призадумался. Ольрад рассуждал здраво. Если сейчас пойти к Хастену и уломать его помолчать, то остальные подчинятся решению двоих вожаков – это для их же покоя.

– Только вот еще... – Ярдар в сомнении взглянул на Ольрада. – Ты, брат... лучше бы тебе не быть здесь, пока Азар будет. Мало ли что... Уехать бы тебе куда. А то сболтнет кто, что ты его провожал... как бы тебе беды не нажить.

Ольрад нахмурился: он был не из тех, кто везде предвидит для себя беды. Однако Ярдар прав: если они хотят скрыть то, что с Амундом общались довольно тесно, ему лучше не мозолить глаза. Чтобы за десять дней среди русов он не узнал такой важной новости – в это Азар не поверит.

– Могу в Борятин съездить, – решил Ольрад. – Погляжу, как у них там с железом в нынешнее лето.

В Борятине, где рядом имелось множество выходов болотной руды, выплавляли железо и привозили в Тархан-городец готовые крицы на продажу, а здесь Ольрад и Хельв ковали топоры, рала, серпы, ножи, наконечники копий и стрел для всей волости.

– Вот, поезжай! – одобрил Ярдар; до Борятина было два, а если не спешить, то и три дня пути. – Пока туда, пока назад... Не осеновать²⁴ же Азар у нас будет. Завтра и трогай на заре, чтоб они тебя и одним глазом не увидели.

Выйдя из избы, Ярдар взглянул вверх. Молодой молочно-белый месяц взирал с шелковисто-синего неба, такой же стройный, светлый и красивый, как сам Ярдар, будто утешал молчаливо: не грусти, брат, одолеем! «Месяц Владимир, дуб Держимир...» – мелькнуло в памяти. Тебе-то хорошо там, наверху, подумал Ярдар, в небе сам хакан-бек не достанет. И пошел в избу Хастена.

* * *

Хазары появились еще до полудня. Стоя среди других на валу, Миравы смотрела, как они проезжают по тропе вдоль реки – у каждого заводной конь с пожитками, но никаких возов. Белые льняные кафтаны с цветной оторочкой на вороте, с короткими, по локоть, рукавами, кожаные сапоги, высокие, похожие на шлемы шапки с отворотами. Она привыкла видеть хазар зимой, когда они носили шапки, крытые цветным шелком, а их отворота были обшиты полосами разноцветного меха, но летом и шапки были легкими, шелковыми на льняной подкладке. Скуластые смуглые лица с небольшими бородками или только с усами, длинные темные волосы, заплетенные в несколько кос. Среди природных хазар мелькали ясы: эти были не так смуглы и скуласты, у многих были светлые или русые волосы, серые или голубые глаза, и длинных кос они не носили. Все всадники были вооружены: однолезвийные мечи, кинжалы и ножи, луки в берестяных и кожаных налучах, колчаны со стрелами. На каждом всаднике поясов было по два: один богато украшенный литыми пряжками, хвостовиками и накладками – воинский, а другой простой – саадачный, для лука и стрел. Поясные накладки у хазар были отлиты в виде человеческих голов, и между славян жило убеждение, будто число этих накладок говорит о числе убитых врагов. Одна старуха рассказывала, будто в давние времена хазары и ясы привязывали к седлу кожу, содранную с головы убитого врага, а бляшки стали делать взамен. Миравы не знала, верить ли в это.

---

²³ Дать руку – поручиться (за кого-то).

²⁴ Осеновать – пережидать осеннюю распутицу.

А вон и Азар-тархан. Шелковая отделка на белом кафтане у него была шире и богаче, чем у прочих, вороной конь был самым лучшим, а пояс блестел серебряными накладками в таком множестве, что делалось жутко: если это и правда головы убитых, то их тени должны лететь за ним длинной густой вереницей.

Но едва ли не богаче был наряжен его конь: позолоченные бляшки узды, бронзовые накладки на передней и задней луке седла, а под седлом кожаная попона, где серебряной проволокой были выложены узоры в виде больших птиц, клюющих плоды с дерева. Начальник его был украшен литым из бронзы изображением женщины с чашей в руках: у фигурки можно было разглядеть заплетенные и уложенные на голове косы, в ухе – серебряное колечко серьги, а в глаза были ставлены два маленьких бирюзовых камешка. Все эти украшения придавали вороному коню вид какого-то божества, и владеть им мог только самый знатный вождь.

Ярдар, Хастен и старшие оружники ждали у ворот, но в город Азар-тархан не поехал. Даже зимой он не желал тесниться в избах, а ставил округлые войлочные вежи на деревянной обрешетке – ёрту, где можно было разводить огонь и, застелив землю лапником и кошмами, жить почти так же удобно, как в избе. Расположились они на том же лугу, где совсем недавно стояли русы, и теперь уже их белеющие шатры хорошо было видно из Тархан-городца. В этот раз хазары не привезли ёрту: для этого понадобились бы возы или медлительные верблюды, а тархан, как видно, не хотел терять времени.

Во время пребывания хазар в Веденечкой волости кормить их было обязанностью здешних жителей. Зимой, ожидая их, Ярдар заранее собирал нарочно выращенных бычков и баранов, но теперь, когда хазары явились не в срок, пришлось пожертвовать частью тархановского стада. Скот сразу отправили в стан, чтобы хазары с дороги приготовили еду. Вскоре над лугом поплыл дым костров.

Дав гостям устроиться, Ярдар поехал поздороваться и узнать о причинах внезапного появления. С собой он взял Безлета, Заведа и Хельва, как людей благоразумных и сдержанных; Хастена он предпочел бы оставить дома, но тот не желал отставать ни на шаг.

Азар-тархан, иначе Азарион, сын Кадзаха, принял воевод в своем шатре. Они были в этом краю хозяевами, а он гостем, однако он, наделенный властью именем хакан-бека Хазарии, был хозяином в любом месте на бескрайних просторах державы Булана²⁵, где появлялся среди платящих дань «городу царства». Скрестив ноги в высоких кожаных сапогах с загнутыми носами, он сидел на цветном ковре напротив входа, на почетном хозяйском месте, пусть в шатре и не было очага. Знающий обычаи степных народов, Ярдар вручил ему на рушнике каравай хлеба с кругом белого овечьего сыра, а Хастен поставил горшки с простоквашей и сметаной – полагалось подносить пищу белого цвета в знак пожелания здоровья и благополучия. К их облегчению, Азар-тархан принял все это, кивком приказав поставить на кошму перед ним; в ответ, выронив из рукава горсть серебряных шелягов, вручил их Ярдару и пригласил сесть. Ярдар с облегчением уселся: обмен дарами означал, что хотя бы пока тархан к ним благосклонен.

– Да славится Стыр Хуыцау – Великий Творец! – провозгласил Азар-тархан, держа чашу, поднял ее на вытянутых руках, потом плеснул на землю и отпил.

– Да славятся боги! – повторил Ярдар, приняв чашу после тархана.

Прочие уселись ближе к входу, в менее почетной части шатра. Каждый год общаясь с хазарами, тархановские оружники привыкли и сидеть по-хазарски, различая строгие и вольные позы, а также те, что приличны лишь старикам и женщинам, и умели есть по хазарским обычаям. Сейчас Азар-тархан им пока угощения не предлагал, но по зимам устраивал пир в своей ёрту, чтобы отметить окончание сбора дани. Многие знатные хазары, приближенные хакан-бека, держались жидинской веры, принятой их дедами около ста лет назад, но знатные ясы их

²⁵ Булан – хазарский царь 8 века, при нем хазарская знать обратилась в иудаизм.

примеру не следовали, поэтому Азар-тархану обычай не запрещал есть вместе со славянами, поклонявшимися Перуну, Дажьбогу и Макоши.

Азар-тархан ездил сюда за данью уже зим пять или шесть. Это был человек еще не старый, лет тридцати; довольно высокий, круглолицый, он внешне выделялся среди собственной дружины, где были природные хазары и ясы. Сам он происходил из донских ясов по отцу, а мать его была взята из знатного рода славян-люторичей с верховий Дона. Поэтому и цветом лица, и чертами он был сродни скорее славянам, чем хазарам, и свободно говорил на их языке. Темно-русая борода у него была гуще, чем у любого из хазар. Возможно, родство со славянами и доставило ему должность сборщика дани с самой дальней окраины хазарских владений. На нем был повседневный кафтан из чисто-белого льна, с широкими длинными рукавами, которые в нижней части имели узкие запястья из шелка двух видов: выше красного с узором, а на самом краю синего. Благодаря узкому запястью длинные рукава лежали внушительными складками. Сам кафтан, как принято, был мешковат, но, схваченный поясом, подчеркивал крепкий и стройный стан всадника. Как принято у хазар, браслетов тархан не носил, зато на пальцах его было четыре-пять перстней: золотых и серебряных, с медовым сердоликом, с голубой бирюзой, с прозрачным хрусталем. В левом ухе виднелась серьга в виде длинной капли – золотая, с белой жемчужинкой сверху и с маленьким камнем-жабиком²⁶ на золотой петельке внизу. Подражая хазарам, все тархановские носили серебряные серьги в знак принадлежности к дружине, каждый свободный отрок получал ее в двенадцать лет вместе с оружием. Вот только на столь роскошный воинский пояс с позолоченными пряжкой, хвостовиком и бляшками никто из них, даже Ярдар, не имел права.

При всей своей молодости, Ярдар был достаточно научен вежеству, чтобы не одолевая тархана прямыми расспросами. Осведомился он, как полагается, о здоровье хакан-бека и его рода, о здоровье самого Азар-тархан и его родных.

– Я рад, что вижу вас живыми, а город ваш неповрежденным, – заговорил Азар-тархан. – Боги о вас позаботились. Не могу сказать, что в нашей земле и даже в моем роду все благополучно. Немалое несчастье послали нам боги. Мой брат, доблестный Бесагур, пал в сражении с этими грязными псами, русами. Но ты уже знаешь о той битве, – своими темно-серыми глазами он пристально взглянул прямо в глаза Ярдару. – Они ведь были здесь. Русы и их вожак, здоровенный, как дерево.

– Битве?

Ярдар вполне убедительно изобразил изумление, хотя основой его была тревога – прямо так сходу ему пришлось ступить на зыбкую почву умолчаний и лжи. Приняв совет Ольрада, он предупредил всех своих, чтобы делали вид, будто не знали о побоище на Итиле. А с Хастена даже взял клятву. Тот пытался уклониться, но Ярдар сумел настоять. «Будешь твердить, как баба, я-де говорил, не поможет! – отрезал он. – И ты с нами со всеми в Амундовом шатре сидел, отвечать будем вместе».

– Или вы скажете, что их здесь не было? – продолжал Азар-тархан, слегка скривив рот, и Ярдар едва не вздрогнул: да он никак видит все их мысли насквозь? – Это я уже слышал! Буртасы на переволоке, эти вонючие овцелюбы, пытались мне сказать, что русы ушли вверх по Итилю, не смея соваться к ним, и там их перебили булгары. Я было чуть им не поверил, но не успел я еще с ними расстаться, как их ложь выплыла наружу. Мои люди нашли следы стоянки войска в две тысячи человек! И эти же следы я видел по всему пути до этого самого места! – Азар-тархан показал за стену шатра. – Сотни кострищ, пни, щепки, кости, всякий мусор, всякое дерьмо! Двухтысячное войско не может не оставить следов. Видит Солнце Солнц, они стояли на этом самом лугу, и не более пятнадцати дней назад! Если вы думали мне солгать, то сразу оставьте эти мысли!

²⁶ Жабик – драгоценный камень багрового цвета, видимо, рубин или гранат.

– Ты несправедлив к нам, Азар-тархан, – Ярдар попытался изобразить возмущение, коему, к счастью, его явное волнение не противоречило. – В нашей волости все жители видели войско Ам... русов. Но неужели... они убили твоего брата? Этого я не знал, клянусь Перуном!

Здесь его совесть была чиста: об этом Амунд не говорил. В памяти Ярдара мелькнули черные гадательные щепки – черные перья птицы-судьбы. В этой беде тархановцы никак не были виноваты, но она сильно углубит их вину, если Азар-тархан пожелает счесть их виноватыми.

– Он пал во второй схватке, ночью, – мрачно ответил Азар-тархан, в гневе раздувая ноздри. – И мы получили его тело, только когда эти псы ушли... Тогда нам досталась вся куча трупов... и только тогда мы смогли найти тела... и Бесагура. Но оно было... ограблено. – Что тело было погрызено степными волками, Азар упоминать не стал. – С него исчезло оружие, перстни. Осталась только одежда, рваная и окровавленная, по ней мы его и опознали. Исчез даже его пояс, хотя, видит Великий Творец Стыр Хуыцау, ни один русский пес не имеет права носить его, присваивая доблесть моего брата!

Пояс! Ярдар сглотнул. В сложенных руках возникло ощущение дрожи, он прямо-таки почувствовал, как бледнеет, и понадеялся, что полутьма в шатре не даст Азар-тархану это заметить. Однако воззрился на пояс самого Азара, сидевшего в двух шагах от него – как раз на хозяина шатра падал свет от поднятого полога.

Он видел такой же пояс, с позолоченными головками барсов. Когда был в гостях у другого могучего властителя – того, что ростом с дерево. Удивился, откуда у князя русов хазарский пояс. Амунд ведь говорил, что его дружина сдерживала натиск хазарского войска ночью, когда на них шли и арсии, и знатные тарханы со своими людьми, и даже пешее ополчение из Итиля. Надо спросить у Ольрада, не говорил ли Амунд что-нибудь про Бесагура... хотя откуда ему знать имена тех мертвецов, что обобрали и бросили кучей на поживу степным волкам...

Только бы никто другой не ляпнул про тот пояс перед Азаром!

– Нам русы не причинили вреда... – начал Ярдар. – Иначе мы защищались бы... но они вели себя мирно, и мы никак не могли подумать...

– Это потому что я шел за ними по пятам! – Азар-тархан прервал его, чему Ярдар был только рад. – Они знали, что их преследуют, и бежали, не смея нигде задержаться даже на день!

Может, он и прав, мелькнуло в мыслях у Ярдара. Он не задавался вопросом, много ли мог бы сделать Азар-тархан с его полусотней против двух тысяч: тот был «истинный хазарин», хоть и яс по крови, прибыл из самой Хазарии, с поручением от хакан-бека, и воплощал в себе одном всю мощь древней державы. Казалось, в мече его сверкают сто тысяч хазарских мечей, и тому, кто вздумает с ним тягаться, придется выдержать натиск всей этой мощи разом. В самом имени хазар, владевших дедами и прадедами тархановцев, таилась неодолимая сила. Любого, кто вздумает бросить вызов земной силе хакан-бека и небесной – кагана, сама его дерзость должна была убить на месте.

– Сейчас их уже нет в вашей волости?

– Нет, господин. Наши люди сопровождали их... – Ярдар сглотнул, – следовали за ними до самой Оки. Они ушли к вятичам, и никаких больше вестей о них сюда не доходило.

– О них еще будут вести, клянусь семью богами! – Азар-тархан ударил кулаком по ковру, на котором сидел. – Они думают, что сбежали и спаслись от мести. Но ничто их не спасет. Я отправлю их напрямиком к Ваюгу²⁷, пусть слышит меня Уастырджин²⁸! А вы? – Он обвел суровым и горящим взглядом – ясы славились тем, что у них «бешеные глаза», – сидящих перед ним тархановцев, начиная от Ярдара и до старого Хельва. – Вы покажете себя достойными

---

²⁷ Бог-привратник царства мертвых у древних алан.

²⁸ Бог-покровитель воинов, как славянский Перун.

подданными хакан-бека, людьми чести и доблести? Или вы, словно овцы или крысы, будете сидеть у себя в норе?

– Мы – люди чести! – Ярдар выпрямился. Называть себя крысой он не позволил бы даже тархану. – Ты намерен отомстить тем русам?

– Да, клянусь моим зэдом²⁹!

– Прямо сейчас? – нахмурился Ярдар.

– Перун ты забей! – буркнул Хастен.

– Нет, я не буду гнаться за ними, раз уж они ускользнули из наших владений, – немного остыв, ответил Азар-тархан. – Но тем больше у нас будет времени подготовиться. Разошли гонцов во все веси и городцы. Пусть соберутся старейшины. Я буду говорить с ними и отдам приказ к зиме готовить войско. Я по пути уже говорил с бургасами, с люторичами на Дону. Все они дадут людей, зимой у нас будет войско, и я проучу этих подлецов.

– Ты задумал... – Ярдар пытался представить, в какую даль придется идти, чтобы отомстить Амунду, но у него не получалось, так далеко его представления о мире земном не простирались. – Ведь Амунд живет за Днепром... за Киевом... Мы пойдем... на Киев? Где князь Олег?

Тот самый Олег, что упустил свою удачу...

Азар-тархан помедлил, будто тоже озирает мысленно земные просторы.

– Боги укажут нам цель, – обронил он. – Но клянусь Огнем, сыном Солнца: я отомщу русам за моего брата Бесагура или никогда не вернусь к священному родному очагу!

«И мы заодно», – невольно подумал Ярдар, но тут же прогнал эту мысль.

Глупо бояться за свою жизнь, когда сама могучая Хазария подталкивает тебя в спину – вперед, к богатствам далеких земель и вечной славе!

---

²⁹ Зэд – божество, сопровождающее каждого человека.

Глава 9

Пополневший белый месяц смотрел с высоты, когда Заранка вышла из избы с приготовленной основой – пряжей, заправленной в небольшие квадратные дощечки. Не удалось сразу исполнить обещание, данное Ярдару, – пришлось ждать, пока месяц наберет силу и сумеет принести полноту просимой доли. Лучше было бы дать ему созреть получше, но Заранка не могла больше ждать. В Тархан-городец нагрянули хазары – их внезапный приезд взволновал округу, привыкшую видеть Азарову дружину только зимой, немногим меньше, чем появление русского войска. С чем приехал Азар-тархан, пока было неизвестно – был лишь гонец от Ярдара к Любовану с приказом через шесть дней прибыть в Тархан-городец на совет. Но о чем бы ни зашла речь, было ясно: удача молодому воеводе понадобится, и поскорее. За эти дни Заранка выкрасила белую пряжу в красный цвет и сегодня ощутила, что время пришло. Будто сам месяц молодой дал ей знак – я готов.

Еще не совсем стемнело, вечер был тих. Недавно прошел дождик, но теперь голубой свод очистился, из глубины его проглядывали звезды. Туман поднимался над выкошенными полянами, будто сны отходящей к ночному отдыху земли. Сильно пахло влажным сеном. Полоска леса отделяла двор от Крутова Вершка, и только далекий перелай давал знать, что неподалеку есть еще жилье. С другой стороны прокричала выпь – дикая душа дремучего леса. А в поле зрения они были вдвоем – Заранка и месяц.

Заранка привязала основу к нарочно для этого вбитому крюку в наружной стене избы и встала так, чтобы хорошо видеть месяц. Глаза для этой работы не требуются; вращая в ладонях дощечки, она смотрела на месяц и шептала особым шепотом ведуний, так что даже окажись кто-то рядом, не разобрал бы ни слова.

Месяц, Месяц Владимір, князь молодой,
Месяц, светлые ножки, белые рожки!
Где ты, Месяц, бывал, где зиму зимовал, где лето летовал?
Бывал я за полями, за лесами, за синими морями,
На мое-окияне, на острове Буяне.
Видел бел-горюч-камень,
На том камне стоит добрый молодец,
Ярдар, Ёкулев сын, думу думает, горько жалуется:
Нет мне, молодцу, доли-удачи, врагам одоленья...

Складывавать заговоры Заранка научилась так же давно, как ткать на дощечках – то есть много лет назад. Она помнила, как мать, укачивая ее, пела про остров Буян, бел-горюч-камень, сыр-матёр-дуб, где ходят то три старца, то двенадцать девиц, то Заря-Зареница; с детства Заранка знала, о чем все они меж собой беседуют, и ей казалось, будто она и сама не раз видела и слышала их – настолько близки ей были эти привычные образы. Она настолько свыклась с островом Буяном, где ткуются судьбы всего мира, что чувствовала себя там как дома.

С его образом ними сливался и другой – тот, что был у Заранки на уме все эти дни. На месяце она видела лицо Ярдара, его тонкие черты, ясные глаза, и даже косо поставленные рожки напоминали ей его улыбку левой стороной рта. Всю жизнь он и был для нее месяцем, жителем небесной выси, прекрасным и недоступным. Она помнила его свадьбу с дочерью Без-лета – своими глазами она этого события не видела, конечно, но женщины из Тархан-городца, приезжавшие по всяким надобностям к Огневиде, рассказывали о ней множество раз. Заранке тогда до облачения в поневу оставалось еще года четыре-пять, она не могла ставить себя на место его невесты – взрослой девы. Но, подрастая, Заранка с полным безразличием глядела

на окрестных отроков, среди которых наверняка водился еще не избранный ее жених. Будущего мужа она воображала похожим на Месяца Месяцовича, а того – на воеводу Ярдара. Она слишком много о нем думала – все время присутствуя в ее мыслях и мечтах, он наконец стал казаться ей близким, будто их ничто не разделяет. И в тот раз, когда ему пришлось взглядеться в нее, понадеяться на нее, попросить о помощи, она поняла: ее час настал. Не отличаясь робостью, она пошла навстречу судьбе, которая вдруг проложила мосточек от мечты к были.

Как шли мимо бел-горюч-камня две старые старушки,
Вещие суденицы, Макоши помощницы,
Говорили доброму молодцу: о чем, добрый молодец,
кручинишься?
Отвечает им добрый молодец, Ярдар, Ёкулев сын:
Нет мне, молодцу, доли-удачи, врагам одоленья.
Тогда брали две старые старушки
Красно солнышко, бело облачко, часты звездочки,
Говорили старые старушки:
Ой ты, Ярдар, Ёкулев сын, добрый молодец!
Облекаю я тебя в красно солнышко,
Умываю утренней росой,
Опоясываю утренней зарей,
Окружаю частыми звездушками...

Заранка не сомневалась, что сумеет выполнить задуманное. У нее имелась тайна – некое знание, неведомое даже Огневиде и Мираве. Давным-давно, десять лет назад, в Крутовом Вершке жила старая Светлоока, или баба Светлоча, как ее звали в семье – бабка Датимира и прабабка Заранки. К старости она совсем ослепла и говорила о себе: «Была я Светлоока, а ныне темная вода³⁰ к глазам подступила, буду Темноокой зваться». Когда в одно лето прабабка слегла, взрослые, расходясь по работам, не раз оставляли с ней Заранку – воды подать, еще чем пособить. Один такой случай она особенно запомнила. Было ей тогда лет шесть, а то и меньше. Заранка щедро была одарена детской способностью как наяву видеть то, о чем рассказывают, и услышанное в тот день так ясно и прочно отпечаталось в памяти, что она была почти уверена: это не рассказ, она видела все своими глазами.

– Ты слушай, что расскажу, – начала баба Светлоча. – Запоминай, а никому не сказывай. Поведаю тебе дело тайное. Во всю жизнь мою никому я сей тайны не открыла, ни одному человечку. А теперь мне уж помирать скоро – надо передать. От тебя, чую, будет толк.

Шла пора сенокоса, самая страда, и во всем Крутовом Вершке, кажется, не осталось живой души, кроме них да нескольких свиней, дремлющих в тени под тыном. Дверь избы была открыта, впуская душистый летний воздух и яркий свет, солнечные лучи падали на дощатый пол, но бабка лежала в дальнем углу, во тьме, и Заранке казалось, что она слышит голос Темного Света. Прабабка была так стара, что принадлежала уже скорее к посланцам Темного Света в мир живых, чем наоборот.

– Была я такая же девчоночка маленькая, как ты сейчас, – негромко, но уверенно вел речь Темный Свет. – Пошла как-то в лес по ягоду, ходила, ходила, от своих отбилась, заблудилась, что делать – не знаю. Бродила-бродила, блуждала-блуждала, пока из сил не выбилась. Уж темнеет, делать нечего, надо утра ждать. Нашла ель большую, разлапистую, заползла туда с лукошком, на мох легла, свернулась, сплю...

---

³⁰ Темная вода – древнерусское название болезни глаз.

Заранка слушала, не шевелясь и едва смея вздохнуть: казалось, ее собственная душа рассказывает о ней же, так ясно она видела темный лес и себя, одинокую, усталую и напуганную. Она тоже ходила в лес с прочими детьми и сестрой Миравой и знала, как легко там отбиться и потеряться.

– Среди ночи слышу – стук да гром! Проснулась, выглядываю тихонечко – полная луна светит и так ярко, что все видно, как днем, каждую травку разбираешь. Вижу, идут две старые старухи – нос в бороду врос, и обе ликом темны. У каждой глаз нет, а во лбу отверстие. Подошли они, сели наземь, одна и говорит: «Ну что, сестрица Доля, пора нам глаз делить». «Пора, сестрица Недоля», – вторая отвечает. Вынимает из-за пазухи щепку осиновою, а щепка с одной стороны белым-бела, с другой – черным-черна. Взяли они ее, подбросили, она и упала белой стороной кверху. Ощупали они ее, одна и говорит: «Видно, нынче твой час, сестрица Доля». Встает вторая, руки поднимает – и хват с неба луну! Сняла ее да и в лоб себе вставила! Стоит она, а у нее во лбу глаз сияет. Вот стала она глядеть по сторонам. «Вижу, говорит, в таком-то доме дитя народилось. Жить ему будет сто лет, иметь жену, семерых детей, семь раз по семь внуков, а скотины разной у него будет столько, сколько звезд на небе. Еще вижу, говорит, князь киевский на войну собирается: всех врагов в прах разобьет, а сокровищ возьмет столько, что и не унести. Еще вижу, говорит, старик из Борятина сыну младшему думает невесту сватать: будет у него жена, ростом высока, красотой красна, походочка у нее лебединая, тиха-плавна речь соловьиная...» Долго она так говорила, людям доли судила, да все добрые. А вторая и говорит: «Достанься мне нынче глаз, не видать бы им столько добра». Может, ты, говорит, обманула меня? Может, нынче мне глаз полагался? Стали они спорить, в драку полезли – одна другой как засадит кулачищем в лоб, тут луна у Доли из лба выскочила и опять на небо взобралась. Стали они друг дружку попрекать, а потом одна и говорит: «Вон под елкой девчонка маленькая хоронится, не спит, все видит, все слышит, спросим-ка у нее». Я вылезаю, ни жива ни мертва. Они щепку мне показывают и спрашивают: какой стороной упала? Я говорю, белой. Тут они помирились, а мне говорят: «Коли когда пожелаешь кому долю поменять с доброй на худую или наоборот, то позови нас – мы все сделаем». А потом просыпаюсь я – уже утро, а совсем рядом пастуший рожок гудит. Я пошла туда – и прямо к дому и вышла.

Баба Светлоча примолкла, переводя дух, и показала на корец с водой. Заранка подала ей воду, бабка попила и закончила:

– Думала было, что приснилось мне... Однако сто лет живу, а никому про ту ночь не рассказывала. Тебе первой. И со словом моим передаю тебе и силу: захочешь кому долю поменять с доброй на худую или наоборот, то позови двух старых старух – они все сделают...

Заранка не помнила, чтобы после того дня ей еще приходилось сидеть с бабой Светлочей – кажется, скоро та и померла, погребение и поминальный пир Заранка помнила, но не могла сказать, много ли времени прошло между ним и тем разговором. Поначалу она считала услышанное лишь страшной сказкой и часто сжималась под овчиной, лежа на полотах, мысленно видя темный лес и двух слепых старух, у которых один на двоих глаз – луна с неба. Но после того как ее одели в поневу и мать начала учить ее ворожбе, она постепенно осознала: то была не сказка, то было мощное оружие, которое прабабка оставила ей в наследство...

Однако до сего дня Заранке не случалось применить это оружие. А теперь те две старые старухи сами привели к ней Ярдара в тяжкий для него день. Если прабабкина сила чего-то стоит – настало время пустить ее в ход.

...И как все князья и бояре, русы и хазары, мужи и жены,
И красные девицы, и старые старцы, и все добрые люди
Смотрят на солнце красное, и любят, и радуются, и кланяются,
Так бы и на тебя, Ярдара, Ёкулева сына,
Все князья и бояре, русы и хазары, мужи и жены,

И красные девицы, и старые старцы, и все добрые люди
Так бы любовались, и радовались, и кланялись, и ни в чем не
перечили.

Дощечки вращались в ее руках, сотканная часть пояса все удлинялась, Заранка пятилась
от стены, продолжая бормотать:

Как пойду я на восточную сторону,
А в той ли восточной стороне
Сидит туча грозная, с громами и молниями,
Так я, Ярдар, Ёкуев сын, войду в тучу грозную,
Покроюсь громом гремучим да огненной молнией,
И как грозна грозная туча да молния огненная,
Так бы и я, Ярдар, Ёкулев сын, был против врага моего,
И черного, и русого, и белого, и рыжего, и молодого, и старого,
На белой заре, в темной полночи, на молодом месяце, на старом
месяце,
И боялся бы, и бежал бы от меня враг в леса дремучие, в болота
зыбучие...

Глядя на месяц в небе, Заранка не смотрела по сторонам, но чувствовала, как по бокам
ее стоят они – две старые слепые старухи, имеющие один на двоих глаз, и тот лишь в ночи
полнолуния, раздающие людям счастье и несчастье сообразно тому, какой стороной упадет
осиновая щепка...

Но чья же воля заставляет ту щепку упасть так или иначе?

Любой дрожал бы от ужаса, чувствуя вплотную к себе эти две тени. Их невидимые руки
двигали руками Заранки, вращающими ткацкие дощечки. Но Заранка не боялась. За спиной
у нее стояла еще одна тень – легкая и белая, как летний туман над полянами. Та, что была
ей и в то же время другой, та, что была ее собственным отражением в водах, разделяющих
белый свет и темный свет. От их недолгого совместного пребывания на этом свете у Заранки
не сохранилось никаких внятных воспоминаний, кроме одного: ощущения, что некая «вторая
я» все время находится рядом и не даст злу подкрасться со спины.

* * *

От нетерпения Заранке плохо спалось, и утром она поднялась даже раньше обычного –
и раньше матери. Ей предстоял неблизкий путь, а поросенок сам себя не покормит и навоз не
вынесет. На кур и вовсе надежды никакой. Когда Огневида вышла, зевая, к корове, куры уже
бродили по двору, а Заранка гнала коз на опушку. Свинья Мышка бегала за нею, как собака.

– Я пойду, да? – Заранка остановилась перед Огневидой.

– Приготовила?

Огневида оглядела дочь: та явно нарядилась для похода в город. Новая сорочка, взде-
валка, коса тщательно расчесана и заплетена, на красном ошейе серебряные кольца – подарок
зятя-кузнеца к тому дню, когда на нее надели поневу. Девка хоть куда – если не знать, что она
задумала. Прямо невеста. Огневида невольно залюбовалась ею – округлое лицо с миловидными
чертами, розовые мягкие губы, голубые невинные глаза. Если бы не самоуверенность, грани-
чащая с бессердечностью, которая так ясно светит сквозь эту красоту, что совсем ее затмевает.

Ведуница помедлила, вздохнула. Другая бы мать сразу запретила и думать о таких дура-
чествах – и была бы права. Но Огневида знала: ее силам понадобится наследница. Выбирает не

она, выбирают суденицы. А чтобы они смогли сделать выбор, надо каждой дать проявить себя. Мирава разумна, но с Темным Светом водиться не хочет. Остается Заранка – та из пары близнецов, что задержалась на белом свете, когда другая ушла. Нужно дать ей показать, годна ли для дела. Лучше бы выдать ее сперва замуж... но время уже пришло. Сперва Амунд с его войском, потом Азар-тархан – судьба не хочет ждать. Веретено стало быстрее вращаться в руках небесных прях, и Огневида не знала, к чему протянутся эти нити. Заранка думает, что знает. Только вчера она призналась матери, что именно ей баба Светлоча передала кое-что из того, чем владела – а думали, что не передала никому. Огневида не оправдала бы своей славы, если бы встала на пути у судениц, которые, похоже, избрали себе новую посланницу.

– Ступай. Да сразу к воеводе не лезь, иди к Мираве, она придумает, как дальше быть. Там хазары, а они нас не знают – подумают про злые чары, как бы не вышло беды.

Говоря это, глядя в лицо дочери – одновременно невинное и самоуверенное, Огневида вдруг осознала: беда ходит где-то рядом. Но пытаться остановить Заранку – поздно. Она уже пробудила судениц, веретено вращается, его не остановить.

Поклонившись, Заранка пустилась к реке, где начиналась тропа на Тархан-городец. Свинья Мышка бежала за ней.

– Старые старухи, Макоши помощницы! – Огневида подняла глаза к небу, чувствуя, как все сильнее стискивает сердце тревога. Хотелось пуститься вслед, но она знала: не догнать. – Это вы ее в путь снарядили, так вы и приглядите за ней. Мне больше ее крылом не укрыть, выросла доченька...

Дорогу в Тархан-городец Заранка знала хорошо – сколько раз по ней ходила. Мышка то сновала где-то вокруг, то останавливалась порыться в земле и похрустеть чем-то. День был ясный, жара постепенно сгущалась, стрекозы с голубыми длинными тельцами висели над осокой в реке, будто паря на волнах влажного тепла. Пролетел спугнутый Заранкой лунь – не то полевой, не то болотный. Перекликались овсянки, трясогузки, луговые чеканы, иволги. Заранка шла не торопясь, чтобы не взмокнуть под вздевалкой – а то явишься в город, потная и красная, будто репу полола. Туго свернутый заговоренный пояс лежал у нее за пазухой. Неся этот дар, Заранка себя чувствовала сродни богиням. Именно такая помощь сейчас нужна Ярдару. Но она отдаст ему пояс, только если он примет ее условие и подтвердит это хотя бы перед Миравой и Ольрадом. А нет – пусть справляется как знает. Заранка упрямо поджала губы. Чувствуя за спиной двух старых старух, она знала, что своего добьется. Ярдар достанется ей, она станет воеводшей, к изумлению всей волости и зависти всех девок и молодых. И уж тогда она обретет такую силу, что затмит даже мать и бабу Светлочу. О ней будут рассказывать предания: о девушке из Крутова Вершка, что благодаря отваге и мудрости обрела знатного мужа-красавца и стала госпожой десяти весей и городков. Ярдара, конечно, нельзя приравнять к настоящему князю, Дажьбожьему внуку, но Веденецкой волости он приносит жертвы за всех, то есть почти как князь. А к тому же сам хорош, словно месяц ясный.

Тропа отошла от берега Упы и свернула в лес – тут можно спрямить путь. В лесу было прохладнее, и Заранка пошла быстрее – нетерпение поймать свою судьбу гнало ее вперед. Мышка куда-то делась, отстала, но Заранка о ней не заботилась: свинья в лесу не пропадет. Подул ветер, побежал шелест по ветвям. Прокричала вдали кукушка. Заранка остановилась, прислушиваясь к вестнице Нави. Тут же услышала шорох – мимо нее из кустов скакнул заяц, перепрыгнул тропу и умчался, вскидывая зад.

А потом издали долетел еще какой-то шум, непривычный для этих мест. Трубили рога – два или три. Заранка застыла на месте, прислушиваясь; ветер усилился, шум густой листвы поглощал прочие звуки, мешал разобрать, что там творится.

С той же стороны выскочил еще один заяц, а едва Заранка успела проводить его взглядом – косуля. Девушку, застывшую под березой, они не заметили. Ветер донес собачий лай. Тут Заранка догадалась – видно, тархановские отроки выехали на лов. Так шумно – с рогами и

собаками – кроме них никто здесь не охотился. Она пошла дальше – тропа все равно была одна, – но то и дело оглядывалась и прислушивалась. Звуки лова надвигались, а никто, слыша подобное у себя за спиной, не может остаться невозмутим.

Испуганные птицы смолкли. Что если гонят тура, или лося, или еще какого крупного зверя – и сейчас тот на нее и выскочит? Попасть между крупной дичью, напуганной и разъяренной, и стрелами ловцов мало радости, даже смелой Заранке этого вовсе не хотелось. Она завертела головой, прислушиваясь и пытаясь понять, откуда надвигается опасность, но ветер рвал звуки, мешал с шумом листвы. Даже было показалось, что шум уже прошел стороной, дальше от реки, но тут из кустов прямо на нее выскочил кабан! За ним мчались несколько взрослых свиней и несчетная россыпь поросят – целое стадо гон поднял с дневной лежки. Заранка метнулась за дерево – увидит ее кабан, поднимет на клыки, посчитав препятствием. К счастью, стадо ее не заметило и умчалось дальше в березняк. Шум слышался уже совсем близко, Заранка даже различала голоса ловцов. Судя по горячим крикам, они гнали какую-то завидную добычу.

Заранка в тревоге огляделась. С одной стороны у нее была река; бежать вправо означало двигаться вдоль череды ловцов и не удаляться от опасности. Оставалось вперед, и она пустилась по тропе во весь дух.

Сзади кто-то топал, догоняя; мельком оглянувшись, Заранка увидела Мышку. Нашлась свинья, но лучше бы ей сейчас быть подальше отсюда! По виду Мышка ничем не отличалась от своих диких собратьев, и ее запросто пристрелят, не узнав.

Но тут же опасения за Мышку как ветром сдуло – сзади зашумело и затрещало. Раздался громовой топот копыт, и Заранка было подумала, что кто-то из всадников уже ее догнал. Но грохот был уж слишком тяжел – не так, как в тот недавний день, когда на поляне Перун-травы она повстречала Ярдара. Будто туча грозовая колотила по земле ногами-молниями. Заранка обернулась...

Вот оно! По тропе вслед за нею мчался матерый рыжий тур, сшибая рогами листву и мелкие ветки. В его холке торчали две или три стрелы – они не вонзились настолько глубоко, чтобы его убить, но причиняли боль и разъярили до крайности. Тяжеловесная смерть на могучих черных копытах неслась прямо на Заранку. Взвизгнув, Заранка метнулась прочь с дороги, надеясь, что бык останется на тропе и обгонит ее, но он с треском вломился в заросли вслед за нею. А без тропы ей и вовсе не убежать!

Земля дрожала под ударами копыт. Топот позади все ближе; шумное дыхание, треск ветвей и шорох листьев, срываемых широкими толстыми рогами. Заранка будто заледенела от сознания близости смерти, но в то же время тело казалось легким, как пушинка, и ноги несли ее, словно тень над водой.

Но трудно спастись от грозного преследования без тропы. Кусты хватали ее за одежду и за косу, корни и валежник попадались под ноги. Мышка исчезла, и Заранка лишь мельком подумала, не затоптал ли ее уже тур. Грохот копыт и треск ломаемых кустов слышался уже так близко, что спина почти ощущала близкий удар крепкого рога.

На глаза Заранке попался дуб – довольно толстый, но еще не старый. Нижние ветки были достаточно низко, чтобы она могла ухватиться; чувствуя, как смерть дышит в спину, Заранка подпрыгнула, уцепилась, оттолкнулась ногами от ствола, подтянулась, очутилась на нижней ветке и полезла наверх. Внизу раздался удар – тур врезался в дуб на полном скаку; ствол затрясся, Заранка закричала и обхватила его обеими руками. Бык заревел, в ярости бодая ствол; сыпались листья и всякий сор, в этом реве Заранка слышала гнев на нее: не уйдешь, достану! Но она была уже достаточно высоко, чтобы бык ее не достал, да, наверное, он и не собирался. Продравшись через орешник вплотную к дубу, бык умчался дальше в лес, а Заранка все еще не смела раскрыть зажмуренные глаза, обеими руками держась за ствол.

В ушах гремела кровь, сердце колотилось, в маковке билась жила. Раздавались еще какие-то крики, но Заранка не могла сообразить, откуда они. Казалось, все лешии, навцы, русалки, синцы и игрецы собрались и пляшут вокруг нее, подталкивая разжать руки и сверзиться наземь, чтобы сломать себе шею, и она держала глаза крепко зажмуренными, а руки – стиснутыми вокруг ствола, выжидая, пока обезумевший лес успокоится.

Заранка не знала, сколько времени провела так, пока шум в ушах улегся, сердце немного утихомирилось, а в глазах прояснилось. Заболела щека, ободранная о жесткую кору, горьковато-мшистый запах дуба бил в ноздри. Осознав, что усталые руки вот-вот разожмутся сами собой, она попробовала переменить положение на более удобное, встать на ветке попрочнее и оглядеться.

Сначала она ничего не увидела, кроме мешанины веток и листьев – сама не зная как, она белкой взлетела туда, куда ничто, кроме смертного страха, не может человека загнать. Шумел ветер в кронах, но напуганные птицы смолкли. Заранка вгляделась, пытаясь оценить, насколько высоко находится и как теперь спускаться.

В прорехе между ветвей ей попало на глаза нечто крупное и рыжее внизу. Клятый бык еще здесь! Заранка едва не застонала от отчаяния – да это злой леший, а не бык, чего ему от нее надо! Но тут же поняла, что видит не быка, а лошадь. Оседланную. С человеком в седле. А человек – смуглолицый, раскосый, с тонкими черными усами и в остроконечной хазарской шапке.

В изумлении Заранка вытаращила глаза. Она во всех смыслах находилась между небом и землей: после бег и страха сама душа ее подвисла где-то, лишь тонкой нитью привязанная к телу. Увиденное она приняла за морок и с новой силой вцепилась в ствол.

Морок что-то крикнул. Сделал ей знак рукой.

И едва Заранка успела подумать, а чего он может от нее хотеть, как ощутила сильный толчок: в ствол дуба, почти вплотную к ее рукам, вонзилась стрела.

Глава 10

– Миравушка! Там хазары твою сестру на веревке приволокли!

Руки сами собой разжались, горшок выпал на глиняный пол. Мираву обернулась: у порога стояла запыхавшаяся Годома.

– Что ты не... – от изумления Мираву не нашла слов.

К тому же это была Годома – известная сказочница, та самая, что не так давно видела прямо в городце мычащую безголовую свинью.

– Сестру твою, говорю, хазары приволокли! На веревке, будто полонянку какую!

– Как... откуда? – Мираву открывала и закрывала рот, не в силах уяснить это дикое известие. – Приволокли?

– Из лесу же! Они ж на лов ездили! Вон, приехали! Вепрей привезли, зайцев, и ее!

– Она им что – заяц? Дичь? Откуда она взялась-то?

– Не ведаю, а только вот! У них она в стане. К шатру самого Азара повели, – договаривала Годома уже на ходу, когда Мираву бегом пустилась вон из избы.

Попадавшие навстречу смотрели на них дикими глазами и открывали было рты; Мираву было некогда их слушать, но по лицам она понимала, что Годома не соврала. С Заранкой и правда случилось что-то ужасное. Она не знала, что будет делать, но жаждала хоть увидеть это чучелко, разобраться, велика ли беда, как ее вызволить... и что все это ей не приснилось.

Ольрад! Ольрада Ярдар услал в Борятин и в ближайшие дни его нечего ждать назад. Мираву чуть не застонала, вспомнив об этом: на мужа она полагалась во всем. Что бы ни случилось, он бы придумал, как спасти непутевую свояченицу. К нему здесь всякий прислушается, не исключая и воевод. Ярдар... Но на воеводу Мираву надеялась куда меньше. Ему Заранка никто. А что она там жаждала выйти за него замуж, так он небось считает это дурачеством глупой девки.

У самых ворот городца кто-то вдруг кинулся ей наперерез; Мираву услышала серебряный звон, мелькнуло знакомое лицо, и Озора с налету обхватила ее руками.

– Стой! Куда разлетелась!

– Пусти! – Мираву попыталась ее оттолкнуть, но Озора держала ее не шутя. – Говорят, там моя сестра попала... в беду какую-то. Что хазары ее схватили! Пусти!

– Стой, я тебе говорю! – повелительно сказала Озора и кивнула кому-то позади; на глазах у Миравы несколько отроков затворили ворота и подперли спинами. – Не надо тебе никуда бежать.

– Как – не надо? – Озора наконец выпустила ее, и Мираву отскочила. – Там моя сестра у хазар!

– Да послушай ты меня! – сердито крикнула Озора, убедившись, что ворота под охраной и Мираву не вырвется из города. Ее светлые брови были сердито сдвинуты. – Привезли ее. Из леса, козу твою неудалую. Знаешь, где ее взяли?

– Да откуда мне? – Мираву скривилась, чуть не плача от досады. – Годома прибежала, кричит... Где они ее взяли?

– С дуба сняли! Чуть не на самой маковке сидела, будто лесовица!

– Ну и что?

У Миравы кругом шла голова. Зачем Заранка полезла на дуб? Зачем хазарам понадобилось ее снимать? Зачем тащить с собой в город, да еще на веревке, будто полонянку?

– Что она им сделала такого, ты скажешь мне?

– Они сказали, что оборотня поймали!

Мираву застонала и сжала руками голову.

– Мать-земля! Какого оборотня? Где? Заранка-то здесь к чему?

– Она и есть оборотень!

– Что ты несешь? Она-то какой оборотень?

– Вот у тебя сейчас и спросят – какой! – с досадой бросила Озора. – Потому и говорю: не ходи. Мой муж дело разберет. Ты полезешь – с нею заодно пропадешь. А ты – не девка из леса, ты наша, тархановская, муж твой – в дружине человек уважаемый... О мать-земля, о нем-то не велели поминать! – Озора закатила глаза, огорченная множеством напастей.

– Что случилось? – Мираве хотелось ее потрясти, лишь ты поскорее добиться внятного ответа.

– Азар со своими был на лову. Погнали турицу рыжую. Она к дубу – и сгнула. Глядь – на дубу девка сидит, и тоже рыжая. Они говорят, видели, как она из турицы девкой обернулась и на дуб взлетела, ловко, будто белка. Слезать не хотела. Пригрозили подстрелить, только тогда сошла. Они ее и привели. Вот, говорят, оборотня поймали. Думают, что с нею делать.

Мирава глубоко дышала, пытаясь одолеть головокружение. Повесть была настолько нелепа, что не укладывалась в голове. Какая-то рыжая турица! Но Заранка здесь при чем?

– Хазары ж не ведают, кто она такая, что за девка, откуда, чья? – сказал один из мужчин в толпе вокруг них, Добровид. – Вот им и поблазнилось...

– Но надо же им растолковать! – обратилась Мирава к Озоре, потом оглядела озадаченные лица. – Что она не турица и не зверь какой, а наша, живая девка. Нашу мать вся волость знает, и никогда за нами худого не водилось! Был бы Ольярад, он бы им...

– Хастен растолкует! – Озора снова подошла и взяла ее за локоть. – Ты не бегай никуда. Хастен человек уважаемый, разумный, Азар его послушает. Вызволит он твою девку. А ты побежишь, шум поднимешь – и сама пропадешь, и нам всем беды наделаешь. Азар и без того злой – у него, вон, брата убили, а где тех русов искать – леший знает, на каком они краю света сидят.

– Так что же он, нам, что ли, за брата мстить думает? – сердито спросила Мирава.

– Да ему хоть бы на кого кинуться! Не лезь под руку. Хастен сам все уладит. Добра же тебе хочу.

Что Озора заботится о ней, Мирава не верила. Но, немного успокоившись, начала соображать: Озора хочет отвести беду от Тархан-городца. Если не удастся убедить хазар, что Заранка – не оборотень, то признаваться, что у нее ближайшая родня в городе, будет неразумно. К тому же Азар может рассердиться и на Ольярада, если всплывет его «дружба» с тем самым Амундом, что лишил Азара родного брата...

Эта мысль охладила голову, и Мирава смирилась с тем, что ей лучше просто ждать. Обрадованная Озора самолично отвела ее домой, чуть ли не за руку, и оставила с ней несколько женщин с твердым наказом никуда не выпускать. Для ее же блага. Но Мирава могла лишь сидеть, сложа руки, не в силах взяться ни за какое дело, и лихорадочно думая, как же ей поступить, если хазары не послушают Хастена и не поверят, что Заранка никакой не оборотень.

Облегчение ей принесло только одно. Пока прочие судили, что да как, к ней наклонилась Вербина, Заведова жена, и шепнула:

– Я мальчика нашего послала к вам туда, – и подмигнула, имея в виду Крутов Вершок. – Матери скажет и большаку. Пусть сами умом раскинут.

Мирава благодарно сжала ее пухлую загорелую руку. Подать весть матери и дядьке Любовану было очень важно, но едва ли Озора позволила бы сделать это ей самой.

* * *

Пойманная лесовица сидела в тени Азарова шатра на траве, со связанными руками, а ловцы расположились на кошмах у длинного костра, где варилась и жарилась их охотничья

добыча – тушки зайцев и уток, куски веприны. Вид у лесовицы и впрямь был дикий: белая одежда спереди замарана бурым и зеленым, на лице и руках кровавые ссадины, волосы рас-трепаны, подол вздевалки надорван о сучок. Очелье, сорванное веткой, она потеряла, когда лезла на дерево, и теперь спутанные пряди падали на щеки. За все время Заранка не сказала ни слова, потрясенная всем произошедшим; ее загнали на дерево, почти на тот свет, ее называли оборотнем и обращались как со зверем, и ей самой уже казалось, что некое злое колдовство превратило ее в зверя. Она видела собственные руки и ноги, такие же, как обычно, но эти чужие люди вели себя так, будто видят зверя. Кто видит истину, а кто – морок? Может, она и правда стала турицей и только сама этого не замечает? Если бы она заговорила, может, удалось бы убедить себя и других, что она – человек, но на Заранку напала неодолимая немота.

Не собираются ли они и ее зажарить и съесть, как того вепря, чья голова лежит у костра? Потом из ее костей вырастет дерево, из дерева отрок сделает дудочку, дудочка будет петь ее голосом, жалуясь, как сгубили безвинную девушку злые люди... Мысли метались, как обезумевшие куды, никакого выхода не находилось.

Среди хазар, близ их вождя, сидел Хастен. Постепенно в голове у Заранка прояснилось, и она стала разбирать кое-что из их разговора.

– Но если ее мать – ведунница, то очень похоже, что девка и правда оборотень! – говорил Азар-тархан, с любопытством на нее посматривая. – Я немало слышал о старухах, которые умели превращать своих детей и зверей и посылать на разные злые дела. Может, она хотела погубить меня и послала свою дочь, чтобы она подняла меня на рога!

Хазары вокруг костра засмеялись: было видно, что такая возможность скорее веселит тархана, чем пугает.

– Да неужто она пыталась вас забодать? – отвечал Хастен, тоже посмеиваясь, но его серые глаза были не веселы, а скорее насторожены.

– Нет, она пустилась бежать от нас, едва увидела!

– Откуда ей было знать, сколько нас!

– Она не знала, какие мы отважные паттары!

– Сразу поняла, что здесь ее саму живо на копья поднимут!

– Но теперь, когда уж видно, что она вам вреда не причинила, не лучше ль отпустить ее подобру-поздорову? – предложил Хастен. – Она уймется, больше не станет.

– Мы подумаем, что с нею делать, – Азар-тархан не был склонен так легко расстаться с удивительной добычей. – Надо убедиться, что она оставит это колдовство и больше не будет нападать на людей!

«Я на вас не нападала!» – подумала Заранка, но лишь нахмурилась, не в силах одолеть проклятую немоту. Ей ужасно хотелось пить и умыться, но руки были связаны и затекли, и никто не спешил ей на помощь. Кругом были одни хазары, а Хастен, судя по его глазам, скорее опасался за себя, чем старался вызволить ее.

– Зачем вы разрешаете таким опасным колдунам жить в ваших краях? – спросил немолодой хазарин, более смуглолицый и скуластый, чем ясы, с двумя длинными черными косами, свисавшими из-под шапки. – От них полагалось бы давно избавиться, так поступают разумные люди.

– Да сколько живем, ни разу не слышали, чтобы Огневида или дочери ее оборачивались... – начал Хастен.

– Дочери? – Азар хлопнул ладонью по земле. – Зэды и дауаги!³¹ Так у нее их много?

После удачной охоты, к тому же отмеченной таким удивительным приключением, он был в веселом расположении духа. Этому следовало бы радоваться – еще вчера тархан, жаждущий

---

³¹ Боги и силы!

мести, был весьма мрачен и несговорчив, – но Хастен тревожился, как бы это веселье им не вышло боком.

– Десять? Двенадцать? – наперебой стали угадывать хазары. – Двадцать пять?

– Их всего-то две, – примиряюще сказал Хастен, отчаянно прикидывая, как бы не выдать лишнего. – Одна уже давно замужем и живет, как всякая жена честная, ничего дурного не примечали за нею...

– Это ты сказал верно! – обрадовался Азар-тархан. – Я когда-то слышал, что если лесную девку взять в жены, то из нее выйдет самая обычная жена... А вот и Ярдар! – Он заметил быстро идущего через стан молодого воеводу. – Куда же ты подевался? Ты погнался за каким-то тощим оленем, а мы без тебя загнали вон какое чудо! – Он показал на сидящую Заранку. – Мы поймали лесовицу, она сначала обернулась туром, потом белкой, прямо у нас на глазах, залезла на дуб, а там вдруг стала девкой! Мы все это видели, верно, паттары?

Он глянул на своих людей, и те охотно подтвердили: все так и было. Только немолодой хазарин, Карабай, недоверчиво крутил головой и ухмылялся, а остальные в своем воображении сейчас видели то, чего не видели в лесу.

Весь вид Ярдара выражал неодолимое изумление. На лову он и несколько его отроков отстали от Азара, погнавшись за другой добычей, и вернулись позже других. Он успел только наспех умыться и переменить сорочку, мокрые волосы липли ко лбу, руки беспокойно оправляли пояс.

– Это... Эта девка обернулась... туром? – повторил Ярдар, способный поверить в это не более, чем сама Заранка. – Это... быть того не может.

– Мы сами видели! – настаивал Азар. – Ведь ее мать – колдунья, правда?

– Она... женщина мудрая... знающая...

– Она знает больше, чем ты думал! Но теперь-то мы открыли истину! Осталось решить, что нам с нею сделать, чтобы она больше не могла превращаться в зверя и нападать на людей!

– Она нападала?

– Еще как! – наперебой отвечали ему. – Она пыталась нас затоптать! И забодать! Она нарочно попалась нам на пути, чтобы погубить!

Глядя в веселые лица хазар, Ярдар никак не мог понять: они смеются над ним? Или сами верят в то, что говорят?

– Я думаю, стоит... – Он подумал было позвать Огнеvidу, но тут же сообразил, что попадаться хазарам может оказаться опасно и для старой колдуньи, как для молодой.

– Я знаю, что нам стоит сделать! – Азар-тархан хлопнул его по плечу. – Если находится такой смелый человек, чтобы взять в жены лесную девку, то она становится обычной женой.

Взять в жены! Ярдар взглянул на Заранку и встретил ее пристальный взгляд.

Заговорить она все еще не могла – да и что бы она сказала этим людям, уверенным, что она оборотень? – но вспомнила, что ее побудило отправиться в путь нынче утром. Плотный свернутый пояс так и лежал у нее за пазухой. Она несла его, чтобы привязать к Ярдару удачу. Но, похоже, расплатилась за это своей. Казалось, она стоит на обрыве над большой рекой и не знает, что принесет ей следующий миг: не то ей позволят отойти от края, не то столкнут в глубокую темную воду.

И кто же должен стать тем молодым, который, как в песнях, переведет девушку через реку? Кто, как не тот, кому она предлагала разделить судьбу, обещая сделать эту судьбу счастливой?

Да не слишком ли широко она размахнулась, впервые сейчас подумала Заранка. По силам ли ей это дело?

Нет, не слишком, ответил ей упрямый голос из души. В ее руках – сила старых старух судениц. Впервые она обратилась к их помощи, когда речь шла о счастье-доле для нее самой, для молодого воеводы, для всей Веденецкой волости! Они не могли ее подвести!

Видно, настоящее счастье-доля даром не дается. Те, кому их вручают, должны доказать, что достойны этого дара. В себе Заранка не сомневалась. А Ярдар? Он-то достоин?

Горящий взгляд чумазой девушки со связанными руками и в разорванной о сучья вздевалке пронзал Ярдара насквозь. Она не выглядела испуганной, скорее негодующей. Если бы она хоть заплакала, было бы легче убедить хазар, что никакой она не оборотень. Но гнев на замкнутом лице и полное молчание, присущее выходцам с того света, придавало ей вид дикий и пугающий. Он даже поверил вдруг, что Заранка и правда превращалась в зверей на глазах у Азаровой дружины. Он просто раньше не знал, что младшая дочь Огневиды на такое способна. Кто их разберет, ведунниц и ворожеек? А он ей почти обещал... Нет, не обещал, но не возразил... И теперь она считает его своей добычей... Вот попал так попал!

Только этого и не хватало – сейчас, когда Азар так разгневан из-за гибели брата, когда он жаждет мести и тархановцам с таким трудом удастся скрыть, что они расстались с людьми Амунда чуть ли не друзьями! Что ему стоит обвинить их в измене – за ним вся держава хазарская и хакан-бек со всем его могучим войском. И как тогда оправдываться? Еще хорошо, если позволят оправдаться, а не порубят всех и не пожгут волость. Со времен хазарских набегов и разорений прошли многие десятилетия, но славяне разных родов и племен до сих пор помнили горестные песни об этом.

– Но вот беда, – насмешливо сказал Карабай, пока эти мысли проносились в голове у Ярдара, – где же найдешь в наше время такого смелого человека? Нынче не те века, когда по земле ходили паттары ростом с дерево!

– Мы найдем такого человека! – ободрил его Азар-тархан. – Ярдар!

Тот вздрогнул, ожидая, что сейчас ему прикажут жениться на оборотне; да Азар издевается над ним. Заставит взять Заранку в жены, а потом выставит на посмешище, дескать, на лесном чучеле женился...

– Прикажи женщинам вымыть ее и одеть как следует, – продолжил Азар, пока Ярдар лишь открыл рот, чтобы возразить. – Тогда и посмотрим, на что она станет похожа. Я слышал, что лесные девы, если их вымыть и одеть, бывают хороши собой. Или твои женщины побоятся к ней подойти?

– Нет, – почти уверенно ответил Ярдар, мельком подумав о Мираве. – Женщины все сделают, как ты пожелаешь, тархан.

* * *

Когда в избу вдруг вошел Ярдар, Миравы тут же поднялась ему навстречу. Сами глаза ее спросили: «Что с нею?»

– Вот что, бабоньки, – хмурясь, Ярдар окинул взглядом замерших в ожидании женщин – Риманту, Годому, Елину, Рдянку, Черняву и дочь ее Жураву. – Ступайте к баням, носите воду, начинайте топить, да принесите зелий всяких целебных. Сейчас хазары туда Огневидину дочь приведут, будете ее парить.

– С чего бы? – охнула Риманта. – Хворая она, что ли?

– Что не лесовица она, – не очень внятно пояснил Ярдар, но женщины его поняли: баня – место перехода из девушек в жены, из мертвых в живые (и наоборот), из нелюдей в люди.

– Это верное средство! – одобрила Годомы. – У той ведунницы, которая оборотень, сзади хвостик растет – с палец величиной, – она показала собственный палец, и все воззрились на него, будто никогда не видели такого дива, – и шерсткой серенькой покрытый, будто заячий...

– Не заячий, а пороссячий! – поправила Чернява.

– Заячий, я верно знаю!

– Откуда тебе знать? Разве что у самой такой имеется!

– Я, что ли, оборотень, по-твоему?

– А ну молчать! – рявкнул Ярдар на баб, уже готовых ринуться в свару. – Вы все ступайте с ней в баню, а ты, Мирава, собери для сестры что надеть – сорочку там, что ей еще нужно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.